

ПО
МОТИВАМ
СЕРИАЛА

Кит Р.А. ДеКандидо • Джо Шрайбер
Ребекка Дессертайн • Дэвид Рид

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ

• СЕРДЦЕ ДРАКОНА •

• НЕБЛАГОЕ ДЕЛО • ВОЙНА СЫНОВ •

Сверхъестественное

Джо Шрайбер

**Сверхъестественное.
Сердце Дракона. Неблагое
дело. Война сынов**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111- 31(73)

ББК 84 (7Сое)- 44

Шрайбер Д.

Сверхъестественное. Сердце Дракона. Неблагое дело.
Война сынов / Д. Шрайбер — «Издательство АСТ»,
2021 — (Сверхъестественное)

ISBN 978-5-17-136148-8

Двадцать два года назад Сэм и Дин Винчестеры потеряли мать, которую погубила таинственная злая сила. Когда они выросли, отец рассказал им о демонах, которые таятся во тьме и бродят по проселочным дорогам Америки. А еще он рассказал им о том, как с ними бороться... Опасные приключения братьев Винчестеров продолжаются. В романе «Сердце Дракона» они расследуют серию трагических смертей в Китайском квартале Сан-Франциско. В следующей книге, «Неблагое дело», Сэм и Дин держат путь в штат Джорджия, где им предстоит поймать хладнокровного убийцу, действующего под влиянием мощного заклятия. А «Война сынов» повествует о том, как братья отправляются на охоту за самим Люцифером.

УДК 821.111- 31(73)

ББК 84 (7Сое)- 44

ISBN 978-5-17-136148-8

© Шрайбер Д., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Сердце дракона	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	38
Глава 8	45
Глава 9	49
Глава 10	55
Глава 11	57
Глава 12	61
Глава 13	64
Глава 14	67
Глава 15	70
Глава 16	74
Глава 17	78
Глава 18	82
Глава 19	84
Глава 20	86
Глава 21	92
Конец ознакомительного фрагмента.	100

**Кит ДеКандидо, Джо Шрайбер,
Ребекка Дессертайн, Дэвид Рид
Сверхъестественное. Сердце
Дракона. Неблагое дело. Война сынов**

Supernatural

Heart of the Dragon by Keith R. A. DeCandido

The Unholy Cause by Joe Schreiber

War of the Sons by Rebecca Dessertine & David Reed

Copyright © 2021 Warner Bros. Entertainment Inc. SUPERNATURAL and all related characters and elements © & TM Warner Bros. Entertainment Inc. (s21)

© А. Анастасьев, И. Литвинова, Е. Цирюльникова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Сердце дракона

Посвящается сихану¹ Полу и всем ученикам школы додзэ².

Осу³, сихан; осу, сэмпей⁴; осу, дорогие мои друзья, все это написано для вас, парни.

Сочинение этого романа совпало с подготовкой к получению моего первого черного пояса, что я считаю одним из крупнейших достижений в своей жизни. Занятия карате оказались на редкость просветляющим и восхитительным испытанием, и я навсегда сохраню чувство признательности своим друзьям-каратистам за поддержку, мудрость и высоту духа.

¹ Мастер боевых искусств; титул обычно присваивается обладателям пятого дана. *Здесь и далее прим. переводчика.*

² «Место, где ищут путь» – в японском буддизме и синтоизме место для медитации и иных духовных практик; в современном словоупотреблении – школа боевых искусств.

³ Существует множество толкований значения этого слова и его происхождения. Это слово произносят во время обмена приветствиями между старшими и младшими при входе в додзэ, перед выполнением ката и после получения указаний от своего учителя.

⁴ «Стоящий впереди».

Глава 1

1859 год

Дождь лил не переставая почти час.

Ожидая, когда он кончится, Йосио Накадаи сидел в придорожном укрытии в позе сэйдза – на коленях, скрестив ступни под ягодицами. Он никуда не спешил. Это укрытие было сделано для путников, чтобы дать им возможность переждать непогоду. Монотонный шум дождя, барабанившего по крыше, позволял сосредоточиться на медитации.

Да только вот сосредоточиться в последнее время было трудно. Даже сейчас ему никак не удавалось избавиться от посторонних мыслей.

Некогда самурай, если бы земли его господина были захвачены, а титул отобран, совершил бы сеппуку – ритуальное самоубийство. Но те времена прошли. Сейчас уже никто не помнил законов чести, а бусидо из кодекса самурая, свода правил поведения воина, каким он некогда был, превратился в сказки, которые рассказывают детям на ночь.

А Накадаи стал обыкновенным ронином⁵, блуждающим по городам и весям в надежде заработать своим искусством на кусок хлеба. На протяжении года, прошедшего с тех пор, как его господин утратил покровительство Эдо⁶, Накадаи охранял людей и караваны, послужил следователем, судьей, улаживающим споры между торговцами, строителем и даже наставником, обучающим искусству самозащиты сына одного богача.

Его репутация неплохо работала на него, особенно в небольших городках близ Эдо. В отличие от многих других ронинов, Накадаи всегда поступал честно.

Иначе он и не умел. К тому же, если он выполнит свою работу как следует, повысятся шансы получить новое предложение.

Тем не менее, хоть зарабатывал Накадаи достаточно, радоваться жизни у него не получалось. Соверши он, как того требовала традиция, сеппуку, возможно, душа его и обрела бы мир. Но умереть из верности бесчестному человеку...

Накадаи не испытывал особой любви к сегунату⁷, да и господин его, трус и мошенник, вполне заслужил наказание. Позором покрыл себя господин, а не он, Накадаи. Ради таких, как он, умирать нет никакого резона. Тем не менее закон чести требовал именно этого. Накадаи принес клятву верности, и тот факт, что его господин этой верности не заслуживал, клятвы не отменял.

Это противоречие мучило его. Сознание оставалась несвободным.

Вдруг сквозь шум дождя послышались чьи-то быстрые, чавкающие по грязи шаги.

Накадаи открыл глаз и попытался хоть что-нибудь разглядеть сквозь стену дождя. Он увидел невысокого мужчину, бегущего к укрытию. Остановившись на пороге, пришелец попытался вытереть мокрое лицо и стряхнуть с одежды капли дождя, но, убедившись в том, что это бесполезно, рассмеялся и заговорил:

– Приветствую вас! Надеюсь, вы не будете против, если я разделю с вами кров?

– Разумеется, нет, – спокойно откликнулся Накадаи и снова закрыл глаза, в надежде, что незнакомец поймет его желание остаться наедине с самим собой.

Увы, надеждам его сбыться было не суждено.

⁵ Деклассированный самурай феодального периода японской истории, потерявший покровительство своего сюзерена либо не сумевший уберечь его от гибели.

⁶ Старое название Токио.

⁷ Система военно-феодального управления в средневековой Японии.

– По правде говоря, я рассчитывал, что дождь к этому времени кончится, – продолжал незнакомец, выглядывая из-под навеса. – Чо, говорил я себе, тебе еще час ходу до города, успеешь, прежде чем дождь разойдется вовсю. И на тебе – настоящий ливень! – Повернувшись к собеседнику, Чо внимательно посмотрел на него. – Слушайте, а ведь ваше лицо мне знакомо!

Накадаи вздохнул и открыл глаза. С этим Чо никакой медитации точно не получится. Правда, не то чтобы она удавалась ему в его отсутствие...

Поднявшись на ноги, он принялся расхаживать взад и вперед, чтобы размять ноги. Помещение было маленьким, так что ему все время приходилось обходить прищельца.

– Вы тоже в город? – поинтересовался тот, следя за Накадаи взглядом. – Полагаю, вы ронин, не так ли? – Он покачал головой. – Впрочем, что тут гадать, ведь при вас прекрасная катана⁸, и вы готовы буквально испепелить меня взглядом. Но одежда ваша, уж извините, знавала лучшие времена. Вы рассчитываете найти в городе работу?

– Да.

Накадаи продолжал свое кружение, избегая встречаться взглядом с незнакомцем и время от времени поглядывая на небо в надежде уловить хоть намек на то, что дождь скоро кончится. Вопреки его горячему желанию незнакомец не умолкал.

– Нет, где же я вас все-таки видел? Я, понимаете, посыльным служу, много где бывать приходится. Хотелось бы стать самураем или пусть даже ронином, но посмотрели бы вы на меня с мечом в руках! А впрочем, лучше не надо, потому что владею я оружием ну очень плохо. Хотя шрам у меня имеется.

В конце концов Накадаи остановился и посмотрел на Чо. Впечатление, надо признать, оказалось не из приятных. У посыльного были мускулистые ноги, что было естественно при его роде занятий, а также невероятно густые брови, гнилые зубы, дряблые руки. Одежда его обвисла на плечах, прилипла к телу. Ну, это, положим, можно было объяснить дождем, но все остальное...

По левой его руке от локтя до запястья, действительно, тянулся шрам – старый и почти прямой. Скорее всего, получен случайно – может, незнакомец споткнулся с мечом в руке.

– Такие дела, – продолжал тот. – Но двигался я всегда проворно и начал бегать. Вскоре меня стали нанимать посыльным. Работа нравится – едешь по разным местам, встречаешься с разными людьми. Знаете, я просто уверен, что где-то видел вас, – вновь принялся незнакомец за свое.

Накадаи отвернулся.

– Вспомнил! – воскликнул Чо, выбросив руку в сторону Накадаи. – Вы – Драгон Кокоро, верно?

Накадаи поморщился.

– Меня зовут Йосио Накадаи. – Прозвище ему никогда не нравилось. Самурай в одиночку уничтожил семерых бандитов, напавших на караван его господина, направлявшегося в Эдо, где ему предстояла встреча с сегуном. Бандиты оружием не владели и к тому же были пьяны, так что с ними справилась бы даже дрессированная обезьяна, но для его господина количество было важнее качества, и он принялся прославлять Накадаи как героя, одолевшего целую толпу. Когда они добрались до Эдо, он объявил, что в груди у Накадаи бьется сердце дракона. С тех пор прозвище Драгон Кокоро к нему и прилипло.

Чо покачал головой, усмехнулся и отвесил глубокий поклон.

– Для меня большая честь познакомиться с вами.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил Накадаи. Ну что ж, честь так честь. Он снова выглянул наружу и увидел, что дождь льет уже не так сильно, а на горизонте появилась голубая полоска неба. – Дождь скоро кончится, – заметил он.

⁸ Японская сабля с длинным клинком. В современном японском слово «катана» также обозначает любой меч.

– Вот и отлично, – откликнулся Чо и тут же помрачнел. – А может, и нет. Видите ли, хотя, как правило, я горжусь тем, что я посыльный, сегодня я вроде как горевестник.

– Печально, – промолвил Накадаи, но расспрашивать не стал. Чужие дела его не интересовали.

– Очень печально! Я только что от местного даймё⁹, с новостью, которая сильно разочарует тех, кто меня послал. Видите ли, – продолжал Чо, явно не считаясь с убежденностью Накадаи в необходимости уважать неприкосновенность частной жизни, – речь идет о двух девушках, чье будущее остается весьма туманным.

Накадаи повернулся к посыльному.

– Как это понимать?

– Некто Кимото обещал своего сына в мужья сразу двум женщинам. Отцы обеих дали приданое. Но еще до того как обман открылся, Кимото заболел и умер.

– Почему в таком случае сыну просто не расплатиться с отцом одной из них? – спросил Накадаи. – Или с обоими и взять в жены кого-нибудь еще.

– К несчастью, Кимото затеял эту двойную игру, чтобы вернуть карточный долг, – возразил Чо. – Деньги давно уплыли, и бедный молодой человек остался должен сразу двум женщинам.

– Да, проблема, – согласился Накадаи, покачав головой. – А вас, насколько я понимаю, послали к даймё, чтобы он ее решил.

– Точно, – вздохнул Чо. – Вот только даймё отказался быть судьей в этом споре. Сказал, что не его это дело – улаживать отношения картежников.

Накадаи потер подбородок. Дождь перестал барабанить по крыше, и через минуту-другую прояснится достаточно для того, чтобы каждый из них продолжил свой путь.

– А знаете, – помолчав немного, заговорил Накадаи, – мне случалось выступать судьей как раз в таких спорах, то есть в делах, слишком романтических или слишком мелких, чтобы вмешивался даймё. Так что, возможно, я мог бы оказаться вам полезен.

Чо просиял.

– Вполне, вполне возможно! – согласился он. – Хотя оба отца рассчитывали, что именно даймё решит все их проблемы.

Накадаи не сдержал легкой улыбки.

– Ну, по моему опыту, даймё очень редко занимаются проблемами, которые не касаются их лично.

– Совершенно с вами согласен! – Чо расхохотался, выпрямился и посмотрел прямо в лицо бывшему самураю. – Для нас будет большой честью, если Сердце Дракона согласится выступить посредником в этом деле.

Накадаи снова поморщился.

– Ну, стало быть, мы договорились? – спросил он. А потом повернулся и быстро зашагал по дороге.

– Договорились! – живо откликнулся Чо и бросился догонять ронина, а нагнав, пошел впереди.

В тот момент, когда посыльный обходил его, Накадаи показалось, что выражение лица у его нового партнера какое-то странное. Может, то была игра света, но глаза у него почернели, как уголь.

Впрочем, Накадаи тут же забыл об этом мимолетном впечатлении.

Уладить спор оказалось трудной задачей.

⁹ Феодалная знать в Японии, в чьих руках до переворота 1868 года была сосредоточена вся полнота государственной власти.

Обе женщины утверждали, что были обещаны в жены сыну Кимоты – юному шалопаю по имени Широ.

Начал Накадаи с разговора с одной из несостоявшихся невест – Кейко.

– Этот даймё – жалкий червь! – воскликнула она. – Да как он смеет относиться к моему будущему так, словно это какая-то мелочь! Что это за даймё такой, если он оставляет людей один на один с бедой! Да его повесить следует, вот что я вам скажу! Или хотя бы уволить. Чем он лучше Кимоты, если так обращается с людьми?! Вы – самурай и должны что-то сделать!

Накадаи терпеливо слушал ее визг, становившийся все пронзительнее. Затем поблагодарил Кейко и отправился поговорить с другой женщиной – Акеми.

К сожалению, единственное, на что она оказалась способна, это слезы. Накадаи пытался задавать вопросы – в разговоре с Кейко в этом не было нужды, та говорила одна, – но Акеми в ответ только всхлипывала.

Потом Накадаи поговорил с отцами. Его заранее предупредили, что между ними какие-то нелады, но общая беда явно сплотила их.

– Кимото уговорил меня, – начал отец Кейко, – повременить с объявлением о помолвке до Дня урожая.

– Меня он попросил о том же, – подхватил отец Акеми. – А год, понимаете ли, выдался неурожайный.

– Кимото объяснил свою просьбу тем, что новость о предстоящей свадьбе порадует людей и хоть как-то смягчит горечь от неурожая, – сказал отец Кейко.

Накадаи кивнул. Теперь все ясно. А то он удивлялся, как это Кимоте удалось сохранить в тайне двойную помолвку в таком городке, как этот, где все знают всё обо всех, да еще и в мельчайших подробностях.

Последним собеседником Накадаи был Широ.

– Просто не знаю, что делать, – простонал молодой человек. Он сидел с опущенной головой, не поднимая глаз на Накадаи. – Конечно, обе они – достойные женщины, и я был бы счастлив с любой из них. Честно говоря, я даже мечтать не смел о женитьбе на таких красавицах, как Кейко и Акеми. Но отец мне и слова не сказал. О помолвке я впервые услышал от отцов Кейко и Акеми, уже после похорон.

Обычно, выступая в роли судьи, Накадаи рано или поздно обнаруживал какой-нибудь важный факт, остававшийся до того неизвестным, – он-то и указывал путь к верному решению. Но тут во всем, что он услышал, не было ничего нового по сравнению с тем, что рассказал ему Чо: Кимото обвел вокруг пальца двух мужчин, заставив дать приданое за своих дочерей. А поскольку Широ мог жениться только на одной, за другую ему придется вернуть деньги, и тогда они с молодой женой останутся без гроша.

Впервые, после того как его господин был опозорен, Накадаи не знал, что делать.

Поселился он в скромной гостинице. На третий день засиделся допоздна, полируя при пламени свечи свою катану. Равномерные движения вверх-вниз тканью по кривому клинку помогали привести мысли в порядок.

Вдруг снаружи послышались шаги, кто-то шел по главной улице. В этот час большинство жителей спали, и шаги отдавались в ночи гулким эхом. Они приближались к гостинице.

Через несколько мгновений тень женской фигуры, неровная в колеблющемся пламени свечи, упала на бумажную ширму, закрывающую вход в номер Накадаи. Тень протянула руку, и ширма отодвинулась в сторону.

На пороге появилась Акеми. Она опустила на колени.

– Простите меня за вторжение в столь поздний час, Драгон Кокоро, но мне необходимо с вами поговорить.

Накадаи скрипнул зубами. Именно так – Сердцем Дракона – Чо представил его жителям городка, и ему не нравилось, что прозвище тут прижилось. А еще ему не нравилось, что к нему

вторгаются без спроса. Но Акеми впервые заговорила в его присутствии, так что он кивнул, убирая меч в ножны.

Акеми встала, задвинула ширму, шагнула к нему и, низко кланяясь, вновь опустилась на колени.

– Хочу попросить вас решить дело в пользу моего отца.

– Да, но ведь обманули не только вас, – возразил Накадаи. – Почему Кейко должна пожертвовать собой ради вас?

Неожиданно глаза Акеми из бледно-голубых превратились в угольно-черные.

– Потому что, о могущественное Сердце Дракона, я не оставляю вам выбора. – С каждым словом голос Акеми менялся, приобретая какое-то странное звучание.

Накадаи вскочил на ноги и выхватил клинок. Вместе с голосом переменялось и лицо Акеми. В нем появилось что-то не вполне человеческое.

– Кто вы? – спросил Накадаи.

– Я демон, натравливающий жителей этого городка друг на друга. Просто так, ради забавы. Превращать во врагов тех, кто доверял друг другу, – это просто замечательно. – Голова Акеми раскачивалась из стороны в сторону. – Но эти крестьяне все портят! Вместо того чтобы расколоться на два лагеря, выбирая, на ком должен жениться этот жалкий хорек Широ, они послали за помощью к даймё. Но тут я нашел вас! – На лице Акеми появилась гримаса, которую только с большим трудом можно было назвать улыбкой. – А теперь я собираюсь сделать кое-что, что позволит мне не только позабавиться. И вы мне в этом поможете.

Накадаи сжимал в руках катану, но в атаку пока переходить воздерживался.

– Я ни за что не стану помогать демону, если, конечно, вы и правда демон.

– Да ну? И что же тогда вы будете делать? – скрипучим, как гравий под ногами, голосом проговорил демон. – Наброситесь на меня? Но ведь тогда вы причините вред бедной беззащитной Акеми! Местные жители проклянут вас, убийцу невинной женщины.

Накадаи с трудом удерживался от того, чтобы не наброситься на демона, но все-таки сохранял выдержку и не мешал ему говорить.

– В один прекрасный день вы мне понадобится, – продолжал демон голосом, лишь отдаленно напоминающим голосом Акеми. – Это будет не скоро, но когда этот день настанет, мне потребуется герой. – Черные глаза впелись в Накадаи. – Вы хоть представляете себе, как трудно найти настоящего героя, особенно в наши жалкие времена? Когда я, просто чтобы чем-то занять себя, переселилась в Чо и притворилась, что направляюсь к даймё, надежда на то, что удастся найти настоящего мужчину, почти оставила меня. Но увидев вас в убежище, я поняла, что нашла героя. А дальше оставалось только завлечь вас сюда, и уж это было проще простого.

– Я не собираюсь участвовать в осуществлении ваших планов.

– А вашего участия и не требуется, – усмехнулось существо, вселившееся в Акеми.

Не успел ронин произнести хоть слово, как одержимая демоном Акеми начала срывать с себя одежды. Потом демон ударил ее головой о столб, поддерживающий потолок.

Акеми вскрикнула и стала кричать, не умолкая. Сердце Накадаи упало, он понял, что не в силах справиться с происходящим. У него оставалось всего несколько секунд, прежде чем эти крики услышат. Единственное, что он мог сделать, – это ждать, когда придут люди, и все им объяснить. Либо повести себя как трус и сбежать.

Но сделать это ему не позволяла честь.

Снаружи послышались шаги. Дверь в гостиницу распахнулась, и с полдюжину мужчин в ужасе уставились на Накадаи, стоящего с обнаженным мечом, и Акеми, лежащую на полу, обнаженную и истекающую кровью.

Среди прибежавших на крики был и ее отец. Он окликнул дочь по имени и опустился рядом с ней на колени, осторожно касаясь раны на ее голове и отирая кровь с лица.

– Что ты сделал с моей драгоценной дочерью?

Всхлипывая, демон, чьи глаза обрели естественный цвет, ответил голосом Акеми:

– Я хотела уговорить его решить спор в нашу пользу, а он накинулся на меня! – Она приподняла голову и с ненавистью посмотрела на Накадаи. – Сказал, что я недостойна быть невестой, а после того как он сделает свое дело, никогда и не буду.

Отец Акеми круто повернулся к Накадаи.

– Ты изнасиловал мою дочь?!

Другой из местных жителей подхватил:

– Мы думали, Драгон Кокоро – человек чести! А ты, оказывается, просто грязный мерзавец-ронин!

– Я не трогал вашу дочь, – сказал Накадаи, понимая, что любые оправдания бесполезны. – В нее вселился демон.

Снова раздался голос Акеми:

– Он лжет!

– Кончено, лжет, – сказал ее отец и повернулся к мужчинам, толпившимся у двери. – Хватайте его!

Накадаи не стоило никакого труда отразить нападение. В конце концов, это были всего лишь крестьяне. Он легко мог убить всех шестерых, а вместе с ними и Акеми, и сбежать. Но кровь невинных никогда не оскверняла его меч. Не осквернит и сейчас, пусть даже это будет стоить ему жизни.

Он понял, что судьба его была решена, еще в тот самый момент, когда демон появился в его комнате, приняв облик Акеми. А может, и раньше – когда он спрятался от дождя в укрытии.

Так что он позволил схватить себя, отобрать катану, связать и отвести на городскую площадь. По дороге, разбуженные суматохой, к процессии присоединились другие жители городка. Накадаи привязали к столбу, поставили рядом стражников. Но им не о чем было беспокоиться – Накадаи с достоинством ожидал наступления рассвета.

К утру на площади собрался весь городок – вершить правосудие. Отец Акеми рассказал всем о том, что Драгон Кокоро сотворил с его дочерью, и закончив, плюнул в пыль себе под ноги.

– Кто-нибудь хочет выступить в защиту этого ронина? – спросил он.

Никто не произнес ни слова.

Чувствуя, как веревки впиваются в связанные за спиной руки, Накадаи оглядел толпящихся на площади людей. В их глазах он читал отвращение при мысли о том, что он сделал с Акеми, и разочарование, что поступки Сердца Дракона настолько не соответствуют его репутации. Ему хотелось рассказать правду, но он понимал, что это не поможет.

Отец Акеми повернулся к нему. Глаза его стали черными. Значит, демон нашел новое местопребывание, подумал Накадаи.

– Надо было тебе, ронин, – произнес демон голосом отца Акеми, – не к дочери моей приставать, а пойти в бордель. – Он снова плюнул, на сей раз под ноги Накадаи.

Ни Чо, ни Акеми узник на площади не видел. Интересно, подумал он, что происходит с одержимыми потом, после того как вселившийся в них демон уходит?

Глаза отца Акеми приобрели обычный цвет, и он повернулся к толпе.

– Йосио Накадаи, именуемый Сердцем Дракона, за совершенные тобою преступления ты будешь предан огню!

Накадаи был потрясен.

– Я требую права совершить сепуку! – вскричал он.

Повернувшись к нему, демон прорычал голосом отца Акеми:

– Ты изнасиловал мою дочь, негодяй! Не тебе что-то требовать!

Накадаи рванулся было к нему, но заставил себя остановиться. Отвергать назначенную смерть – дело для самурая, да и для ронина, неслыханное. К тому же он понимал, что спорить бессмысленно.

Несколько человек вкопали в землю, подальше от жилых домов, бамбуковый шест, остальные схватили Накадаи, проволокли через площадь и привязали к нему. Одни убедились, что веревки закреплены прочно, другие принялись складывать дрова, так что поленница получилась высотой до колен Накадаи.

Отец Акеми на минуту отлучился и вернулся с горящим факелом.

Собравшиеся подались назад.

– Драгон Кокоро, ты умираешь за совершенные тобой преступления, – возгласил демон так, чтобы всем было слышно. – Усмешка на мгновение искривила его губы.

Он наклонился, сунул горящую паклю в поленницу, и в тот же момент прошептал несколько слов на неизвестном Накадаи языке. Слова эти услышал только ронин.

У демона определенно была какая-то гнусная цель, но пламя уже лизало ноги Накадаи, огонь перекинулся на изорванную одежду, и в чем заключается замысел демона, ронин разгадать не успел.

Огонь пожирал плоть, обнажая скелет, но Сердце Дракона умер, не проронив ни звука, и весь город восторженно приветствовал его конец.

Глазами отца Акеми демон наблюдал за казнью. Тело ронина горело в пламени, а огонь совсем иного свойства пожирал его душу.

Демон был очень доволен. Исчадиям ада нравятся быстрые решения – погубить чью-то душу здесь, получить политическую выгоду там, но все это так банально...

Нет, играть надо по-крупному.

Не то чтобы мелкие ставки совсем уж ничего не давали. Существо обвело взглядом людей, которых так легко провел Кимото. Он, демон, не имел к этому никакого отношения – более того, именно проделки Кимото и заставили его обратить внимание на это совершенно неприметное местечко. Такие игры всегда привлекали его, как сахар – муху.

Но едва сообразив, что же на самом деле тут происходит, демон решил и сам немного поразвлечься. Он наслал на Кимото смертельную болезнь, еще больше настроил людей друг против друга, а потом переделся городским посыльным, чтобы уж точно не позволить даймё помочь жителям городка, что только еще больше разозлило их.

Вот эта-то злость, эта ярость – они и были для него забавой. Однако завлечь в силки благородную душу, это уже нечто совсем другое – это искусство. Такое искусство, которое надолго переживет этот восхитительный миг.

Когда это случится, неизвестно, но демон был твердо убежден, что настанет день, когда дьяволы и ангелы сойдутся в сражении, слуги Люцифера и Божьи слуги встретятся в последней, поистине эпической битве.

Большинство демонов будут в этой битве всего лишь рядовыми, вполне довольными своей участью. Но у этого демона были свои планы. Благодаря одному утомленному жизнью человеку, владевшему старинными свитками и высоко ценившему свою душу, ему удалось ускользнуть из Ада. И с тех пор он кружил над землей, готовясь к своему звездному часу.

Неизвестно, когда тот наступит, но бессмертный демон мог и подождать.

Геенна огненная, разверзшаяся благодаря произнесенному шепотом заклинанию, смыкалась вокруг Сердца Дракона, покрывая копотью его чистоту и благородство, а земной огонь пожирал его плоть.

Когда придет час, дух Йосио Накадаи станет мощным орудием в руках зла, благородная душа на службе низменным целям.

Глава 2

2009 год

Дин Винчестер спокойно поглядывал через стол на мужчину с козлиной бородкой.

За покерным столом они остались только вдвоем, и перед Дином лежала целая куча фишек, то время как у Белой Бороды их было только на сто долларов, и раздумывал он над своими картами, нервно пытая двенадцатой за вечер сигарой. Когда игра только начиналась, то, что он курит, сидя прямо под объявлением: «Не курить», казалось забавным, но сейчас уже просто раздражало.

Дину раньше не приходилось вдыхать дым таких вонючих сигар, но это была плата за игру. Это плюс шестьсот долларов для вступительного взноса, которые Дин вынужден был одолжить у Бобби Сингера. Они с Сэмом оказались на мели, так что купить еды и заправить «Шевроле-Импалу» 1967 года, на которой они ездили, можно будет, только если Дин выиграет. Когда пытаешься предотвратить Апокалипсис, неудобства вроде голодной смерти или пустого бака только отвлекают.

Белая Борода не отрывал глаз от четырех карт, которые открыл Дин: двойка червей, тройка треф, четверка червей и шестерка пик. Сам он открыл три туза и четверку бубен. Дин поддерживал ставки соперника, не повышая. Фишек у него было полно, а Белая Борода находился при последнем издыхании, так что он мог позволить себе быть великодушным.

«Надо бы узнать, как его зовут, – подумал Дин. – А впрочем, – возразил он сам себе, – не стоит. К чему мне это?»

Белая Борода все пытался понять, зачем Дин продолжает поддерживать ставку: только ради удовольствия продолжать игру или еще зачем-то. В конце концов, он может делать это, даже имея на руках самые дрянные карты. А уже открытые карты указывали на то, что у него может быть стрит, или две пары, или даже тройка.

А у Белой Бороды, кстати, вполне может оказаться фулл-хаус, или даже четыре туза. Впрочем, судя по выражению его лица, вряд ли это так.

Белую Бороду нервировало, что кучка фишек перед Дином неуклонно росла. И волновался он не зря. Ведь остальные пятеро игроков из игры вышли, оставив все свои деньги в виде фишек перед Дином либо в центре стола.

Странное, более чем странное чувство испытываешь, играя в покер и зная при этом, что вот-вот наступит конец света, но им до зарезу нужны были деньги. Не менее странное чувство охватывало Дина, когда он замечал, что думает о надвигающемся Апокалипсисе, как о чем-то обыденном.

Но все было именно так, и никуда от этого не денешься. Демоница Руби вселилась в Сэма и заставила выпустить Люцифера из заточения. Ангелы и демоны готовятся к войне, а люди станут в ней разменной монетой.

Ангелы требовали, чтобы архангел Михаил вселился в тело Дина, а демоны выбрали Сэма вместительным Люцифера. Братьям было сказано, что это неизбежно, что им следует просто примириться с судьбой. Винчестеры категорически отвергли это заманчивое предложение. Как победить в этой битве, они понятия не имели, но были уверены, что найдут какой-нибудь выход. Или же падут в сражении.

Но все по порядку.

– Ну что, полковник Сандерс, – сказал Дин, нарушив тишину и заставив всех в зале вздрогнуть от неожиданности, – поднимай или уже хватит?

Белая Борода тяжело вздохнул.

– Похоже, выбора у меня нет. – Он сдвинул на середину стола оставшиеся у него фишки. – Сотня.

Дин добавил две по пятьдесят.

– Вскрывается.

Довольно усмехаясь, Борода положил рядом с тремя тузами закрытую карту и перевернул ее – это оказался туз червей.

– Каре.

Сделав долгий выдох, Дин сначала перевернул шестерку червей. За ней четверку той же масти.

Решив, что у Дина всего две пары – шестерки и четверки, Белая Борода потянулся за фишками.

И тут Дин перевернул третью карту: пятерку червей.

Двойка, тройка, четверка, пятерка и шестерка червей – у него был флэш, единственная комбинация, бьющая четверку тузов.

Дин жмурился, как кот, только что сожравший канарейку.

– О черт, только не это! – простонал Белая Борода.

Трое мужчин, сидевших за спиной Дина, засмеялись – бармен, он же крупье, и еще двое игроков, проигравших все, что у них было, но оставшихся посмотреть, как идут дела у других.

Бармен мог позволить себе смеяться – сотня с каждого взноса шла ему в карман в качестве платы за аренду зала.

После того как Дин вернет долг Бобби, у него останется три тысячи долларов. Кстати, может, Бобби даже откажется брать у него обратно те шестьсот баксов. Или не откажется. В последнее время он не проявляет особой склонности к благотворительности. Это можно понять, учитывая, что передвигаться ему приходится в инвалидной коляске.

– Приятно было пообщаться с вами, господа, – сказал Дин, отодвигая стул. Он перегнулся через стол, чтобы забрать выигрыш и свой мобильный телефон.

Белая Борода насупился и тяжело откинулся на спинку стула.

– Тебе-то, конечно, приятно, малыш, – пробурчал он.

Бармен, смеиваясь, отсчитывал деньги.

– Не обращай внимания на Хэла, сынок, – сказал он. – Просто он не привык проигрывать.

– Ничего удивительного, – ответил Дин так, чтобы все слышали. – Он хорош. – И снова расплылся в улыбке. – Но я лучше.

Два других игрока закатили глаза.

– Заходи, когда в следующий раз будешь в городе, – сказал один из них. – Полагаю, что выразу общее мнение, сказав: мы хотели бы отыгаться.

– Понятное дело, – весело отозвался Дин и зашагал к выходу, не обращая внимания на сердитые взгляды, которые бросал на него Хэл сквозь клубы сигарного дыма.

Открыв дверь, Дин поморщился – луч поднимающегося над горизонтом солнца ударил ему в глаза. Ему-то казалось, что до рассвета еще как минимум час.

Дойдя до стоянки, он сунул руку в карман кожаной куртки и вытащил мобильник. Его ожидали два голосовых сообщения, и он поднес телефон к уху.

Одно («Привет, как делишки?») от Элен Харвелл, донимавшей Винчестеров звонками с тех самых пор, как случилась та заварушка на Ривер-Пасс.

Другое от Сэма – о том, что тип, с которым они столкнулись в Ист-Брэди, в Пенсильвании, и сочли эту встречу дурным предзнаменованием, оказался просто полоумным стариком, помешанным на поджогах.

Дин дослушал сообщения, уже оказавшись рядом с «Импалой», стоявшей между «Субару» и пикапом. Отключив мобильник, он сел за руль, вставил ключ в замок зажигания, посмотрел в зеркало заднего вида...

... и чуть на месте не подпрыгнул, увидев на пассажирском месте заросшее щетиной лицо Кастиила и его пустые глаза.

– Привет, Дин.

– Какого дьявола, Кас?!

– Сэм и Бобби сказали, что ты здесь. Бобби не хочет, чтобы я оставался у него дома.

Выезжая со стоянки, Дин обернулся через плечо.

– Кас, сколько раз можно напоминать, что у каждого из нас есть личное пространство, а?

Но, несмотря на мгновенно охватившее его чувство паники, Дин сразу понял, что просто не способен злиться на Кастиила – ангела, решившего, что его собратья не должным образом исполняют желания Бога, и восставшего против них.

Ангелам это не понравилось, и они убили его, но затем по каким-то неясным причинам он воскрес. Кас считал, что этого пожелал Бог; ангелы, напротив, решили, что это дело рук Люцифера, пытающегося сеять семена раздора в рядах небесного воинства.

Дину на все это было решительно плевать – ему просто хотелось, чтобы и ангелы, и демоны оставили его в покое.

Кас стал другом и союзником Винчестеров, и хотя некоторые свои способности он утратил (например, способность исцелять), ангельской силы у него осталось вполне достаточно, чтобы помогать Сэму и Дину.

– Нужно, чтобы вы с Сэмом съездили в Сан-Франциско, – сказал Кастиил, так и не ответив на вопрос Дина, сворачивавшего в переулок, где находился бар. – Сердце Дракона снова поднял голову.

– Ладно. – Дин выехал на пустую дорогу. – А что это, собственно, значит? В Сан-Франциско что, завелся какой-то дракон?

– Нет. Но туда возвращается дух, который демоны могут использовать в войне с ангелами. Кое-кто уже умер.

– Ясно. – Не много же удалось узнать.

– Понимаю, путь неблизкий. Но это важно.

– Сначала мне надо поговорить с Бобби и Сэмом.

– Сэм уже знает, он всю ночь занимался этим делом.

– Смотри-ка, ты даешь нам возможность выбора. Здорово! – огрызнулся Дин и, вцепившись в руль, еще раз шумно выдохнул. – Ладно, ладно, вот только заправлю «Импалу», и выезжаем...

– Я могу просто перенести вас туда, – предложил Кастиил.

– Нет! – решительно возразил Дин.

– Отсюда до Сан-Франциско полторы тысячи миль. Туда не меньше суток ехать...

– Я же говорил тебе, Кас, когда ты проделываешь такие штучки, меня просто наизнанку выворачивает. – При одной только мысли об этом Дина затошнило. – Нет, я пас.

Кастиил покачал головой.

– Ну, как скажешь. Сэм сейчас изучает два предыдущих появления Сердца Дракона.

Дин свернул направо. Впереди показалась автомобильная свалка Бобби Сингера. «Бобби не обрадуется, увидев Каса», – мрачно подумал он. И, словно прочитав его мысли, Кастиил слегка поежился.

– Что-то не так, Кас?

– Бобби не любит, когда я захожу к нему. Он все еще... сердится, что я не смог его вылечить. По-моему, ему неприятно меня видеть.

– Кас, я уверен, что он привыкнет...

– Ну, оставайся с этой уверенностью и дальше, – перебил его Кастиил и испарился.

Дин внезапно почувствовал, что ему хочется выпить. Он покачал головой и сосредоточился на дороге. Только что Кастиил был здесь, и вот его уже нет. Сколько раз Дин это видел,

и все никак не мог привыкнуть. Нет уж, сам он такие фокусы не одобрял. Разве что в случае крайней необходимости. Например, когда нужно было спасти его от Захарии.

Но сейчас не тот случай.

Он въехал на подъездную дорожку и остановился рядом с «Юнкером», с которым Бобби возился до того, как недавно попал в аварию. С тех пор он к нему не прикасался. Неизвестно, сможет ли Бобби вообще передвигаться без посторонней помощи. И хотя складом можно управлять и сидя в инвалидной коляске, Дин знал, что Бобби такая перспектива не устраивает.

Трудно его за это осуждать.

Разумеется, если им не удастся спасти мир от гибели, все это не будет иметь никакого значения.

В доме, за кухонным столом, сидел Сэм. Перед ним дымилась чашка кофе. На стойке Дин увидел тарелку только что испеченных булочек и почти полный кофейник.

– Привет, – бросил Сэм, не отрываясь от стопки бумаг, только что выползших из принтера. – Ну, как дела?

– На бензин, еду и крышу над головой на первое время хватит, – ответил Дин, шагнув к стойке. – Кас просветил меня насчет дела во Фриско.

Сэм кивнул и наконец поднял голову.

– Меня тоже. Судя по тому, что я нарыл, дух появлялся в декабре 1969 года, а потом в декабре 1989-го.

– Получается, раз в двадцать лет? Тогда понятно, почему он возвращается именно сейчас. – Дин взял кружку и налил себе кофе. – Кас сказал, что вообще-то это не дракон.

– Трудно сказать. – Сэм передал ему несколько листов бумаги. – Пока у нас тут несколько расчлененных и сожженных тел.

– Да, но почему обязательно драконы? – спросил Дин, перебирая бумаги. – То есть, я хочу сказать, все это очень похоже на сказку.

– Дин, ты побывал в Аду, я положил начало Апокалипсису, и считается, что в нас вселились архангел и демон. И теперь ты еще чему-то не веришь?

– Да ладно, ладно... – Дин взгляделся в верхний лист и чуть не подпрыгнул.

– Вот сукин сын!..

Сэм нахмурился.

– В чем дело?

Дин помахал распечаткой перед носом брата. Это была копия статьи в одном из номеров «Сан-Франциско кроникл» от декабря 1969 года, с фотографиями. Он ткнул пальцем в какого-то мужчину, запечатленного на одном из коллективных снимков.

– Посмотри-ка на этого малого.

Сэм прищурился.

– Я не... – Он поднес фотографию поближе к глазам. – Извини, но я не узнаю его.

– Ах, ну да, действительно... – Дин снова взял распечатку и принялся читать. В статье говорилось о гибели молодой пары неподалеку от концертного зала «Винтерлэнд», где в 1960–70-е годы состоялось несколько знаменитых концертов. А внимание его привлек лысый накупившийся мужчина.

Дин уже видел это лицо. Во-первых, когда он был еще совсем ребенком и фотографии этого человека висели у них дома в Лоренсе, в штате Канзас. Эти фотографии погибли, когда в 1983 году дом сгорел при нападении на город демона Азазеля. Тогда же погибла Мэри – мать Дина и Сэма, которому было тогда всего шесть месяцев и, естественно, никаких фотографий он запомнить не мог.

А еще раз Дин увидел его в прошлом году, когда Кастиил закинул его в 1973 год, и там он познакомился с Сэмюэлем и Дианой Кэмпбелл и их дочерью Мэри – то есть со своими

дедом, бабкой и матерью – оказавшимися, к его невыразимому ужасу, охотниками. Старших Кэмпбеллов убил в 1973 году Азазель.

Лысый на фотографии и был Сэмюэлем Кэмпбеллом, его дедом. Судя по всему, во время одной из семейных охот они преследовали Сердце Дракона...

Глава 3

1969 год

Все это было совершенно не круто.

Начало было обычным: Музыканту понадобились деньги на травку. Ничего особенного в этом не было, у Музыканта то и дело возникали проблемы с работой, а у торговцев наркотой – с тем, чтобы поставлять ему травку, за которую он не мог заплатить.

Не то чтобы он не хотел работать. Просто Майкл Джеймс Верландер, называвший себя Музыкантом и шесть лет назад перебравшийся в Сан-Франциско, не всегда мог удержаться на работе, где нужно «следовать указаниям». Это и погубило его карьеру настройщика, хотя обслуживал он и «Мертвецов», и «Десять лет спустя», и другие группы по высшему классу, тут уж не поспоришь.

Но в последнее время его нанимали все реже и реже.

Но у Музыканта был еще один талант. Он мог достать все что угодно.

Так что, когда однажды вечером к нему в баре подошел Альберт Чао и сказал, что ему нужна какая-то бумажка, на которой написана часть какого-то заклинания, Музыкант сразу согласился, тем более что Альберт был завсегдатаем в баре, где бывшая Музыканта работала официанткой.

Музыкант знал парней, которые знали других парней, которые занимались подобной жутью. Альберт обещал ему серьезные бабки, а это означало, что Музыкант сможет купить себе травки.

Начал он с похода в магазин на Хейт Эшберри, где Зигги продавал комиксы. Зигги всю жизнь посвятил поискам разных редкостей, пока не потерял обе ноги. Теперь он передвигался на костылях и сочинял комиксы про парня, который охотился на монстров.

Музыкант купил у него один комикс, и взамен Зигги назвал ему имя парня из Тендерлойна, района, который пользовался в городе самой дурной славой. Тот парень в обмен на комикс назвал Музыканту другое имя, что того вполне устроило, потому что комиксы Зигги он терпеть не мог и все равно собирался выбросить.

Парень из Тендерлойна отправил Музыканта назад в Хейт, к красотке по прозвищу Подсолнушек, которой был нужен по-настоящему классный ЛСД. Ее поставщика взяли легавые, а другие толкачи ничего подходящего достать не могли.

Но проблемы начались еще не здесь. Тут все было просто. Музыкант никогда не баловался психоделикой – эта штука расширяет горизонты, а он свои обычно стремился сузить. Но где достать лучший в районе Залива ЛСД, он знал. Сведя Подсолнушка с королем кислоты, Музыканту удалось наконец раздобыть то, что нужно было Альберту Чао.

Однако для этого ему пришлось отправиться в Долорес-парк, и вот тут-то затык и произошел.

Потирая руки на холодном ноябрьском ветру, Музыкант шел вниз по 25-й улице. Впереди показалось занимающее половину квартала внушительное здание в викторианском стиле. На Музыканте были брюки клеш, туфли на тонкой подошве и рубашка с галстуком, который бывшая подарила ему на день рождения незадолго до развода. Раньше он носил джинсовую куртку, но она куда-то делась. Может, обменял ее на травку. Теперь разве вспомнишь?

Жилище, за которым он присматривал в отсутствие хозяев, находилось на Гуэрро, рядом с Двадцать второй – всего в десяти минутах ходьбы от Долорес-парка, но все равно что на другой планете. На улицах почти никого не видно, а те, кого он успел заметить, стремительно

направлялись прямо от своих модных спортивных машин к входным дверям особняков. Другие разглядывали его из-за кружевных занавесок.

Никому из них не было холодно. Плохая погода – это для бедных.

В любой момент – он просто знал это – кто-нибудь непременно вызовет легавых.

Вихляясь из стороны в сторону, он поднялся по ступенькам к викторианской двери, выкрашенной в яркий зеленый цвет.

Постучавшись, он вдруг ощутил пронизывающий холод, явно не от ветра, дующего с залива. Раздался глухой звук, как будто он постучал в крышку гроба.

Несколько секунд никто не отвечал. Музыканту все это начало надоедать. Он уже собирался уйти, вернуться к себе в берлогу, а там уж придумать, что сказать Альберту, но дверь вдруг со скрипом приоткрылась. Скрип был такой пронзительный, что Музыкант даже поморщился.

– Здорово, приятель, – запинаясь, сказал он. – Я от Подсолнушка.

– Так это ты – Музыкант? – раздался голос, похожий на звук мнущейся бумаги.

– Он самый. Мне нужна часть заклинания.

– Понимаешь ли ты, что то, что я тебе дам, это лишь фрагмент целого?

– Слушай, чувак, университетов я не кончал, но что такое фрагмент, я знаю, сечешь? Я за ним и пришел, ясно?

Наступило короткое молчание.

– Ладно, жди здесь. – Снова как будто зашелестела бумага, и дверь со стуком захлопнулась так, что у Музыканта даже волосы на бороде зашевелились.

– Мог бы и в дом пригласить, – проворчал Музыкант, снова потирая руки. – Надо было с Альберта аванс стянуть.

Сколько времени прошло, он сказать бы не смог – Музыкант часов не носил, и это была еще одна причина, по которой его карьера настройщика не задалась, – но в конце концов зеленая дверь снова отворилась все с тем же отвратительным скрипом.

На сей раз она открылась шире, и Музыкант увидел чувака. Кожа у него была морщинистой, как у старого слона, а на почти лысой голове лишь кое-где виднелись островки тонких белых волос. Просвечивавшая сквозь них кожа вся была в темно-коричневых пятнах.

На стене висели концертные афиши, и Музыканта это удивило. Он бы никогда не подумал, что такому чуваку может нравиться хорошая музыка, но факт налицо – вот она, афиша «Мертвецов», выступавших в Филморе то ли в феврале, то ли в марте.

Вот только в каком году – в нынешнем или в прошлом? С датами у него всегда было неважно.

Шишковатая рука протянула ему клочок бумаги, такой же мятый, как и голос старика.

– Будь с этим поосторожнее, – прошелестел он. – Эта штука может вызвать духов из самых глубин ада.

– Ну да, ну да, – Музыкант взял клочок бумаги и осмотрел его. То, что на нем было написано, показалось ему полной бессмыслицей. Языков он, кроме английского и испанского, не знал, а это, вроде, ни тот, ни другой. Пожав плечами, он сунул бумажку в задний карман штанов.

– Спасибо, дружище. Слушай, ты что, был на том концерте «Мертвецов» в Филморе?.. Потому что, видишь ли...

Дверь захлопнулась.

– Похоже, не был. – Он повернулся и пошел вниз по лестнице, чувствуя, как с каждым шагом растет желание побыстрее свалить от этого мрачного особняка.

Музыкант старался идти так быстро, как только могли двигаться ноги, которые несли его назад, в Гуэрро. Там Музыкант чувствовал себя как дома. Там люди были как люди, и никто

к нему не приглядывался. А главное, там не было противных стариканов с жуткими голосами и обрывками заклинаний.

Наконец он вернулся домой.

Разумеется, у самого Музыканта никакого дома не было. А эта берлога принадлежала его приятелю Фредди, который в августе уехал на восток, в Вудсток, а потом решил остаться в Нью-Йорке и стать знаменитым исполнителем народной музыки. Последнее, что Музыкант слышал о Фредди, – тот вроде бы получил ангажемент на известной площадке в Гринвич-виллидж. Там много кто дебютировал – Боб Дилан, Арло Гатри, Джуди Коллинз, Док Уортсон, вот Фредди и решил: раз у них получилось, то почему бы и ему не попробовать.

Конечно, Фредди даже настроить гитару толком не умел, и особых надежд Музыкант на него не возлагал. Но куда Фредди гоняется за своей мечтой, Музыканту есть где преклонить голову, и только это имеет значение.

Еще он надеялся, что Фредди все равно, что стало с этой его чудесной кружкой. Он говорил, что сокращает потребление кофеина, так что, скорее всего, просто ничего не заметит.

Музыкант поднялся на три пролета скрипучей лестницы, нашарил в кармане брюк ключи от квартиры. Договор аренды был очень выгодный – деньги за жилье Фредди с него не брал, только просил кормить Виолу Ли, его кошку, а этого вот уже несколько недель можно было не делать.

Музыкант потянулся к ручке двери. И тут дверь отворилась сама.

– Ни хрена себе! – выругался Музыкант. По спине у него пробежал холодок, но он тут же взял себя в руки. – Наверное, забыл запереть.

И не в первый раз, это уж точно. Это, кстати, и было одной из причин, почему ему не приходилось больше беспокоиться о Виоле Ли.

Войдя внутрь, он услышал доносящиеся из его – ладно, не его, а Фредди – проигрывателя звуки одной из песен «Лед Зеппелин». Тут-то Музыкант понял, что что-то не так. Во-первых, он ненавидел «Лед Зеппелин». Во-вторых, его не было дома уже два часа. И если бы он оставил проигрыватель включенным, игла давно бы соскочила с пластинки.

Осторожно пройдя коротким коридором в крохотную гостиную, Музыкант увидел, что на диване кто-то сидит.

– Альберт? – в голосе Музыканта явственно слышалось облегчение. – Что-то ты рано, дружище. Нет, не подумай, я ничего не имею против. – Ему смутно помнилось, что он просил соседку впустить Альберта, если тот придет раньше. Пунктуальность тоже не относилась к числу достоинств Музыканта.

Альберт молча улыбнулся. Это был молодой азиат, наполовину китаец, наполовину японец, если только Музыкант ничего не путал. У него были темные, подстриженные «под горшок» волосы, что делало его похожим на азиатского Пола Маккартни (до того, как тот отпустил бороду), и плоское лицо. Кончик носа немного вздернут, что придавало лицу капризное выражение. На Альберте был шервани со стоячим воротником, какие носил Джавахарлал Неру, и черные брюки, и выглядел он для такой дыры, как эта, слишком элегантно.

Альберт поднялся с дивана.

– Я слежу за календарем, Малыш. Понимаешь, эта штукавина лучше всего действует в ночь новолуния. – Судя по выражению его лица, он полагал, что выразился достаточно ясно.

– Окей, дружище, – кивнул Музыкант. На лунные циклы он никогда особого внимания не обращал и потому понятия не имел, что такое новолуние. Сунув руку в задний карман, он достал клочок бумаги, который вручил ему старик. – Держи, дружище. А что насчет оплаты?

Выхватив у него бумажку, Альберт так и впился в нее глазами.

– Всеу свое время, Малыш. Я еще должен убедиться, что товар не поддельный.

– Понятно, – кивнул Музыкант. Он и сам, случалось, покупал травку без предварительной проверки, о чем потом нередко приходилось жалеть. Товар всегда надо проверять.

Альберт достал другой клочок бумаги, гораздо более аккуратный, расправил его, приложил к тому, что получил от Музыканта, и усмехнулся.

Что-то в его усмешке было странное...

– Отлично.

– Ну так что, теперь я могу наконец получить свое? – Музыканту не терпелось покончить с этим делом.

Но Альберт, кажется, вообще перестал его замечать. Он что-то напевал себе под нос, и хоть слов Музыкант разобрать не мог, у него возникло противное ощущение, будто эти звуки такие же непонятные, как знаки, которые он видел на том клочке бумаги.

Обычно Музыкант гордился своей выдержкой, но на этот раз он начал выходить из себя. Он не любил, когда на него не обращают внимания, к тому же у него было полно дел.

– Послушай, дружище, занимайся своей ерундой, только мое время не трать! Мне надо купить травки, а потом у меня свидание с моей старушкой, и...

В этот момент кофейный столик вспыхнул.

– Черт! – Музыкант отскочил в сторону. Пропажу кружки Фредди, может, и не заметит, да и кошкам случается убежать из дома, тут можно особо не волноваться, но уж кофейный-то столик!.. Его Фредди наверняка заметит! Музыкант схватил одеяло, кинулся сбивать пламя и застыл на месте.

Кофейный столик уже превратился в груды пепла, но посреди огня возвышалась какая-то фигура. Мечущиеся языки пламени отбрасывали вокруг нее причудливые тени.

Альберт широко улыбался.

– О, да! Получилось! Наконец-то! Даже лучше, чем я думал. – Он с сожалением перевел взгляд на Музыканта. – Должен извиниться перед тобой, Малыш. Видишь ли, я обманул тебя, когда сказал, что смогу прилично заплатить, если ты достанешь то, что мне нужно.

Музыкант не мог оторвать взгляда от фигуры, охваченной огнем. От нее исходили волны зла, в руках она что-то держала, но что именно, не было видно. Языки пламени вздымались все выше к потолку.

Не сразу, но слова Альберта все-таки дошли до Музыканта, и он повернулся к гостю.

– Ты это о чем, дружище? – жалобно спросил он. – Ты ведь не собираешься кинуть меня?

– Я о том, – медленно проговорил Альберт, – что, если бы у меня были деньги чтобы тебе заплатить, мне бы не понадобилось заклинание, чтобы подчинить Сердце Дракона.

– Что? Сердце кого? – Музыкант все еще не мог оторваться от огня, которой не гас, но и не распространялся дальше. И от человека в огне он тоже не мог отвести глаз. Ничего подобного он еще никогда не видел.

В этот момент человек поднял руки, и Музыкант увидел кривой меч. Человек несколько раз взмахнул им – меч угрожающе засвистел в воздухе, языки пламени плясали, искры сыпались вокруг.

– И боюсь, – вновь заговорил Альберт, – свидетелей того, что я сделал, я тоже оставить не могу.

Глава 4

Сэмюэль Кэмпбелл ненавидел Рождество.

Против самого праздника он ничего не имел, или, вернее, не осмеливался ничего говорить, потому что всякий раз, как только он что-то об этом говорил, Диана бросала на него один из этих своих взглядов, а затем принималась читать лекцию о зимнем солнцестоянии. Во многих культурах существует традиция отмечать гибель и возрождение солнца, ибо солнце дарует жизнь, и так далее, и тому подобное.

Все это Сэмюэль, конечно, понимал. Понимал, почему христиане празднуют Рождество именно в это время года. Ранние христиане умели совмещать языческие и иудейские ритуалы, чтобы достичь взаимопонимания. И всегда удивлялся тому, что ранней церкви это удавалось гораздо лучше, чем современной.

Сэмюэля не задевало даже то, что Рождество пало жертвой коммерции, со всеми этими Санта-Клаусами, кока-колой и магазинами, прилагающими немало усилий, чтобы вытрясти из людей побольше денег.

Точно так же его не очень смущало и то, что с каждым годом это грандиозное вымогательство начинается все раньше и раньше. Декабрь едва наступил, а по телевизору уже вовсю крутят рекламу рождественских распродаж и акций.

Хиппи даже умудрились присвоить евангельские слова «Мир на земле, в человеках благоволение» и превратить в свой девиз. Это было не очень-то приятно, но они хотя бы руководствовались искренним, хоть и наивным чувством.

Единственное, что Сэмюэль по-настоящему ненавидел в рождественских праздниках, так это *время*, на которое они выпадали. Монстры просто обожали солнцестояние, особенно зимнее. Больше всего им нравилось появляться ночью, а сейчас как раз стремительно приближалась самая длинная ночь в году. А больше всего темноту любили вампиры.

Поэтому-то Сэмюэль и сидел теперь, спрятавшись в кустах, рядом с домом, одиноко стоявшим в темном тупике в Биг Спрингс, прямо у пересечения с шоссе. Холодно здесь было, как в колодце, но, судя по полученным от отца Кэллпса сведениям, вампир жил именно тут.

Последние несколько дней Сэмюэль провел, выслеживая кровососа. Большинство его жертв были девушками, в основном совсем юными и слишком глупыми, чтобы сказать нет мужчине, который приглашает их в гости. Судя по опыту Сэмюэля, большинство девочек-подростков и впрямь были тупицами, и оставалось лишь благодарить бога, в существование которого он не очень-то верил, что его пятнадцатилетняя дочь Мэри не такая.

Своеравная, раздражительная, невоспитанная – это да, хотя Сэмюэль надеялся, что его дочь будет послушной девочкой. Но Мэри уже повидала немало зла в этом мире. Когда ты чуть ли не с рождения учишь ребенка защищаться, стрелять из ружья, владеть ножом, учишь тому, что чудовище в шкафу не только реально, но что его можно и нужно уничтожить, рассчитывать на «послушание» – только тешить себя иллюзиями.

Сэмюэль услышал шум двигателя быстро приближающегося автомобиля. Вскоре он увидел его: большая пижонская машина с чем-то вроде плавников по обеим сторонам. На таких гоняют парни, чтобы произвести впечатление на девушек. Ему все эти штучки были незнакомы – все, что он знал про машины, так это что они начинают двигаться, когда жмешь на газ, и останавливаются, когда нажмешь на тормоза.

Вероятнее всего, Мэри не смогла бы прочесть наизусть ни одного стихотворения или главы из книги, поскольку все свободное время проводила в авторемонтной мастерской. Там после школы прирабатывал парень, который ей нравился, и Сэмюэль все собирался положить этому конец, вот только времени не было.

Единственное, что его утешало, – то, что внеклассные дела дочери вряд ли оставляют ей время для чего-то большего, чем просто разговоры. Жизнь охотника не очень-то способствует романтическим приключениям.

Однажды он попытался ей это объяснить.

– А как же вы с мамой? – тут же вскинулась Мэри.

– Это другое, – возразил он.

– Почему это? – возмутилась Мэри, и Сэмюэль сдался, понимая, что ответить ему нечего.

Машина въехала на подъездную дорожку. Сэмюэль нащупал рядом с собой лук, стрелы и мачете. Стрелы для того, чтобы остановить вампира, мачете – чтобы отсечь ему голову.

Заглушив двигатель своей сверхмощной, бросающейся в глаза машины, вампир выпрыгнул с водительского места и открыл пассажирскую дверь, чтобы выпустить жертву. Вампир создал весьма убедительный образ: рослый, темноволосый, привлекательный молодой человек в голубом пиджаке и галстучке, с длинными баками, какие сейчас носят большинство парней, если только они не хиппи. Сэмюэль невольно восхитился его вниманием к деталям.

Большинство вампиров выглядели несколько старомодными – чувство времени у бессмертных искажено. Например, один, выглядевший лет на сорок, рассказывал, как во время Большой войны сражался с «джерри»¹⁰. Многие ветераны Первой мировой называли немцев именно так, а вот участники Второй мировой (и Сэмюэль в том числе) называли их нацистами.

Едва вампир открыл переднюю дверь, Сэмюэль услышал знакомый смех.

– Вот это дом! Круто! – проговорила Мэри, и голос ее звучал гораздо более пискляво, чем обычно. Даже в темноте Сэмюэль видел, что она вытаращила глаза и приоткрыла рот.

Он был вынужден признать, что гордится дочерью. Правда, гордость эта несколько страдала от того, что ему приходится использовать пятнадцатилетнюю девочку в качестве наживки для вампира. Но такая уж у них работа. Этот вампир любит подростков, а у Сэмюэль дочь – подросток. Стало быть, ей и заманивать эту тварь в дом, не подвергая опасности других невинных девушек.

Послышался негромкий звук двигателя другой машины, и, обернувшись, он увидел медленнодвигающийся по дороге пикап Кэмпбеллов. Новолуние только началось, фары были выключены, так что машину можно было разглядеть лишь с большим трудом. Он и сам бы не увидел, если бы не ожидал ее появления.

Водителя видно не было, но Сэмюэль знал, что за рулем его жена, Диана.

Потянувшись к кустам, Сэмюэль взял лук, нащупал стрелу. Чтобы прицелиться, придется выйти из укрытия, иначе точного выстрела не получится, а рисковать, когда Мэри рядом, нельзя. Сэмюэль поднялся на ноги и натянул тетиву.

Просвистев, стрела пронзила голубой пиджак вампира и застряла у него в спине.

Вампир слегка пошатнулся.

– У-ух, – спокойно произнес он и повернулся, глядя в ту сторону, откуда стреляли.

И засмеялся.

– А-а, все ясно. – Он хлопнул в ладоши. – Браво, сэр, прямо в десятку. Но вы допустили серьезную ошибку.

– Не думаю. – Сэмюэль нахмурился.

– Неужели вы верите, что эта стрела причинит мне хоть какой-то вред? – насмешливо продолжил вампир.

– Сама по себе? Нет.

И тут тварь неожиданно зашаталась.

– Что?..

¹⁰ Жаргонное прозвище немцев.

– Перед тем как отправиться сюда, – сказал Сэм, – я обмакнул наконечник стрелы в кровь мертвеца.

Вампир с шипением упал и принялся кататься по лужайке у входа в дом. Кровь мертвеца для него была ядом.

Мэри спокойно отступила в сторону, чтобы наблюдать за происходящим с безопасного расстояния.

Сэмюэль потянулся за мачете.

Он услышал, как хлопнула дверца пикапа, и увидел направляющуюся к дому Диану. В руках у нее была канистра с бензином. В слабом свете лунного серпа могло показаться, что у нее вырос хвост, но это ножны Сэма болтались у нее на поясе. После того как Сэмюэль отсечет кровососу голову, они сожгут его тело.

Но вдруг дверь дома распахнулась, скрежет железа о деревянную обшивку эхом отозвался в ночи. На крыльце появились пять человек. Выглядели они мрачно, а изо рта у каждого торчали клыки.

– Черт, да тут целое гнездо! – вскричал Сэмюэль, хватаясь за лук. Но не успел он выстрелить, как на него набросился один из вампиров и попытался вырвать лук.

– Сейчас разберемся.

Стрела по-прежнему была зажата в правой руке Сэмюэля, и он воткнул ее в брюхо вампира. Тот упал, Сэмюэль вытащил стрелу, забросил колчан за плечо и выхватил следующую стрелу.

Двое вампиров напали на Мэри, остальные – на Диану. Они отбивались как могли, но Сэмюэль не мог стрелять, потому что боялся попасть в своих. Схватив мачете, он полоснул по шее вампира, которому только что воткнул стрелу в брюхо. Голову отрубить не удалось, но эта рана и кровь мертвеца на наконечнике стрелы обездвигают его. А добить его можно будет и позже.

Сэмюэль бросился на помощь Мэри, но один из вампиров перехватил его и рванул к себе. Сэмюэль почувствовал запах запекшейся крови и отшатнулся. Вампир только этого и ждал – он бросился вперед, чтобы впиться охотнику в шею.

Вдруг у Сэмюэля заложило уши, словно ватой, – это Мэри разрядила свой 22-миллиметровый кольт, который всегда был у нее при себе. Пуля попала вампиру в колено. Конечно, рана не смертельная и быстро заживет, но этого хватило, чтобы остановить гада.

Сэмюэль кивнул Мэри и бросил взгляд на раненого вампира; Мэри тем временем круто повернулась, чтобы отразить атаку другого вампира, который никак не хотел оставить ее в покое.

Держась за колено, из которого хлестала кровь, лежащий на земле вампир поднял голову и зарычал.

– Ты за это заплатишься!

С удивительной быстротой он вскочил на ноги и сделал выпад свободной рукой. Отражая удар, Сэмюэль вскинул мачете. Лезвие пробило кожу и с отвратительным скрежетом воткнулось в кость. Вампир, пытаясь освободиться, отдернул руку, и в тот же момент Сэмюэль нанес ему удар в живот. Кровосос откинулся назад, и Сэмюэлю пришлось выпустить рукоять мачете. Тварь, из которой торчало мачете, рыча, приготовилась к прыжку, но Сэмюэль, действуя с максимальной быстротой, еще раз ударил ее в живот отравленной стрелой.

Затем он ударил монстра локтем в лицо – что нанесло руке Сэмюэля ущерб не меньший, чем челюсти вампира, – схватился за рукоять мачете и выдернул его, все в крови, из его тела. В лицо ему брызнул гной.

Несколько секунд вампир еще извивался, но вскоре кровь мертвеца лишила его последних сил, и Сэмюэль обезглавил его.

Еще раньше, как только на крыльце дома появились пятеро вампиров, он увидел, что Диана отшвырнула в сторону канистру с бензином, и едва та с резким металлическим звуком ударилась об асфальт, Диана потянулась к ножнам и выхватила меч Сэмюэлева деда – в семье все называли его Клеймором. Диана владела им лучше, чем он, – его коньком были лук и стрелы, – потому Сэмюэль и доверил ей меч для сегодняшней охоты.

Что касается происхождения меча, то это было предметом жарких споров, не в последнюю очередь потому, что сам дедушка Кэмпбелл всякий раз по-разному отвечал на вопрос, откуда у него этот меч. То он якобы принадлежал кому-то из членов Клана, сражавшегося под знаменами Красавчика принца Чарли¹¹. То Уильяму Уоллесу¹² – явная выдумка, поскольку в четырнадцатом веке таких мечей не ковали. А однажды дедушка Кэмпбелл заявил, что он сам сражался им, участвуя в похищении Скунского Камня¹³. Любое сколько-нибудь значительное событие в истории Шотландии дедушка связывал с этим мечом.

Единственная история, в которую Сэмюэль по-настоящему верил, была та, что дед рассказал на смертном одре, когда завещал ему меч. К тому времени Сэмюэль уже знал правду о таинственных событиях, происходящих по ночам. Злой дух буквально высосал мозги из его лучшего друга, и Сэмюэлю лишь с огромным трудом удалось уничтожить его.

А дедушка Кэмпбелл знал о монстрах все. Умирая от рака, заходясь кашлем на своей огромной кровати и глядя на Сэмюэля слезящимися глазами, он поведал ему о семейном мече, который начиная с 1700 года использовался для уничтожения сил зла.

– И теперь, – сказал дед между приступами кашля, – я хочу, чтобы ты убивал им монстров.

* * *

Диана выхватила меч вовремя – на нее напали два вампира, один спереди, другой сзади. Она сделала выпад и вонзила клинок одному из них в грудь, а другого ударила локтем в лицо. Брызнула кровь, раненый вампир зарычал.

Сжимая серебряный эфес, она вытащила меч из груди первого вампира и развернулась, чтобы отразить атаку второго, подбирающегося к ней со спины.

Меч попал вампиру в руку. Снова брызнула кровь.

Но первый, даже не почувствовавший нанесенной ему раны, схватил ее за волосы. Диана рванулась в сторону, не упуская из вида второго, зажимавшего рану на руке и с трудом державшегося на ногах.

Первый вампир, как и следовало ожидать, попытался впиться ей в шею. Но ему достались лишь обрывки ткани, забившие пасть, – шея Дианы была обмотана плотным шарфом телесного цвета. Но она понимала, что, как только пройдет эффект неожиданности, вампир снова попытается прокусить ей сонную артерию.

Но ей нужно было выиграть совсем немного времени.

Взмахнув мечом, она, благодаря постоянным тренировкам, легко сделала новый выпад, и хотя угол атаки был неудобен и противник находился слишком близко, вонзила меч ему в горло. Отсечь голову до конца не удалось, и она повисла на лоскуте кожи.

– Ах ты, мерзкая шлюха! – завопил второй, стиснув шею Дианы рукой. Дышать становилось все труднее, Диана почувствовала, что ее ноги оторвались от земли. – Сейчас ты за все ответишь!

¹¹ Предпоследний представитель династии Стюартов, претендент на английский престол в 1766–1768 гг.

¹² Шотландский рыцарь, один из военачальников в борьбе Шотландии за независимость от Англии.

¹³ Древняя реликвия шотландцев.

Одной рукой Диана изо всех сил вцепилась в руку вампира, другой отчаянно пыталась пустить в ход меч, но все было бесполезно.

Вдруг послышался свист – это стрела разрежала воздух. Острие впилося вампиру в раненую руку. Боль явно должна была отозваться во всем его теле, но упрямая тварь еще несколько секунд сжимала шею Дианы.

У Дианы все плыло перед глазами. Наконец хватка ослабла, вампир повалился на землю, и она рухнула рядом, жадно хватая ртом воздух.

С трудом поднявшись на ноги, она добила первого вампира, затем обезглавила второго, того, что едва не убил ее. И лишь затем улыбнулась мужу.

– Отличный выстрел.

– Всегда к твоим услугам, – ответил Сэмюэль и добил вампиров, напавших на него и Мэри.

– Полагаю, нам стоит потолковать с отцом Кэллапсо, – заметила Диана.

– Это еще зачем? – удивленно посмотрела на нее Мэри. – Ведь он сам навел нас на них.

– Его информация оказалась неверна, – пояснил Сэмюэль. – Он говорил только об одном вампире, а тут оказалось целое гнездо.

В одной руке Диана держала меч, собираясь вытереть его, прежде чем вернуть в ножны. Другой рукой она подняла канистру с бензином и шагнула к мужу и дочери.

– Мы не можем рассчитывать на то, что все наши источники будут надежны на сто процентов, – сказала она. – В любом случае нам повезло, что отец Кэллапсо вообще сообщает нам хоть что-то и не считает нас сумасшедшими.

Сэмюэль нахмурился.

– Он делает это потому, что мы три года назад изгнали нечистую силу, и он считает себя обязанным нам.

Диана хотела ответить, но оборвала себя на полуслове и кивнула в сторону окровавленных трупов.

– Знаешь, мне не хочется спорить...

Мэри театрально вздохнула.

– Да брось, мам, а то я не слышала, как вы ссоритесь.

– Ты здесь ни при чем, девочка, – сказал Сэмюэль. – Мама хочет сказать, что не стоит затевать спор, когда тут шесть мертвых вампиров, от которых нужно поскорее избавиться, а дом сжечь, чтобы тут не завелась еще какая-нибудь дрянь.

– В таком случае, за дело, – сказала Мэри. – Давайте покончим с этим, тогда хоть кровь смыть можно будет.

Диана коснулась щеки тыльной стороной ладони, в которой держала меч. Точно – все в липкой крови! Они в ней с головы до ног.

– И вот еще что, пап, – добавила Мэри. – Мне уже пятнадцать, так что нельзя ли перестать называть меня «девочкой»?

– Я подумаю об этом, – усмехнулся Сэмюэль.

Мэри метнула на него сердитый взгляд, а Диана покачала головой и снова взялась за канистру с бензином.

– Ладно, мои дорогие, за работу.

Мэри считала, что в надписи «Кэмпбеллы» на почтовом ящике перед их домом есть что-то старомодное. От нее веяло старыми добрыми временами, когда Мэри была еще совсем маленькой.

Впрочем, старые времена были не такими уж добрыми. Во всяком случае, не настолько добрыми, как это кажется большинству людей. То, что люди видят на экране телевизора,

кажется им реальностью, но опыт научил Мэри тому, что на самом деле так называемая реальность – не больше чем выдумка.

Мир менялся. И всем это, разумеется, было известно. Благодаря телевидению все видели, что происходит, – Вудсток, Кент Стейт, Уоттс, Вьетнам, Акт о гражданских правах, Марш на Вашингтон¹⁴, убийство доктора Кинга и сенатора Кеннеди, высадка Нила Армстронга на Луну – никому и в голову не приходило, что мир останется прежним.

Но Мэри *знала*, насколько он изменился с тех пор, как ей было одиннадцать и она собственными глазами увидела, как родители изгоняют злого духа.

Прошло всего несколько месяцев после прилунения «Аполлона». На Мэри это событие произвело неизгладимое впечатление. А вот ни Диану, ни Сэмюэля оно не заинтересовало, особенно потому, что до них дошли слухи, будто в районе Сент-Луиса появился оборотень и они как раз садились в грузовик, чтобы поехать туда и расправиться с ним.

– Пап, – сказала тогда Мэри, – а что, если нам переселиться на Луну и вообще забыть про всех этих монстров?

Сэмюэль не нашелся что ответить, просто пожал плечами и продолжил заниматься подготовкой к отъезду.

Временами Мэри задумывалась, а что это вообще такое – обычная жизнь? Та жизнь, которую она вела, ей нравилась. Ведь жить *обычной жизнью* означало оставаться в неведении, а этого она не хотела. Да, конечно, она сможет ходить на дни рождения, развлекаться с друзьями, вообще заниматься тем, чем занимаются подростки, но тогда она будет не готова к тому, что в любой момент может появиться вампир, оборотень или еще какая-нибудь мразь.

Нет, знание – сила. Она предпочитала знать о том, что ее ожидает. И если это значит реже ходить на свидания, что ж, пусть так и будет.

Уничтожив вампиров и их жилище, они вернулись домой. Мэри первым делом отправилась в душ. Ее длинные светлые волосы слиплись от вампирской крови, и это было ужасно. А если мать или отец опередят ее и первыми займут ванную, ждать придется бесконечно.

Они стянула рубашку и джинсы, бросила их в таз с грязным бельем. После того как все трое вымоются, Диана застирает одежду особым мылом – этому ее научил Цин, тоже охотник.

Стоя под горячим душем и втирая в волосы детский шампунь (Мэри давно усвоила, что с его помощью органическая грязь удаляется лучше всего), она думала, что и впредь ей предстоит проводить ночи в битвах с вампирами, а дни – в школе, с безмозглыми одноклассниками.

Но иногда она думала, что хорошо бы, чтобы удавалось и то и другое. То есть и жить обыкновенной жизнью, и оставаться охотницей. Но она понимала, что это невозможно. Увы, в школе из-за этого она становилась чуть ли не изгоем – и в глазах одноклассников, считавших ее странной, и в глазах учителей и директора, которых смущали ее слишком частые пропуски уроков. Удручало последних и то, что разговоры с родителями не давали никакого эффекта.

Может, именно поэтому любую свободную минуту после уроков Мэри проводила в авторемонтной мастерской, где работал Джон Винчестер.

Это был славный парень, и, что особенно приятно, совершенно обычный. Но в то же время он не был похож на одноклассников Мэри, которые чуть ли не все поголовно казались ей придурками. Джон был всегда серьезен, о чем бы ни шла речь – об уроках, о войне или политике...

¹⁴ Вудсток – знаменитый рок-фестиваль (15–18 августа 1969 г.), ставший символом конца «эпохи хиппи» и начала «сексуальной революции»; Кент Стейт – университет штата Огайо, приобретший в конце 1960-х годов международную известность студенческими бунтами против войны во Вьетнаме; Акт о гражданских правах отменяет любую дискриминацию по признакам пола, цвета кожи, расовой и конфессиональной принадлежности (принят Конгрессом США в 1964 г.); Марш на Вашингтон – мирное шествие (25 августа 1963 г.), завершившееся близ Капитолия знаменитой речью Мартина Лютера Кинга «У меня есть мечта».

К тому же он относился к Мэри не так, как другие сверстники. Он не пытался вмешаться в ее жизнь, и во времена, когда женщины сжигали свои бюстгалтеры и требовали равноправия, обращался с ней не только как с девушкой, но и как с личностью.

Кончено, иногда Мэри хотелось, чтобы с ней обращались больше как с девушкой. Несмотря на обжигающий душ, она вздрогнула, подумав о том, что сказал бы отец, узнай он, какие мысли приходят ей в голову.

Хотя сами эти мысли – ничто в сравнении с тем, что вытворяют некоторые школьницы: выбрасывают бюстгалтеры, не бреют подмышки и вообще позволяют себе черт знает что.

Смеясь про себя, Мэри выключила душ. Она с удовольствием постояла бы под ним еще несколько минут, но это было бы несправедливо по отношению к родителям, которым наверняка тоже не терпелось избавиться от грязи и вони. Вытираясь, она вдруг фыркнула от смеха при мысли о том, что сжечь бюстгалтер и оставить волосы под мышками было бы *круто*.

Обычно она сушила волосы феном, но на этот раз решила – пусть высохнут сами, ведь нужно побыстрее освободить ванную для мамы. Завернувшись в полотенце, она открыла дверь и почувствовала прохладу.

Диана ждала снаружи, сложив руки на груди и нетерпеливо переступая с ноги на ногу.

– Ну наконец-то!

– Извини, – сказала Мэри, хотя и так торопилась изо всех сил.

– Тебе письмо, – бросила Диана, входя в ванную. – Я оставила его на туалетном столике.

– Спасибо, мам. – Мэри прошла по коридору к себе в комнату.

Закрыв дверь, она сбросила полотенце. Оно упало на пол, рядом с остальным грязным бельем, разбросанным вокруг корзины, на которую мать только зря потратила деньги. Мэри открыла верхний ящик туалетного столика, где лежало нижнее белье.

Тут-то ей и попался на глаза оставленный Дианой конверт.

На нем были две марки – одна обычная, купленная в одном из почтовых отделений Сан-Франциско, другая – сувенирная, за шесть центов, «Украсим наши города». Обратного адреса на конверте не было, но Мэри и так сразу узнала почерк.

Она открыла конверт и прочла письмо и приложенную к нему вырезку из «Сан-Франциско кроникл», натянула джинсовую куртку-варёнку и новые расклешенные джинсы, но, уже выходя из спальни, подумала и сменила варёнку на светлую куртку с высоким воротником. Если она собирается уговорить отца поехать в Сан-Франциско, лучше не надевать то, что он называет «хипповскими тряпками».

Диана, как обычно, принимала душ невероятно долго. Надев халат, она пошла с дочерью вниз. Сэмюэля они застали в столовой, он читал спортивный раздел в газете. Не желая ждать, когда ванная освободится, он вымылся под кухонным краном и грязь с себя смыл, но рубаха и брюки промокли насквозь.

Мэри сразу взяла быка за рога.

– Кажется, нас ждет работа в Сан-Франциско! – объявила она.

Отец оторвался от газеты.

– Что ты сказала?

– Почту принесли. – Мэри протянула ему письмо и газетную вырезку. – От...

Сэмюэль поморщился.

– Только не говори, что от Япета. Этот полоумный хиппи сейчас во...

– Флориде, – договорила Диана. – Помнишь, мы туда в прошлом году ездили?

– Нет, не помню, – вздохнул Сэмюэль. – Я не запоминаю плохих поэтов. – Он повернулся к Мэри. – Так от кого письмо?

– От Джека Бартоу, – ответила она. – Его-то ты помнишь?

Поморщившись, Сэмюэль взял письмо и вырезку.

– Да, помню. – Вид у него был такой, будто он проглотил лягушку.

– Да брось, пап, крутой же парень.

Диана, как всегда, дипломатично поддержала дочь:

– Ну конечно! Этот молодой человек – очень проницательный наблюдатель за сверхъестественными явлениями.

– Да, и еще более «проницательный наблюдатель» за нашей дочерью, – проворчал Сэмюэль, не поднимая головы.

Кэмпбеллы ездили в Сан-Франциско год назад, выслеживая ведьму, которая пробиралась на запад и устраивала по дороге загадочные попойки со смертельным исходом. Бартоу – он был всего на несколько лет старше Мэри, и его семья, пока не погибла, тоже занималась охотой, – помог им.

Мэри он показался по-настоящему классным парнем, что, естественно, встревожило Сэмюэля. У них с Джеком было немало общего, но в его глазах Джек в первую очередь оставался парнем, который положил глаз на его дочь.

Сэмюэль и так никого не любил, а парней, которые, как он говорил, «шастают вокруг его крошки», – особенно. Мэри терпеть не могла это выражение.

Диана подошла к мужу сзади и, заглядывая ему через плечо, прочла письмо и вырезку.

– Значит, он думает, что это дракон?

– Драконов не существует, – решительно возразил Сэмюэль.

– Может, и не существует, – сказала Мэри, – но ведь что-то погубило этих людей, а следы указывают на то, что это был дракон. Тела разорваны и сожжены.

Диана взяла из рук Сэмюэля вырезку из «Кроникл».

– Тут сказано, что первый труп нашли утром четвертого ноября.

– Ну и что? – спросила Мэри.

Сэмюэль снова недовольно поморщился.

– А третьего был конец новолуния.

Мэри смущенно опустила голову.

– Ой, да, точно. – Родители научили ее различать фазы луны. Пик активности нечистой силы всегда приходится на новолуние и полнолуние. Надо же быть такой бестолочью и забыть об этом!.

– Может, это просто злой дух, который только прикидывается драконом? – предположила Диана. – Но дело усложняется тем, что второе и третье убийства совершены в Китайском квартале.

– Так мы едем? – с надеждой спросила Мэри.

В Сан-Франциско ей понравилось, и она хотела снова увидеть этот город. К тому же на следующий день была назначена контрольная по истории, к которой она не успела подготовиться, и это был отличный повод ее избежать.

Сэмюэль посмотрел на Диану. Та кивнула.

– Ладно, – сказал он, – собираемся.

– Я позвоню Марти, – сказала Диана, имея в виду Марти Янковица, их знакомого из туристического агентства, который даже в последний момент мог достать дешевые билеты.

Мэри побежала к себе в комнату. Раз уж они собираются в Сан-Франциско, она просто обязана взять варёнку, и неважно, что скажет отец...

Глава 5

Диана Кэмпбелл с трудом удержалась, чтобы снова не пнуть мужа под столом.

Вместе с Сэмюэлем, Мэри и Джеком Бартоу она сидела в итальянском ресторане на Коламбус-авеню. Едва приземлившись в аэропорту Сан-Франциско, Мэри отыскала телефон-автомат, позвонила Бартоу и договорилась о времени и месте встречи, чтобы побольше разузнать о драконе. Сэмюэль и Диана тем временем ожидали выгрузки багажа.

Они взяли с собой два чемодана, один с одеждой на неделю, другой с боеприпасами и оружием, которое может им понадобится. Второго чемодана – с одеждой – пришлось ждать целую вечность, и Сэмюэль уже готов был просто плюнуть на него, когда тот наконец появился на транспортере.

– Могло быть хуже, – шепнула Диана на ухо мужу, – если бы потерялся тот, другой.

Сэмюэль молча насупился. Оба чемодана были слишком велики, чтобы поместиться в салоне, так что пришлось сдавать их в багаж, а это очень его нервировало. Оружие, которое они везли с собой, – пистолеты, ружья, арбалеты, луки, мачете, мечи – стоило очень дорого, новое покупать будет не по карману. Доходов от химчистки, которой владел Сэмюэль, и уроков, которые время от времени давала Диана, подменяя школьных учителей, едва хватало, чтобы платить за обучение Мэри и поддерживать арсенал в порядке.

И время от времени в последний момент покупать билеты на самолет.

Но сейчас наступили времена, когда они просто задыхались под бременем неоплаченных счетов. Такова обратная сторона охоты – это не профессия, это призвание, а призванием сыт не будешь.

Когда Диана и Сэмюэль отыскали Мэри, она все еще висела на телефоне.

– Слушай, – говорила она, – это мой последний четвертак, и, честное слово... Ой! Мама и папа пришли. До скорой встречи, Джек. Пока!

– Ты что, всю мелочь потратила? – спросила Диана.

– Почти. – Мэри искоса посмотрела на отца. – Мы ведь не предупредили его о том, что приедем.

Сэмюэль не захотел оплачивать звонок в Калифорнию.

– Короче, – продолжала Мэри, поворачиваясь к Диане, – на шесть часов он закажет столик в ресторане где-то в районе Норт-Бич.

Они взяли такси и поехали в дешевый мотель «Император Нортон» на Эллис-стрит – распаковать вещи и убедиться, что с оружием все в порядке. Идея остановиться в Норт-Бич, более известном как Маленькая Италия, принадлежала Диане – так им не придется искать место для парковки в этом оживленном районе.

– Я не стану ходить тут без оружия, – заявил Сэмюэль.

– Но ведь убийства совершены совсем в другом месте, в Китайском квартале! – стояла на своем Мэри.

– Меня беспокоит не дракон.

Диана молча вздохнула, а Мэри закатила глаза.

Конечно, совсем безоружными они не были, но огнестрельное оружие действительно пришлось оставить в мотеле. По нынешним временам, когда то и дело начинаются уличные волнения, расхаживать по городу с пистолетом в кармане – не самая мудрая идея. Местные законники с гражданскими обычно не церемонились, а уж меньше всего Кэмпбеллам хотелось иметь дело с полицейским управлением Сан-Франциско.

По пути в ресторан некто босой и с длинными волосами трижды в разных местах пытался всучить Сэмюэлю цветок. Сэмюэль набычился и так стиснул зубы, что Диана испугалась, как бы у него челюсть не сломалась.

Бартоу опаздывал, заставляя их ждать у входа в ресторан. Столик был заказан на его имя, и сидеть за стойкой бара с несовершеннолетней Сэмюэль отказался, хотя никому в ресторане до этого не было никакого дела.

Наконец показался Бартоу. Он вышел из книжного магазина «Огни города» и, прихрамывая, шагнул вверх по Коламбус-авеню. С тех пор как они виделись в последний раз, он сменил обычную деревянную палку на элегантную трость с ручкой в виде головы дракона.

Естественно, Сэмюэль не отрываясь смотрел на левую ногу Бартоу – вернее, на то, что от нее осталось. Покалечил он ее еще до их встречи, в прошлом году, когда ему только исполнилось семнадцать, – якобы в результате небрежного обращения с пистолетом. Но Сэмюэль был уверен, что молодой человек сам выстрелил себе в ногу, чтобы избежать призыва в армию.

– Извините за опоздание, – сказал Бартоу, – Ферлингетти читал свои стихи, и выступление затянулось.

– Ух ты, здорово, – улыбнулась Мэри, а Сэмюэль совершенно не понимал, о чем идет речь.

– Лоуренс Ферлингетти, – поспешила ему на помощь Диана. – Поэт и владелец книжного магазина в конце улицы.

Последовало лишь невнятное бурчание, после чего говорить уже было не о чем, и все направились в ресторан.

Когда все сели и заказали выпить, Бартоу принялся расспрашивать Мэри о школе. Его каштановые волосы были сильно напомажены и зачесаны назад по последней моде, а еще у него были черные тонкие усики. Как раз такой тип парней, по которым сходила бы с ума сама Диана, будь ей пятнадцать лет.

Вскоре разговор перешел то, чем все это время занималась Мэри, и за столом сразу возникло напряжение. Едва начались вопросы личного свойства, настроение у Сэма еще больше испортилось, если это вообще можно было представить, и он стал выразительно поглядывать на парочку, готовый в любой момент вмешаться. Он слегка подался вперед и посмотрел на жену.

Диана сдвинула брови, всем своим видом говоря: не мешай, пусть себе болтают. Она знала, чем все это может закончиться, и ей вовсе не хотелось, чтобы им пришлось спешно уходить из такого славного ресторанчика.

– Ладно, Джек, – бросил Сэмюэль, – так что ты там хотел рассказать про этого так называемого дракона?

– Не я один так его называю, Сэм, – улыбнулся Бартоу.

У Сэмюэля перекошилось лицо, и Диана вздохнула. Ее муж терпеть не мог, когда его называли уменьшительным именем, и это еще больше накалило и без того напряженную атмосферу.

«Принесут нам уже когда-нибудь выпить или нет?» – подумала она, оглядываясь в поисках официанта.

– Меря зовут Сэмюэль, – неожиданно спокойно сказал ее муж. – А еще лучше «мистер Кэмпбелл».

– Па... – начала было Мэри, но Бартоу накрыл ее руку своей.

– Не стоит, детка, все в порядке. – Голос у него неожиданно сел. Он повернулся к Кэмпбеллу и сказал: – Прошу прощения за фамильярность, сэр.

Сэмюэль удивленно посмотрел на него, явно не зная, как реагировать. Диана едва заметно улыбнулась.

– Извинения приняты, – пробурчал Сэмюэль.

Кивнув, Бартоу достал из кармана рубашки пачку сигарет.

– Что ж... Дракон это или нет, но люди говорят, что четырех человек убил Сердце Дракона.

– Четырех? – переспросила Диана. – Я думала, их трое.

Бартоу сунул сигарету в рот и щелкнул зажигалкой.

– Да, мэм, было трое, но вчера вечером появился четвертый. Чтобы не поднимать панику, полицейское управление Сан-Франциско пока ничего не сообщает прессе, но у меня там приятель работает. – Заметив промелькнувшее на лице Сэмюэля сомнение, он добавил: – Я помогал родителям изгнать демона из сынишки этого парня. И он до сих нам благодарен.

Сэмюэль несколько смягчился.

– Никаких документов он передать мне не смог, – продолжал Бартоу, – но поделился некоторыми подробностями. Имя первой жертвы – Майкл Верландер, но все звали его Музыкантом.

– Хиппи? – спросил Сэмюэль.

– Да, сэр. Но дом, где его нашли, принадлежит некоему Фредерику Горжику, чье местонахождение в данный момент неизвестно. Двое других – обыкновенные обитатели Китайского квартала. Один работал в прачечной, другой держал ресторанчик. А вот вчерашняя жертва – это нечто новое. Женщина по имени Мэрибет Вензель, студентка Беркли.

– Что-нибудь общее между жертвами есть?

Затянувшись и выпустив дым, Бартоу покачал головой.

– Если и есть, то обнаружить это не удалось. Китайцы, как правило, неохотно разговаривают с полицией, так что о тех двух ничего не известно. Что же касается последней жертвы, то она вообще путает всю картину. Поэтому копы и держат рот на замке. Хиппи и двое китайцев – это одно, их убийства остались почти незамеченными. Но когда речь идет о хорошенькой студентке, газетчики своего не упустят.

Принесли напитки. Диана сделала глоток «Севен-Апа» и с досадой подумала, что Бартоу прав. Иммигрант или бродяга прессу не интересуют, другое дело – история о погибшей студентке.

– Ты действительно думаешь, что тут замешан дракон? – спросила Мэри.

Бартоу пожал плечами и сделал глоток красного вина.

– Не знаю, детка, но в Китайском квартале говорят про Сердце Дракона.

Сэмюэль отхлебнул пива.

– Ладно. Вы, девочки, полистайте книги. Может, что-нибудь удастся разузнать про это «сердце дракона» и откуда в этой истории ноги растут. А я попробую раскопать, кто мог его вызвать.

Бартоу выпрямился на стуле.

– А мне что делать, сэр?

– Сами справимся, сынок, – небрежно бросил Сэмюэль.

– Это несправедливо, па. – Мэри сердито посмотрела на отца. – Если бы не Джек, мы бы вообще об этом деле не узнали.

Сэмюэль хотел возразить, но Диана опередила его.

– Думаю, он поможет нам разобраться с тем, откуда он взялся, – заметила она.

Муж метнул на нее раздраженный взгляд, но она стойко его выдержала. Она знала, что Сэмюэль не любит работать с другими охотниками, но ведь это Джек навел их на след, и отстранять его нечестно.

– Мы работаем по своей системе, – напряженно сказал Сэмюэль. – Уверен, что Джек это понимает.

Сделав последнюю затяжку, Бартоу раздавил окурок в пепельнице. В этот момент официантка принесла еду. Он подождал, пока она расставит тарелки, а потом заговорил:

– Слушайте, я, конечно, понимаю, что со своим сломанным копытом много не наработаю, но в библиотечных делах я разбираюсь, да и город знаю неплохо. Так что толк от меня будет. – И принялся резать телятину с пармезаном на правильные квадратики.

Сэмюэль к еде не притронулся и пристально смотрел на Джека.

– Вот как раз твое сломанное копыто меня и беспокоит. Джек, буду с тобой честен – мне как-то не по себе, когда меня прикрывает человек, который прострелил себе ногу.

У Джека рот был занят, но не успел он дожевать, как за него вступилась Мэри.

– Что это на тебя нашло, па? – возмутилась она, наматывая спагетти на вилку. – Нельзя же так, в самом деле!

– Чего это нельзя?

– Джек не стрелял себе в ногу!

– Ну, это он так говорит.

– И я говорю. В прошлый раз, когда мы здесь были, он показывал мне рану. Пуля вошла не под тем углом – это не мог быть самострел.

Диана не сдержала улыбки, но надеялась, что муж не обратит внимания на то, что Мэри с Джеком встречались в довольно интимной обстановке.

– Почему ты раньше не сказала? – спросил Сэмюэль.

– А почему ты мне не доверяешь? – возразила Мэри.

– А заодно и мне, – удалось, наконец, вставить слово Джеку. – Почему? Слушайте, мистер Кэмпбелл, я понимаю, что не нравлюсь вам, но вы ведь знали моих родителей. К тому же, поверьте, я владею ситуацией.

Сэмюэль посмотрел на Диану, и по его взгляду она поняла, что один против них двоих он чувствует себя неуютно.

Она молча стала есть пасту primavera, дав ему таким образом понять: выкручивайся сам.

В конце концов Сэмюэль вонзил вилку в кусок говядины, и Диана снова улыбнулась. Он ни за что не признает поражения, но достаточно уже того, что он не пытается, как обычно, оставить последнее слово за собой.

Глава 6

Джошу Фридриху нравилось работать в морге в ночную смену.

Да, конечно, многим это казалось странным, но Джошу давно уже было наплевать, что думают о нем другие. От этого ему только лучше спалось по ночам.

Или, вернее, днем, потому что ночи он проводил за работой здесь, в морозилке (так он называл холодильник, где держат трупы), а также в лаборатории.

Лучше всего было то, что копы, как правило, не слишком его донимали. Джош любил свою работу, но терпеть не мог иметь дело с полицией. И хотя полностью избежать этого было невозможно, ночью полицейские навевались в морг только при крайней необходимости.

Таким образом, большинство отчетов Джош либо отправлял курьером, либо оставлял на столе, и кто-нибудь заходил за ними в течение дня. Это Джоша более чем устраивало. Он неторопливо исследовал трупы, помогал раскрывать преступления и очень редко общался с легавыми. И с газетчиками.

Эти еще хуже копов, и что ни день, Джош благодарил судьбу за то, что его имя не мелькает в судебной хронике. Любому, кто пытался заговорить с ним на эту тему, он отвечал, что в расследовании дела не участвует, и поспешно удалялся.

Единственное неприятное обстоятельство в работе по ночам заключалось в том, что работать приходилось и в шабат. Его это не особенно смущало, но вот у матери, стоило заговорить на эту тему, просто пена на губах выступала. Успокоить ее можно было, только сославшись на важность дела.

И все же он никогда не просил перевести его в дневную смену. Он любил покой.

Так что визит агента ФБР стал для Джоша неприятным сюрпризом. Этот тип ворвался в морг, словно это была его собственная гостиная. Что это федерал, Фред понял в тот же момент, как открыл ему дверь, просто по тому, как этот тип держал себя. Он был лысый, и, стало быть, фирменной гладкой прически у него не было, но все остальное просто вопило: ФБР!

Едва войдя, он упер руки в бока и уставился на Джоша.

– Доктор Фридрих?

– Да, сэр. Чем могу помочь?

– Это ведь вы коронер по делу Вензель, верно? И других сожженных?

Джош заморгал. Вот нахал, а?

– Э-э, ну да, сэр, так и есть. Только я не думал, что федералы интересуются этим делом.

– А почему, собственно, вас это удивляет, доктор? – отрывисто бросил фэбээровец.

– Ну, как вам сказать... Если честно, копы не очень-то жалуют федералов, сэр.

– Мы их тоже.

– Я вас ни в чем и не упрекаю, сэр, – поспешно сказал Джош. – Просто удивился, зачем они вас втянули в это дело.

– Они и не втягивали, мы сами. – Фэбээровец оглядел помещение. – Мне нужно взглянуть на тело.

– Разумеется, сэр. Следуйте за мной.

Джош повел федерала (кстати, он представился или нет?) в морг.

– Извините, здесь холодно, – сказал он, потому что легавые всегда на это жаловались.

– Бывает и хуже, – пожал плечами фэбээровец. Смотрите-ка, какой хладнокровный тип, отметил про себя Джош.

Пройдя к южной стене – тут хранили трупы по самым последним делам, – Джош потянул на себя металлическую дверь, за которой лежало тело Мэрибет Вензель.

Проверять записи, чтобы найти нужный ящик, нужды не было – его поразил этот случай, или, вернее, случаи, потому что это был уже четвертый такой.

– Хорошо, что вы, парни, здесь, – заметил он. – Если хотите знать мое мнение, полиции это дело не по зубам.

Откинув простыню, он обнажил обугленное и изувеченное тело. «А ну как этот малый блеванет?» – мелькнуло в голове у Джоша, но тот и глазом не моргнул.

– Да, поработали тут прилично, – бросил фэбээровец.

– Точно, дружище. Труп нам удалось идентифицировать только по зубной карте. Зубы у нее были потрясающие, – добавил Джош с улыбкой, обнажая собственные, совсем не потрясающие зубы. Мать постоянно таскала его к дантисту. – Все тело – один сплошной ожог третьей степени. И вот это-то действительно странно.

Федерал, наклонившись, рассматривал порезы на теле девушки, но при этих словах Джоша выпрямился.

– Что значит – «странно»?

– Вся поверхность обожжена равномерно. Это может быть только в одном случае, – если огонь охватил все тело разом. Разве что если бы взрыв... Но тогда непонятно, как тело могло сохраниться в таком виде.

– Не понимаю. – Федерал поднял брови и стал похожим на Спока¹⁵.

– Видите ли, девушка должна была погибнуть именно там, где нашли тело. Оно так обгорело, что если бы его перемещали, должны были остаться следы, но их нет. На этом самом месте вообще нет никаких следов огня. А при таких ожогах это невозможно.

– У вас ведь есть теория?

Джош почувствовал себя так, будто ему бросили спасательный круг. Он не привык, чтобы полицейские спрашивали его мнение или, вернее, интересовались его гипотезами, ибо, как правило, только гипотезы у него и были, пусть даже все ошибочно употребляют в этом смысле слово «теория». Время от времени он делился своими соображениями, иногда их даже принимали во внимание, но никто и никогда не *просил* его об этом.

А вот сейчас попросили, и его это даже обрадовало, хотя было бы еще лучше, если бы у него на этот раз была хоть какая-нибудь гипотеза.

– Не знаю, – грустно покачал головой Джош. – Увы, но... Словом, я в тупике. То же самое и с двумя другими – у Цу и Динга такие же ожоги, и тоже ни малейших следов огня на месте преступления. Да и в случае с Верландером – кроме него самого, пострадал только журнальный столик. Чушь какая-то, верно?

– Иначе не скажешь. – Федерал вновь посмотрел на тело. – Это что, следы когтей какого-то животного?

Джош фыркнул и тут же встретил сердитый взгляд фэбээровца. Джош поперхнулся и поспешил ответить:

– Нет, нет, сэр, животные здесь ни при чем. Порезы ровные, почти как от скальпеля. Возможно, сделаны длинным лезвием. Например, большим ножом.

– Или мечом?

Джош снова фыркнул, просто не смог удержаться.

– Вы хотите сказать, что убийца – Бэзил Рэтбоун¹⁶? Извините, – тут же добавил он, – но кто в наше время пользуется мечом?

– Чего только не бывает на свете, – бесстрастно заметил фэбээровец. – Так вы говорите, что остальные трое выглядят так же?

– Ну да.

– А на дела Цу и Динга взглянуть можно? И Верландера тоже.

¹⁵ Персонаж фантастического телесериала «Звездный путь» (1965–1969).

¹⁶ Театральный и киноактер (1892–1967), сыгравший целый ряд шекспировских ролей и считавшийся лучшим фехтовальщиком Голливуда.

– Разумеется. – Джош вернулся в кабинет и подошел к картотеке. Папки лежали в проводочной корзине на самой верхней полке, где хранились «горячие» документы. В долгий ящик их пока откладывать рано.

Фэбээровец привычно, как делал всю жизнь – по крайней мере, так думал Джош, – пролистал каждую папку и вернул их.

– Благодарю.

Джош не удержался от вопроса:

– Что, еще один серийный убийца вроде Зодиака?

Фэбээровец покачал головой.

– Пока я ничего не вправе сказать вам. И ФБР будет признательно, если вы сохраните нашу встречу в тайне.

– О, можете не сомневаться, – энергично закивал Джош. Да и с кем ему об этом говорить?

Гость откланялся, и Джош улыбнулся. Хоть раз с ним поговорили как с человеком, а не как с психом, который возится по ночам с трупами.

Ему подумалось: нет ли у федералов работы для коронера? И если есть, то как насчет ночной смены?

Глава 7

Одно из правил, которому Диана Кэмпбелл изо всех сил старалась научить дочь, заключалось в том, то лучшее оружие охотника – отнюдь не то, которое стреляет. И не святая вода. И даже не меч, способный поразить вампира, демона или целое семейство вурдалаков.

Лучшее оружие – это карточка из библиотечного каталога.

Но чтобы убедить в этом дочь – пятнадцатилетнего бойца, – требовались незаурядные усилия.

Ранним утром на второй день их пребывания в Сан-Франциско Диана взяла Мэри с собой в библиотеку, находившуюся в огромном здании в центре города. Главный читальный зал находился на углу Ларкин и Гроув-стрит, в комплексе «Сивик-Центр».

На улице было холодно, да и в библиотеке оказалось не намного теплее. Идя через вестибюль, Мэри негромко сказала:

– Знаешь, мам, мы бы тут вдвоем справились. Я хочу сказать, мы с Джеком, – поспешно добавила она. – А вы бы там с папой...

– Нет уж, спасибо, – возразила Диана. – Ты знаешь, как я ненавижу все эти штучки с переодеванием. Пусть твой отец этим занимается, он в этом деле хорош.

– Ну да, наверное, – с некоторым разочарованием ответила Мэри.

Вчера Сэмюэль притворялся агентом ФБР и пришел поздно, и сегодня они решили дать ему поспать. Визит в морг дал не много, но Сэмюэлю все-таки удалось узнать кое-что о жертвах. Теперь оставалось понять, что с этой информацией делать, и найти общий знаменатель во всех четырех убийствах.

Диана улыбнулась. Она легко читала мысли дочери – той хотелось побыть с Бартоу. Винить ее в этом не приходилось, но она просто не могла позволить пятнадцатилетней девушке остаться наедине с восемнадцатилетним парнем. Да, он тоже из семьи охотников, но при этом оба не перестают быть подростками.

Мэри опустила глаза, видимо, смущенная тем, что ее так легко раскусили.

Но тут же просияла, увидев, что, Бартоу, опираясь на трость, поджидает их у входа в читальный зал.

– Ну что, пошли?

– Пошли! – От смущения Мэри не осталось и следа.

Диана усмехнулась, и они направились к столику консультанта, за которым на высоком стуле сидела молодая женщина с длинными, гладко причесанными темными волосами, крупным носом и приветливой улыбкой. На ней были легкое темно-голубое платье и светло-голубой кардиган.

– Могу я вам чем-нибудь помочь?

Ослепительно улыбаясь и изображая акцент северо-восточных штатов, Диана ответила:

– Да, мисс, доброе утро! Очень на это надеюсь! Мы только совершили потрясающую прогулку по Китайскому кварталу, так что хотелось бы побольше узнать о тех, кто там живет. Можете подсказать, что лучше всего почитать на эту тему?

– Так, давайте посмотрим. Видите ли, большинство из наших книг по ориенталистике – на китайском языке, и в раздел «Китайский квартал» они не включены. Но несколько книг по китайской культуре у нас есть, часть из них – на английском. Вас интересует что-то конкретное?

– Как вы догадались? Именно так! Видите ли, дочь слышала, как люди на каждом углу толкуют о каком-то «сердце дракона». Мы просто умираем от любопытства, что бы это могло быть?

– Что ж, теперь у нас хотя бы есть с чего начать, – сказала библиотекарша, слезая со своего насеста. – Вообще-то дракон – очень важный элемент китайской культуры. Давайте посмотрим, что у нас тут.

Он подвела их к тематическому каталогу – огромной полке с десятками узких ящичков и быстро отыскала нужные. Все они начинались с шифра «1800. Философия Востока». В считанные секунды она достала несколько карточек с названиями книг, содержащих сведения о драконах.

Древние китайские тайны, с восхищением подумала Диана. Следует признать, эта дама хорошо знает свое дело.

Увы, несколько часов напряженного чтения самых разных книг, от «Паранормальных явлений» до «Палеозоологии», не дали почти ничего, что могло бы пригодиться. О драконах написано немало, но вряд ли что-то из этого имеет отношение к следу, на который они вроде бы напали.

Закрывая последнюю книгу из тех, что принесла им библиотекарша, Мэри посмотрела на мать и Джека.

– Тут полно упоминаний о людях, укушенных большой ящерицей, но ничего, что хоть как-то объясняло бы расчленение тел, – сказала она. – Может, не дракона надо искать, а кого-то, в кого он вселился? Кого-то с мечом? – неуверенно добавила она.

Диана покачала головой. Все описания драконов, какие им удалось отыскать, указывали на существ с когтями, напоминающими когти орла или медведя, и ни одно не подходило к тем ранам, что описал Сэмюэль.

А еще хуже то, что они не нашли ни единого упоминания о Сердце Дракона, разве что в самом общем смысле. Говорилось, что Сердце Дракона обладает исключительной силой характера, а это как-то не вязалось с беготней по Сан-Франциско и расчленением трупов.

Диана захлопнула дочитанный том и, так же как Мэри и Джек, положила книги в деревянную тележку, на ручке которой большими буквами было написано: «Возврат».

– Жаль, только время зря потратили, – вздохнула Мэри.

– С чего это ты взяла? – возразил Джек. – Иногда знание о том, за кем не надо охотиться, помогает найти того, за кем надо.

Особой уверенности в его голосе не было, но Мэри ухватилась за эту идею.

– Ты так думаешь? – с надеждой спросила она.

Диана благодарно посмотрела на молодого человека. Последние два часа она твердила то же самое, но Мэри и слушать не хотела, ведь это говорила ее мать. В устах сверстника или почти сверстника те же слова звучат иначе. Особенно если этот сверстник – привлекательный молодой человек.

Библиотекарша в кардигане ушла, и место консультанта теперь занимала пожилая темноволосая азиатка. С тех пор, как рано утром они пришли в библиотеку, на этом посту сменилась уже третья сотрудница. В отличие от первой одета она была более строго – светлая блузка, серый свитер и длинная темно-бордовая юбка.

– Нашли, что искали, мэм? – спросила она.

– Боюсь, не совсем... – Диана подчеркнула свое разочарование. Она едва не забыла об акценте «мамаши со Среднего Запада», но вовремя спохватилась. Не зря она говорила Мэри, что игра – это стихия Сэмюэля. Диана предпочитала читать или стрелять.

– Очень жаль, – сказала библиотекарша, старясь говорить как можно более искренне.

– Ну что вы, ничего страшного, – широко улыбнулась Диана. – В любом случае мы узнали много нового о китайской культуре и драконах. Просто хотелось понять, что имеется в виду, когда люди говорят про Сердце Дракона.

Библиотекарша сдвинула брови.

– Это действительно интересно, – с любопытством глядя на них, сказала она. – А вы уверены, что ищите там, где нужно?

Вопрос застал Диану врасплох.

– В каком смысле?

– Видите ли, в китайских легендах действительно немало говорится о драконах, но единственное встречавшееся мне упоминание о Сердце Дракона встречалось в тексте о японском воине, который жил примерно сто лет назад. Его так и звали – Сердце Дракона.

Стараясь не выдать вспыхнувшего интереса, Диана попыталась побольше выведать у своей собеседницы.

– Ну, не знаю, – медленно проговорила она. – Мы слышали, как люди говорят об этом Сердце Дракона в Китайском, а не в Японском квартале. – Она усмехнулась. – Честно говоря, я даже не знаю, есть ли тут Японский квартал.

Мэри ткнула ее в бок.

– Перестань, ма, а что, если это действительно то, что нам нужно? – Она нервно потрогала браслет-амулет, с которым никогда не расставалась.

– Тихо, тихо, девочка. – Потерев бок, Диана подмигнула библиотекарше. – Дети, что с них возьмешь?

– Да уж, терпением они не отличаются, – согласилась та. – Но вообще-то, раз уж вы спросили, у нас в Сан-Франциско есть район, который мы называем Японским городком. Между прочим, там живут мои родители.

– А какие-нибудь книги про этого воина у вас есть? – спросила Диана. – Боюсь, дочь не успокоится, пока не найдет хоть что-нибудь.

– Одну я помню точно, правда, боюсь, вряд ли вы из нее что-нибудь почерпнете. Дело в том, что она на японском. Могу заказать, конечно, но, если вы не знаете языка... – Она не договорила и молча пожала плечами.

Джек сделал шаг вперед.

– Это не проблема, – бодро сказал он. – А ждать долго?

Библиотекарша снова пожала плечами.

– Обычно книги приносят примерно через час. Но мы скоро закрываемся, так что, боюсь, сегодня уже не успеть.

– А на утро заказать можно? – спросил Джек.

– Ну разумеется! – Библиотекарша явно заразилась его энтузиазмом. – Все, что мне нужно, это ваше имя.

– Джон Риэт. По буквам: Р – И – Э – Т.

– Отлично, мистер Риэт, я сейчас сделаю заказ, и утром книга будет ждать вас. Просто подойдете к этому столу и назовете свое имя.

– Вот и хорошо. – Он повернулся к Диане. – У меня есть приятель, он учится на восточном факультете в Беркли. Он кое-чем обязан моим родителям, так что, думаю, согласится помочь нам.

Покончив с этим, они направились в вестибюль и вышли на свежий воздух. Ярко светило солнце, на улице потеплело, дул приятный ветерок. Диане еще в прошлый приезд понравилось постоянство здешней погоды. Казалось, что в городе все время весна.

Мэри с любопытством посмотрела на Джека.

– Джон Риэт?

– Ну, Джон – это мое настоящее имя, но поскольку отца тоже зовут Джоном, меня все называют Джеком, – пояснил он. – Вроде как Джек Кеннеди. А «риэт» – это по-голландски «палка».

– Ясно, – кивнула Мэри. – Круто.

Диана вмешалась в разговор.

– Мэри, нам пора в гостиницу. Надо посмотреть, зарегистрировался ли Сэмюэль, – сказала она. – Джек, мы позвоним, как только станет ясно, что делать дальше.

– Хорошо, – кивнул он. – Хотя вообще-то я мог бы пойти с вами, пообедали бы вместе. Я знаю одно отличное местечко...

Мэри просияла, но Диана догадывалась, как отнесется к этой идее Сэмюэль. Не говоря уж о том, что он уверен, будто Джек спит и видит, как остаться с Мэри наедине, его неприязнь к другим охотникам была легендарной. Диана была уверена: он ни за что не согласится снова сесть за стол с молодым человеком, особенно вот так, сразу.

– Очень жаль, Джек, – искренне сказала она, – но лучше в другой раз. Мы позвоним, ладно?

– Ладно. – В голосе его было такое же разочарование, как и у Мэри во взгляде, и Диана, схватив дочь за руку, буквально потащила ее к автобусной остановке. Как она и сказала библиотекарше: дети, что с ними поделаешь!

* * *

Сэмюэль не возлагал больших надежд на поиски в Китайском квартале, если он отправится туда в образе агента ФБР. Европейская внешность работала против него. Может, лучше отправить туда Мэри? Пусть прикинется хиппи, которой взбрело в голову постичь загадки китайской культуры. А он будет ее прикрывать.

Вздremнув, он решил, что стоит наведаться на место первого преступления, туда, где Майкл Верландер, Музыкант, встретил свою смерть.

Он все еще не мог смириться с тем, что Диана убедила его принять Бартоу в команду. Сэмюэль готов был вытерпеть его присутствие и, верно, именно ему они обязаны этой работой, но Сэмюэлю очень не нравилось общество других охотников. Они всегда думают, что ты такой же, как они. А Сэмюэль думал, что все они ослы. И часто оказывался прав.

Спускаясь по Гуэрро, он увидел группу молодежи, выкрикивающую какие-то лозунги. Один парень стоял на ящике из-под молока и произносил речь. Другие держали плакаты с надписями вроде «МИР» и «ЗАНИМАЙТЕСЬ ЛЮБОВЬЮ, А НЕ ВОЙНОЙ!». Большинство было в вареных джинсах, один вид которых вызывал у Сэмюэля головную боль, и почти все, в том числе и девушки, явно нуждались в услугах парикмахера. Кое-кто был босиком, кое-кто – в растоптанных сандалиях.

Рядом с оратором сидел какой-то парень и перебирал струны гитары, но мелодия терялась в общем шуме.

С одной стороны, Сэмюэль мог понять тех, кто выступал против войны в Юго-Восточной Азии. Побывав и на Второй мировой, и в Корее, он хорошо понимал огромную разницу между этими войнами. Сражаться на первой было долгом, а вторая была просто предлогом, чтобы убивать, неизвестно ради чего. Вьетнам стал неким повторением Кореи. Но Сэмюэль был человеком здравомыслящим, и песня «Битлз» «Дайте миру шанс» ему не нравилась. Потому что, если послушать, получалось, что ты уже проиграл.

Но враг – это не Вьетконг, не Китай, Советы или Северная Корея. И, если уж на то пошло, даже не нацисты. Настоящий враг – тот, кого ты не видишь и не знаешь. Вот он гораздо хуже.

И единственный способ остановить настоящего врага – одолеть его. А единственная альтернатива – проиграть и умереть. Но Сэмюэль в ближайшее время умирать не собирался.

И тем не менее, рассуждал он, шагая по улице, нельзя же обвинять людей только за то, что они чувствуют то, что чувствуют. Ведь если не знать, что представляет собой мир на самом деле, вполне можно решить, что дать ему шанс – лучше, чем сгинуть в богом забытых джунглях.

Но подстричься им все же не помешало бы.

Поднявшись на третий этаж жилого дома, он увидел, что один конец ленты, которой огораживают место преступления, все еще прикреплен к двери, а другой болтается до самого пола, покачиваясь на еле ощутимом сквозняке. Коридор явно не подметали, а окна не мыли со времен Перл-Харбора, так что беспорядку, может, и не стоило удивляться.

Сэмюэль уже собирался постучать в дверь, обклеенную полосками бумаги с призывами к миру и картинками самого неожиданного содержания, когда перед ним возникла чья-то весьма недовольная физиономия. Над большим крючковатым носом едва угадывались крохотные глазки, под ним – тонкие губы, верхняя была украшена чем-то вроде пышных усов. Вот только усы были кирпичного цвета, а волосы, в том числе баки, катастрофически нуждавшиеся в подравнивании, – темно-каштанового. Контраст производил крайне комичное впечатление, а богатый опыт Сэмюэля в маскировке подсказывал, что «свои» тут только волосы на лице.

– Чего тебе, парень? – прорычал незнакомец.

Вспомнив кое-что из рассказа Бартоу, а также некоторые подробности биографии Верландера, Сэмюэль заговорил максимально суровым тоном.

– Фредерик Горжик?

– Кому это он понадобился?

Помахав фальшивым удостоверением, Сэмюэль так же строго продолжил:

– Специальный агент Джонс. – Он давно усвоил, что агенты ФБР никогда не называют себя агентами ФБР. Казалось бы, мелочь, но от нее зависит, поверят тебе или нет.

Горжик заморгал и несколько присмирел.

– Ясно.

– Если вы Фредерик Горжик, – продолжал Сэмюэль, – у меня к вам несколько вопросов, связанных со смертью Майкла Верландера.

– А если нет?

Сэмюэль слегка усмехнулся.

– В таком случае я арестую вас за незаконное вторжение в чужой дом.

Горжик издал нечто напоминающее шипение табака в разгорающейся трубке.

– Никуда я не вторгался, я и есть Фредди Горчик. – Сэмюэль отметил, что он произносит свое имя «Горчик», а не «Горжик».

– Прошу прощения, что не так назвал вас, мистер Горчик. – Сэмюэль кивнул в сторону двери. – Позвольте войти?

– Да, конечно. – Горчик, загораживавший все это время вход в квартиру, сделал шаг в сторону, открыл дверь пошире и провел Сэмюэля в небольшую гостиную.

По левую сторону в стену были вделаны скобы, на которых держались деревянные полки. Большинство из них было забито книгами, одну занимал проигрыватель, а прямо под ним на полу стояли большие колонки.

Справа стоял диван, на стене висели замызганные афиши всяких концертов, фестивалей и выставок. Названия некоторых групп были Сэмюэлю знакомы – по просьбе дочери он дарил ей их записи на день рождения или на Рождество.

Пол был застелен дешевым выцветшим ковром в пятнах, но видно было, что его недавно чистили. На нем, прямо перед продавленным кожаным диваном, четко выделялся вырезанный прямоугольник. Сэмюэль вспомнил, что в деле Верландера упоминался сгоревший столик, зола от которого вместе с той частью ковра, где он стоял, были отправлены в лабораторию на анализ. Понятно теперь, откуда эта дыра...

Молча оглядев гостиную, Сэмюэль повернулся к Горчику.

– Хотелось бы услышать, что мистер Верландер делал в вашей квартире.

– В бардак ее превращал, вот что он делал! В августе я поехал на Восточное побережье, в Вудсток, на фестиваль, сечешь? – Не дождавшись ответа, он продолжал: – А когда приехал, выяснилось, что фестиваль-то в Нью-Йорке, во как. Ну, я и остался. Еще когда уезжал,

попросил Музыканта, этого вашего «мистера Верландера», пожить здесь, пока меня не будет. А потом позвонил и сказал, мол, побудь еще, пока я пытаюсь зацепиться.

– Зацепиться?

– Ну, ангажемент получить. Музыку свою хоть раз со сцены поиграть.

– И что потом? – спросил Сэмюэль.

Горчик отчаянно замахал руками.

– Понимаешь, мужик, от него моя кошка сбежала! Все переломал к чертям, даже диск ЛП¹⁷ поцарапал. В общем, разве что не спалил квартиру дотла. А потом еще и концы отдал, так что мне теперь даже иск предъявить некому.

– Весьма сожалею, мистер Горчик. – Сэмюэль постарался вложить в свои слова максимум сочувствия, которого, надо признать, он не испытывал. – Но мне нужны подробности. Вам известно, с кем он здесь встречался, пока вас не было?

– Да с любимым, кто был готов достать травку, – выпалил Горчик и тут же добавил: – Но насчет этого, мужик, я ничего не знаю. Не моя тема.

Быстро взгляда на кухоньку было достаточно, чтобы увидеть там кучу пустых пакетов из-под чипсов, и Сэмюэль внутренне улыбнулся.

– Я расследую убийство, сынок, а на то, что вы там с мистером Верландером покуривали, мне совершенно наплевать.

– Ну да, ну да... – Судя по тону, Горчик не очень-то ему поверил. Но тут же широко улыбнулся. – Знаешь, мужик, с кем тебе стоит поговорить? С миссис Холзор. Она тут рядом живет, в квартире 3С, она все замечает! Уезжая, я просил ее присматривать за Музыкантом, сечешь? Может, она что и видела. Не знаю, успела она пообщаться с лега... с полицией или нет.

Сэмюэль снова улыбнулся про себя, но решил сделать вид, что ничего не заметил. Он молча опустился на колени рядом с дырой в ковре, и заметил несколько желтых кристаллов.

Сера.

Не то чтобы у Сэмюэля возникли какие-то конкретные подозрения, но наличие серы подтверждало, что тут есть нечто такое, чем Кэмпбеллам надо заняться как можно скорее.

Дракон или не дракон, но без демона здесь явно не обошлось.

Он поднялся с колен и сделал шаг к двери.

– Большое спасибо, мистер Горчик, вы нам очень помогли.

– О чем речь, мужик! Надеюсь, вы поймаете этого типа. Музыкант, конечно, был редкое трепло, но такого даже он не заслуживал.

Выйдя в коридор и захлопнув за собой дверь, Сэмюэль постучал в квартиру 3С. В отличие от апартаментов Горчика на двери тут висела только медная табличка с номером.

Дверь открыла невысокая женщина с морщинистым лицом, в бигуди и выцветшем халате.

– Миссис Холзор?

– Вы из полиции, мистер? – проскрипела она.

– Нет, я федеральный агент. Специальный агент Джонс.

– Жаль. Я-то надеялась, что вы полицейский. А то никто ведь так и не появился. – Она затащила сигаретой.

– Прошу прощения, мэм?

Выпустив дым прямо в лицо Сэмюэлю, она закашлялась, потом заговорила.

– Да ведь когда того человека убили, я просила молодых людей из полиции: поговорите со мной, я много чего знаю и про *йинни*, и про чужих, и при китаёз, да про всех.

– Вы говорите про вашего соседа, мистера Верландера?

¹⁷ Лора Перголлади – американская певица, исполнительница собственных песен.

– Никакой он мне не сосед. Он присматривал за квартирой моего соседа. Один из этих йиппи, или как там их называют. Если бы муж был жив, обоих бы уколошил, это я вам точно говорю.

– Не сомневаюсь, миссис Холзор, – быстро сказал Сэмюэль. – Так что вы там говорили про чужих и... ах да, про китаёз?

– Ну, чужие, это те, которые ма-ру-хуану курят. Куришь ма-ру-хуану, вот и становишься чужим, а потом они всех хотят под себя подмять. Вот это я и пыталась втолковать полицейским, а они словно глухие. – Она сделала еще одну затяжку.

Кэмпбеллы давно усвоили, что чокнутые заслуживают особого внимания – среди этих отходов иногда попадаются чистые зерна. И Сэмюэль решил дать миссис Холзор возможность высказаться и про марихуану, и про заговор чужих, покушающихся на молодую поросль Америки. И лишь когда напор ее начал ослабевать, приступил к своим вопросам.

– Хорошо, а китаёзы-то тут при чем?

– Ну, это же так просто. Этот малый, ну, йиппи-то, поехал к своим друзьям-чужим и попросил меня пустить в дом своего приятеля. И еще купить этому парню, Альберту, чего-нибудь поесть.

Сэмюэль насторожился.

– Альберту?

– Ну да. Делать мне больше нечего, еще кормить этих психов-китаёз!

– Так вы его не накормили?

Снова клубы дыма прямо в лицо.

– Конечно, нет! Пусть этот Альберт сам себе еду покупает. Чертовы китаёзы, сколько их развелось! Помяните мое слово, скоро все мы тут станем косоглазыми, и чем это кончится, а? – Она сделала последнюю затяжку и бросила окурок на линолеум. – Если бы муж был жив, он бы взял ружье и всех их перестрелял, это я вам точно говорю.

Сэмюэль кивнул, старясь ничем не выдать охватившего его возбуждения.

– Что ж, миссис Холзор, спасибо, что уделили мне время. ФБР ценит ваше содействие, и будьте уверены, мы уделим вашим показаниям самое серьезное внимание, которого они, безусловно, заслуживают.

– Ну да, как же. Вы, мужчины, только болтать умеете, а делать ничего не делаете. В этом-то вся и проблема. Будь мой муж жив, он бы всадил вам пулю в лоб. Даже не сомневайтесь.

Сэмюэль повернулся спиной к миссис Холзор, которая продолжала бормотать что-то про чужих, йиппи и китаез, и про то, как ее муж обращался с винтовкой. Походка Сэмюэля сделалась решительной и энергичной. Теперь у него было имя.

Альберт.

Вряд ли, конечно, Музыкант просил чокнутую старуху, живущую в соседней квартире, накормить Альберта. А вот попросить впустить в дом Альберта Чао он вполне мог.

И теперь Сэмюэлю предстояло выяснить, кто такой этот Альберт Чао и что ему было нужно от Музыканта...

Глава 8

Дэвид Северн был бы совершенно счастлив, если бы не боль в лодыжке.

Но оно того стоило. Он долго старался отыскать безупречную подругу, и вот, кажется, нашел. Дебби – лучшая из его девушек, и после тяжелой рабочей недели в супермаркете, где он служил менеджером, Дэвид собирался устроить ей грандиозное свидание.

Первые три закончились полным провалом. В парке «Золотые ворота» она хлюпала носом, а площадь Джирарделли¹⁸ ей не понравилась – мол, в покупках нет ничего романтического, она и без того с матерью находилась по магазинам. А затем последовал «Филмор»¹⁹.

Вообще-то Дэвиду не нравились все эти оглушительные музыкальные шоу: кучка дикарей, вырядившись как клоуны, играют музыку, в которой нет и намека на мелодию, только уши закладывает. Дэвид предпочитал ритмичную музыку, хорошо одетых и знающих толк в своем деле музыкантов, вроде группы «Венчурз», Бадди Холли, упокой Господь его душу, и «Битлз», до того, как они увлеклись наркотиками.

Тем не менее ради Дебби он сделал вид, что поглощен музыкой, – в конце концов, это лучшая из его девушек, и такая милая вдобавок, – втайне надеясь, что больше она его сюда не позовет.

Ну а в тот вечер, выйдя из клуба, они пошли вниз по бульвару Гири, затем вверх по Стайнер-стрит, где Дэвид оставил машину. Прошли мимо «Винтерлэнда». Дэвид думал, что это просто каток, но Дебби заметила, что время от времени его арендует владелец «Филмора», – когда на концерт собирается столько народа, что места в клубе не хватает.

И добавила, что любит кататься на коньках.

Вот тут-то Дэвид и запланировал пятничное свидание.

Дебби явно осталась довольна. Оказалось, что она отлично катается – о себе Дэвид этого сказать не мог. Он несколько раз упал, в том числе и на спину, но Дебби только смеялась, помогала ему встать и объясняла, как надо падать правильно.

Это он в конце концов усвоил, но, боже мой, до чего же болели лодыжки.

В целом, однако, свидание прошло отлично. Дебби была в восторге, и они все болтали и болтали в раздевалке, пока не пришел служащий и не сказал, что пора уходить – каток закрывается.

На улице Дэвид обнял Дебби за талию.

– А ты здорово катаешься, куколка!

– Спасибо, – улыбнулась Дебби. Ей нравилось, когда он называл ее «куколкой». – В детстве я смотрела по телевизору, как катается Соня Хени. Это была моя героиня.

– Ух ты – выходит, это судьба, – глубокомысленно заметил Дэвид.

– Что это значит? – удивилась она.

– Ну, ты же знаешь, что мой герой – Бадди Холли. И оба наши кумира погибли в авиакатастрофе.

Он почувствовал, как Дебби напряглась.

– Соня умерла от лейкемии, – сурово сказала она. – И это просто совпадение, что она умерла в самолете, на пути в Осло.

Не найдя что ответить, Дэвид лишь печально вздохнул и уже раздумывал, как бы продолжить разговор, когда за спиной послышался чей-то голос:

– Это ты, Дэвид? Привет.

¹⁸ На ней расположены многочисленные кондитерские лавки.

¹⁹ Самый известный в Сан-Франциско хипстерский клуб.

Круто обернувшись, он увидел молодого мужчину восточной наружности в зеленых брюках и во френче в стиле Джавахарлала Неру.

– Прощу прощения? Мы разве знакомы?

Дебби прижалась к нему, а Дэвид слегка выступил вперед, становясь между нею и незнакомцем.

– Кто это, Дэвид? – с беспокойством спросила она.

– Именно это я и собираюсь выяснить, куколка.

Мужчина покачал головой.

– Ты что, действительно ничего не помнишь?

– А что я, собственно, должен помнить? – возмутился Дэвид. – Кто вы такой?

– Ты настолько обнаглел, что задаешь такие вопросы? – с нарастающим гневом спросил мужчина. – Я – Альберт Чао! Тот самый, которого ты уволил за то, что я заговорил не с той девушкой.

– Это правда, Дэвид? – посмотрела на него Дебби.

Пытаясь вспомнить, что это за история, Дэвид откашлялся. Мистер Вильгельм, владелец супермаркета, требовал, чтобы на должность кладовщика нанимали только азиатов, а вот увольнять их предоставлял Дэвиду. Наверное, этого Чао тоже уволили.

– Послушай, приятель, – заговорил он тоном, приличествующим менеджеру, – если я действительно тебя уволил, то для этого должны были быть веские основания, не так ли? Так что, если не возражаешь, мы с девушкой пойдем своей дорогой, а ты возвращайся к себе в логово, или куда там еще, где курят травку.

Азиат широко улыбнулся:

– Сейчас порезвимся.

Что-то в этой улыбке Дэвиду очень не понравилось, и смотреть на нее ему совершенно не хотелось. Вспомнив школьные уроки бокса, он отодвинул Дебби в сторону, встал в стойку и ударил Чао в лицо.

Тот попытался уклониться, но оказался недостаточно проворен. Соприкосновение с носом противника отозвалось в руке Дэвида острой болью, и, услышав треск ломающейся кости, он шумно выдохнул. Дэвид и забыл, что тебе и самому больно, когда наносишь кому-то удар. Впрочем, тогда он был в перчатках...

Дебби, умница, бросилась к нему.

– Ты как?

– Да вроде нормально.

Азиат, однако же, сдаваться не собирался. Из носа у него текла кровь, но вид оставался боевым.

Дэвид глазам своим не поверил – это же был его коронный удар!

И тут этот тип начал что-то бормотать себе под нос. Дэвид не разбирал ни слова, но в самом шепоте было что-то такое, от чего кровь стыла в жилах.

Дебби крепко прижалась к нему.

– Что это с ним, Дэвид?

– Я... Я не... – Он поперхнулся и вдруг понял, что не может дышать.

Черт, что происходит?

Чао замолчал, но внезапно наступившая тишина была еще более страшной. Дэвид ничего не слышал, даже уличного шума. Пятничный вечер в центре Сан-Франциско, тут всегда шумно, но Дэвид слышал только свое прерывистое дыхание да стук сердца в груди.

В лицо ему вдруг ударила волна горячего воздуха. Глаза сразу залило потом, но это не помешало увидеть, как на тротуаре Стайнер-стрит взметнулся огромный столб пламени.

В центре его стоял какой-то человек. Лица его Дэвид различить не мог, но каким-то образом угадал, что тот смотрит прямо на него.

Происходящее напоминало сюжет одной из тех странных психоделических песен, которые он только что слышал в Филморе. Этого просто не может быть. Да, но ведь он ощущал жар, собственными глазами видел языки пламени, вздымающиеся в ночном воздухе, и слышал сдавленный крик Дебби.

Человек, стоявший посреди огня, поднял огромный меч.

Последнее, что услышал Дэвид, был его собственный вопль.

Кэмпбеллы собрались в мотеле «Император Нортон».

К неудовольствию Сэмюэля, Мэри пригласила и Джека, рассказав ему про следы серы, обнаруженные на месте первого убийства. Он пообещал узнать, не замечено ли там в последнее время признаков деятельности демонических сил.

Диана сообщила, что удалось нащупать след, ведущий к Сердцу Дракона, но книга, которую они нашли, к сожалению, на японском языке. Сэмюэль пребывал в некоторой растерянности, ведь Чао – это китайское имя. Впрочем, больше станет известно, когда друг Бартоу переведет текст.

Затем они разошлись, каждый в поисках нитей, ведущих к персонажу, называющему себя Альбертом Чао, и к тому, что может связывать его с другими жертвами. Вечером они вернулись в мотель, Диана заказала ужин в номер, и Кэмпбеллы начали обмениваться информацией, которую удалось узнать за день.

Начал Сэмюэль.

– Я обнаружил след, но слишком поздно. Сначала я обошел бары в районе, где был убит Верландер, и в одном из них имя Чао слышали. Бармен сказал, что два месяца назад Альберта уволили из супермаркета, и он был из-за этого страшно зол. Я нашел супермаркет и выяснил, кто именно его уволил. Там мне сказали, что сегодня этот парень ведет свою девушку в «Винтерлэнд».

Мэри так и подскочила.

– Ой, а кто там выступает?

– Это каток, Мэри, – нахмурился Сэмюэль.

– Правда? А я думала – концертный зал. Там часто выступают «Мертвые» и Джимми Хендрикс.

Сэмюэль даже не стал притворяться, что эти имена хоть что-то ему говорят.

– Да? Ну ладно. В общем, когда я добрался до «Винтерлэнда», там уже было полно полиции и журналистов. Менеджер из супермаркета и его девушка сгорели дотла и были растерзаны в клочья.

– О господи! – Диана поморщилась, как от боли.

Мэри стиснула зубы.

– Па, мы должны остановить этого типа.

– Что ж, я готов выслушать любые предложения, – с горечью откликнулся Сэмюэль. Его злило, что он слишком поздно оказался на месте. – Что удалось накопать в Беркли?

Под видом старшеклассницы, выбирающей место будущей учебы, Мэри ездила в университет, чтобы поговорить с кем-нибудь из подруг Мэрибет Вензел. Якобы она из газет узнала об убийстве студентки.

– Мэрибет была круглой отличницей, и друзья отзываются о ней очень хорошо. Только вот, говорят, по части мужчин у нее были какие-то странные вкусы.

– В каком смысле странные? – нахмурился Сэмюэль.

На лице Мэри появилось выражение безразличия.

– Девушки ничего определенного не сказали, но один парень заметил, что ее интересовали только «косоглазые». Наверное, он имел в виду азиатов.

Сэмюэль кивнул.

– Выходит, это работа кого-то из старых дружков Чао?

– Думаю, так и есть.

Настала очередь Дианы.

– Не удивлюсь, если это действительно старый дружок. Представившись одной из школьных учительниц Альберта, я поговорила с людьми из прачечной и ресторана, где работали погибшие жители Китайского квартала, и выяснилось, что он тоже работал и там, и там. В обоих случаях он был уволен, и уволили его как раз будущие жертвы.

– Особенно любопытно, что одной из причин увольнения из прачечной стало то, что при найме он обманул хозяина – написал в анкете, что он китаец, хотя на самом деле он наполовину китаец, наполовину японец.

Сэмюэль вздохнул.

– Значит, все из возможных обидчиков Чао, кого нам удалось разыскать, мертвы.

И если это действительно так, то теперь они в тупике.

– А может, он уже сделал все, что хотел? – с надеждой спросила Мэри.

Диана покачала головой.

– Не забывай, Мэри, мы имеем дело с демоном. А это значит, что просто так все это кончиться не может. Чао может думать, что у него все под контролем, но это не так. И демон не перестанет убивать только потому, что Чао рассчитался со своими обидчиками.

– К тому же у такого типа вполне может быть целый список людей, которые перешли ему дорогу, – снова вздохнул Сэмюэль. – Ну, и узнать, где Чао живет, не удалось. Этого мне так никто и не сказал.

– Давайте позвоним Джеку, может, он что-нибудь накопал, – бодро предложила Мэри, не обращая внимания на тень, мелькнувшую на лице отца.

– Ладно, – согласился он. – Звони, только...

Мэри вскочила с кровати.

– Да, знаю, из телефона-автомата.

– Я просто не хочу оплачивать гостиничные телефонные счета, – бросил ей вслед Сэмюэль. Но закончить не успел, она уже выпорхнула из номера.

Сэмюэль повернулся к Диане, но она опередила его.

– Вот поэтому-то ты и лишился волос, верно?

Сэмюэль насупился, но тут же смягчился и рассмеялся. Диана тоже.

Он обнял и крепко прижал ее к себе.

– Но ведь ты все еще любишь меня, лысого никчемного старика?

– Ну что ты несешь, мистер мачо? – хищно рассмеялась Диана и поцеловала мужа.

Глава 9

Альберт им показал. Он им всем показал.

Извини, Альберт, ты славный мальчик, но ты для меня слишком... тяжелый. Такая тяжесть не по мне, понимаешь? Заходи, когда станешь... полегче.

«Полегче»? Как бы не так.

Он создан для великих дел. И он знал это.

Если бы только вся эта публика не становилась у него на пути!

Мне тут не нужны лжецы, и невежи тоже не нужны. Убирайся из моего заведения, пока я сам тебя отсюда не выкинул.

Мать, когда была жива, рассказывала ему всякие истории про своего предка, легендарного Сердце Дракона – ронина, ездившего по городам и весям феодальной Японии, побеждавшего зло и наказывавшего виновных, пока его не казнила толпа невежественных крестьян.

Я видел, как вы разговаривали с той девушкой. Нам здесь такое поведение не нравится. Вы уволены.

Люди привыкли думать, что невежественных крестьян в наши дни не осталось. Человек высадился на Луне, и из этого, видимо, следует, что прогресс коснулся всего человечества, так?

Нет, не так.

Это все та же старая песня.

После того, как тот ублюдок из супермаркета уволил его, он впал в глубокую депрессию. Ничто другое не занимало его воображение, ничто больше не снилось, и думать он мог только о людях, которые его унизили.

Болван, невежа! Нечего тебе делать в Чайнатауне, среди приличных людей!

Все началось еще в детстве, когда мальчишки из Китайского квартала дразнили его из-за матери-японки. Родители объясняли ему, что это просто глупые дети, которые ничего не понимают, и со временем, мол, все пройдет.

Ничего не прошло. Везде его встречали враждебно, повсюду от него отворачивались.

И он всегда помнил рассказы матери про Сердце Дракона.

Когда он потерял работу, у него появилось много свободного времени. И он стал ходить в библиотеку в надежде отыскать что-нибудь в имеющихся там японских книгах.

И нашел – гораздо больше, чем рассчитывал.

В книгах говорилось о демоне, пленившем душу Дорагона Кокоро. Но если верить этим рассказам, власть крови сильнее колдовских чар.

Потомок Сердца Дракона может призвать своего отмеченного печатью демона предка назад, в мир живых, и там он обретет огромную власть.

Проблема заключалась в том, что тексты были не полными, поэтому нельзя было быть уверенным в чистоте эксперимента и в его результате. Но в том, что вызвать Сердце Дракона можно, он был уверен. Это позволит ему победить зло. И убрать со своего пути никчемных людишек.

В старых книгах говорилось, на сей раз достаточно ясно, и о других чарах – тех, что способны изгнать духа на целых восемьдесят лет. Непонятно только, зачем это нужно... Сначала прочитанное вызвало у него сомнения. Но, с другой стороны, что ему терять?

Девушки у него нет.

Нет ни семьи, ни работы, ни друзей.

Ничего.

Но есть предназначение. Он – потомок Сердца Дракона. Он заслуживает большего, чем имеет, – и получит.

Кто-то в баре, где он был завсегдатаем, упомянул некоего Музыканта Верландера, хиппи, сидящего на коксе, который может найти едва ли не все что угодно. Альберт нанял его. Музыкант стал и его первым подопытным. Без уколов совести не обошлось, но результат оказался именно таким, на какой он и рассчитывал. И чувство вины быстро сменилось эйфорией.

И вот тогда-то Альберт наконец отомстил всем, кто его унижил, кто мешал ему осуществить предназначение.

Теперь с ними покончено, и Альберту показалось, что он стоит на перекрестке. Что дальше? Что еще предстоит ему и его предку-ронину?

Этот идиот, менеджер из супермаркета, застал его врасплох. Тем не менее, при всей неожиданности удара, Альберт почувствовал боль лишь на мгновение и, вытирая хлынувшую из носа кровь, никаких повреждений не обнаружил, хотя своими ушами слышал, как что-то хрустнуло.

Выходит, что, пока Сердце Дракона с ним, он неуязвим. В книгах об этом ничего не говорилось, и он задумался о новых возможностях, которые давала великая связь, существовавшая между ним и его предком. Что же еще содержится в этом старом тексте?

Глядя вокруг, он понимал, что ему предстоят большие дела.

Хватит ворошить прошлое, говорил он себе. Надо думать о будущем.

Жилище его было, мягко говоря, конурой. «Квартирка», как называл ее владелец дома, была крохотной, деревянный пол в гостиной растрескался, ковер в спальне истерся и весь был в пятнах, а линолеум на кухне – в дырах. Спать приходилось на матрасе, ел он одни макароны, да и на это едва хватало денег. Свой единственный стул он нашел на улице.

Нет, пора выходить в большой мир.

И в этом ему поможет Сердце Дракона.

Слегка улыбаясь при мысли о том, что ему предстоит, Альберт вновь начал повторять слова заклинания. Быть может, более тесное общение с ронином позволит завладеть тем, что принадлежит ему по праву. Тем, что общество ему задолжало.

Потусторонне пламя горело ярко, и в огненных языках, достигавших потолка, соткалась фигура ронина. Огонь, некогда поглотивший Йосио Накадаи, продолжал преследовать его в веках. Альберт почувствовал на лице жар огня, изгоняющего сырость из плохо отапливаемого помещения.

Но ощущал он не только тепло. Нет, это было и ощущение власти. Он получил власть над существом, способным уничтожить кого угодно. Наступило время, когда он может использовать предка для чего-то большего, чем жалкая месть.

Сердце Дракона был великим героем, его знали во всей Японии. Альберт Чао преисполнился решимости добиться такой же славы.

Раньше у него не было денег даже чтобы расплатиться с Музыкантом, а теперь он сможет получить столько, сколько захочет.

Громкий звук за спиной заставил его обернуться: на пороге стоял какой-то лысый мужчина. Он так сильно толкнул дверь, что она сорвалась с петель. Альберт разозлился – даже не столько от того, что кто-то нагло к нему вломился, сколько от того, что его жилище настолько убого, что любой может войти без труда.

В руках у мужчины был пистолет, но на грабителя он не был похож.

– Вы кто такой? – грозно спросил Альберт.

– Мое имя значения не имеет, – ответил лысый. – А вот ваше я знаю. Вы Альберт Чао и хладнокровно убили шесть человек. Я здесь, чтобы остановить вас.

Альберт расплылся в широкой улыбке.

– Сомневаюсь, что вам это удастся.

И не говоря больше ни слова, он призвал Сердце Дракона и приказал убить лысого. Охваченный языками вечного пламени ронин взмахнул над головой катаной под углом, позволяющим одним ударом – сокутсо – рассечь ключицу лысого.

Когда он уже опускал меч, Альберт заговорил вновь:

– Я управляю Сердцем Дракона, гайдзин²⁰. Он в моем распоряжении до конца жизни.

– Ну и отлично, – бросил лысый, вскинул пистолет и выстрелил в Альберта.

Следует признать, Сэмюэля порадовало выражение ужаса на лице Альберта Чао, когда пуля, выпущенная из револьвера «Смит-и-Вессон» калибра 38, попала ему в колено. На брюках выступило красное пятно, а молодой человек рухнул на шербатый деревянный пол.

Падая, Чао ударился головой о стену и сильно рассек лоб.

К сожалению, хотя Чао лежал в настоящем нокдауне, человек с мечом, в венце огненных языков, зловеще поблескивавших в тускло освещенном помещении, продолжал надвигаться на Сэмюэля.

Тот снова поднял пистолет.

– Сэмюэль, это не поможет, – произнесла у него за спиной Диана. Они с Мэри ждали его в коридоре, готовясь пустить в ход обнаруженное в библиотеке и любезно переведенное профессором Беркли и другом Бартоу заклинание.

– Да знаю я, знаю, – бросил Сэмюэль через плечо, поспешно отступая от надвигающегося на него призрака. – Просто надеялся отвлечь его. Пистолеты в феодальной Японии – не такая уж распространенная игрушка.

В подробных комментариях, которыми снабдил их Бартоу, рассказывалось об оставшемся без хозяина самурае по имени Йосио Накадаи, который жил в Японии в девятнадцатом веке и получил прозвище Драгон Кокоро, Сердце Дракона.

Бинго! Есть!

Из хроник следовало, что умер он якобы от руки демона и дух его может возродиться в одном из потомков, владеющем тайной заклинания, фрагмент которого есть в рукописях, хранящихся в библиотеке.

Чао был наполовину японцем, и Кэмпбеллы заключили, что он вполне может оказаться потомком Накадаи.

Причастность демона к гибели Накадаи объясняло наличие серы. Никаких иных следов демонических сил Бартоу не нашел. В рукописях обнаружилось также заклинание, с помощью которого дух можно было изгнать. Это заклинание сохранилось целиком. Оно не могло совсем уничтожить призрака, но тем не менее давало некоторые возможности...

Однако, как выяснилось после тщательных поисков, наиболее ценная информация содержалась в записке главного полицейского управления Сан-Франциско, завалившейся между двумя страницами рукописи. Бартоу сразу сунул записку в карман – в ней были указаны имя и адрес того, кто брал книгу последним.

Это был Альберт Чао.

Переписав изгоняющее заклинание и собрав все необходимое для того, чтобы оно сработало, они отправились к Чао, надеясь, что успеют остановить его и не позволят убить с помощью Сердца Дракона кого-нибудь еще. Пока наиболее вероятной жертвой казался сам Сэмюэль, только что едва увернувшийся от катаны, которой грозно размахивал призрака.

Он прижал ладонь к щеке, чувствуя жар от близкого огня. Удивительно, однако, что находящиеся в квартире изнемогают от жара, а сама квартира не загорается.

– Ну, как там с заклинанием, юная мисс? – крикнул Сэмюэль дочери.

²⁰ Иностранец (*яп.*).

– Не называй меня так! – сердито крикнула она из коридора и тут же появилась на пороге гостиной, держа в правой руке листок с текстом заклинания, а в левой – горсть размолотого корня кихады, который они купили в небольшой аптеке в Японском квартале Сан-Франциско.

Сердце Дракона вновь взмахнул мечом.

Сэмюэль зацепился ногой за продавленный стул, только что спасший его от удара просвистевшего над лысиной огненного клинка. Мебели в квартире почти не было, но все равно тут было так тесно, что скоро Сэмюэлю негде будет укрыться.

– Ну, и где твой чертов Клеймор?! – бросил он Диане, державшейся между призраком и Мэри.

– С ума сошел? У него же катана! Да она просто перерубит Клеймор!

Призрак покачивался, размахивая полыхающим клинком. Сэмюэль, хоть и не сразу это понял, оказался загнанным в угол.

В тот же миг Мэри начала старательно произносить слова заклинания. Она понимала, что оно сработает, только если она не собьется, но с другой стороны, если промедлить, отца проткнут катаной, как вертелом, и он сгорит.

Сэмюэль соображал быстро: рядом окно, но одного взгляда оказалось достаточно, чтобы убедиться: на пожарную лестницу оно не выходит. А жил Альберт на пятом этаже, так что прыгать – тоже не выход.

Призрак вот-вот нанесет удар, и за мгновение до этого он пожалел, что выстрел в Альберта не лишил его власти над призраком.

Проклятье!

Самурай взмахнул катаной. Жар, исходящий от демона, опалил лицо Сэмюэля. Ему захотелось разрядить в него пистолет, но он понимал, что это бесполезно, только пули зря потратишь.

И все же надо что-то делать, ведь бежать некуда...

Он поднял пистолет.

Мэри закончила читать заклинание и бросила измельченный корень в пламя, бушевавшее вокруг ронина.

Катана оставалась занесенной, но призрак отшатнулся и вскрикнул. Огонь сделался еще жарче, и Сэмюэль, защищаясь от обжигающего пламени, закрыл лицо руками.

Яркая вспышка...

И все закончилось.

Мэри широко улыбалась.

– Получилось! – закричала она.

– Сейчас – да, – кивнула Диана. – Но не забывай, что сказано в примечаниях профессора: заклинание действует только двадцать лет.

Мэри пожала плечами.

– Ну, значит, вернемся через двадцать лет и повторим. Прилетим на Землю из нашего дома на Луне.

Сэмюэль закатил глаза.

– Из дома на Луне. Точно. Но, пари держу, если мы окажемся на Луне, у нас все время будет уходить на борьбу с тамошними монстрами.

Не успел он договорить, как с улицы, нарушая вечернюю тишину, донеслись пронзительные звуки сирен. Выглянув из окна, Сэмюэль увидел, что к дому подъезжают пожарные и полицейские машины.

– Смываемся, – решительно скомандовал он. Чао больше не опасен, по крайней мере в ближайшие двадцать лет, а сейчас ему нужна медицинская помощь. Но с этим справится полиция. А Кэмпбеллам пора уносить ноги.

Спускаясь по черной лестнице в переулок, откуда, если повезет, удастся ускользнуть от полиции, Диана прошептала:

– Как только вернемся в гостиницу, позвоню Марти. Он поможет заказать билеты на обратный рейс.

С щедростью победителя, возвращающегося с успешной охоты, Сэмюэль тоже добавил пару центов в общую копилку.

– А ты, юная мисс, можешь позвонить Джеку. Почему бы вам не поужинать сегодня вдвоем?

Диана бросила на него удивленный взгляд, а Мэри покачала головой.

– Хорошо, па. То есть, я хочу сказать, мы всей семьей могли бы пригласить его на ужин, ну, в знак благодарности, что ли.

Они выскочили наружу.

– А мне казалось, этот парень нравится тебе.

– Он славный, – кивнула Мэри, – и мне действительно с ним хорошо. Но, как ты сам, па, говоришь, одно дело – чувства, другое – охота. – Она усмехнулась. – Если, конечно, речь не идет о вас двоих.

Диана тоже не удержалась от улыбки.

– Ладно, поехали домой. – И все трое зашагали к автобусной остановке.

* * *

Альберт прерывисто вздохнул и распрямился.

Колено не болело.

Прижав ладонь ко лбу, он убедился, что шрам тоже затянулся. Вытер засохшую кровь.

В отличие от обыкновенного апперкота, полученного вчера вечером, это были настоящие раны, и, чтобы они зажили, требовалось время. Сначала – колено, боль в котором отзывалась во всем теле. А когда он ударился о стену, то отключился на несколько минут, хотя по-прежнему слышал обрывки разговора трех гайдзинов, в том числе и девушки, произносящей с ужасным акцентом слова заклинания, нейтрализующего то, которое он отыскал в библиотеке.

Однако под конец, когда они ушли, он уже вполне пришел в себя. Связь с Сердцем Дракона, в чем бы она ни заключалась, не разорвалась.

Он неуязвим – по крайней мере на время.

Альберт рывком подтянул пропитанную кровью штанину – на колене засохла кровь, но на коже не осталось даже шрама.

Он усмехнулся: как будто чудо какое-то.

Впрочем, почему как будто? Это и есть чудо.

Кто эти гайдзины и откуда они взялись, Альберт понятия не имел. Ясно только одно: они считают, что борьба окончена, по крайней мере, на ближайшие двадцать лет.

На пороге у сорванной с петель двери возникли трое полицейских.

– Не двигаться!

– В чем дело, господа? – спокойно спросил он.

– Нам сообщили, что здесь стреляют, – сказал один из них.

– Нет, сэр, ничего подобного, – возразил Альберт, придав голосу максимум почтительности, на какой был способен. Меньше всего ему сейчас нужны неприятности с полицией.

Один из полицейских осмотрел дверь.

– Похоже, ее сорвали с петель.

– Да, сэр, я уже бог знает сколько времени пытаюсь заставить владельца дома ее починить и сменить замок.

– Ясно, – хмыкнул полицейский. – А что это у вас с ногой?

– Да вот, штаны в «Гудвилле»²¹ купил. С моими доходами привередничать не приходится. Полицейские задали еще несколько вопросов, но ничего подозрительного, кроме двери, не обнаружили, да и особого желания что-то искать у них не было.

Вскоре они удалились, и Альберт улыбнулся.

С этим покончено, и теперь у него есть двадцать лет, чтобы придумать, как лучше использовать в своих интересах могущество предка.

²¹ Сеть магазинов, торгующих подержанными товарами.

Глава 10

2009 год

– Знаешь, – сказал Сэм Винчестер, – это все еще не дает мне покоя.

Дин не отрывался от вырезки из «Сан-Франциско кроникл» сорокалетней давности.

– Что «это»? То, что мама и дед с бабушкой были охотниками? – Дин вспомнил, как был потрясен, когда девятнадцатилетняя девчонка принялась лупить его ремнем, но увидев у нее на шее амулет, сложил два и два.

Да, задницу надрать мама умела.

По правде говоря, когда мальчики росли, семейные истории в доме особой популярностью не пользовались. Дед и бабушка всегда оставались для Дина выцветшими настенными фотографиями. Собственно, семьей Дина после смерти матери оставались Сэм и папа, а впоследствии Бобби, ставший для юных Винчестеров чем-то вроде дяди, особенно когда детство сменилось отрочеством. Ну, и еще Калек и пастор Джим.

– Да нет, то, что они стали охотниками, как раз понятно, – улыбнулся Сэм. – Странно другое: нас назвали в их честь, а папа нам ничего об этом не говорил.

Дин насмешливо фыркнул.

– Да мало ли о чем он нам не говорил. Целый список можно... – в глазах его вдруг появилось какое-то странное выражение, – ...составить. Сукин сын!

Бросившись из кухни в гостиную, Дин поспешно отыскал сумку, которую всегда брал в поездки, и вытащил записную книжку в кожаной обложке – постоянную спутницу их охотничьей жизни в последние четыре года, с тех самых пор, как исчез отец, а Дин оправился в Стэнфорд, чтобы вытащить оттуда Сэма и вернуть его к прежней жизни.

Дневник отца!

Он принялся лихорадочно перелистывать страницы, добрался до записей, относящихся к 1980-м годам, и обнаружил там то, что искал.

– Вот оно! – воскликнул он. – Сердце Дракона, Сан-Франциско, 1989 год. Двадцать лет спустя отец тоже столкнулся с ним.

Сэм встал из-за кухонного стола и присоединился к брату.

– Верно, уже тепло. Там еще вроде меч какой-то был, так?

– Угу, – донесся чей-то голос из глубины дома, и в гостиную на инвалидной коляске въехал Бобби. На коленях у него лежал какой-то длинный предмет, завернутый в плотную коричневую бумагу и перевязанный бечевкой.

Глядя на них из-под козырька своей неизменной бейсболки, он поднял сверток.

– Если вас, парни, интересует Драгон Кокоро, эта шутка вам пригодится.

Сэм потянулся за свертком.

Дин был уверен, что это катана, и каково же было его удивление, когда Сэм, развязав бечевку и сорвав бумагу, извлек нечто иное. Это был меч с крюком на конце лезвия.

Но самое интересное заключалось не в этом; самым интересным были выгравированные на клинке иероглифы – то ли китайские, то ли японские, Дин так не научился различать их.

– Когда двадцать лет назад ваш отец столкнулся с Драгоном Кокоро, – продолжал Бобби, – он справился с ним с помощью этого меча. Тогда мы надеялись, что с ним покончено навсегда, но потом стало ясно, что мы лишь повторили то, что сделали ваши дед и бабушка, то есть избавились от него на два десятка лет. Потому я и припрятал эту чертову штуковину.

Дин снова фыркнул. Бобби не было нужды что-либо специально припрятывать – он был настоящим барахольщиком. К тому же, как они не раз убеждались, занимаясь такой работой, как у них, выбрасывать ничего нельзя, все может пригодиться.

Сэм посмотрел на Дина.

– Тысячу лет не заглядывал в папин дневник. Что ты там откопал?

Дин покосился на записную книжку.

– Да много чего интересного.

Глава 11

1969 год

Джон Винчестер въехал во двор. Ноздри ему все еще щекотал запах ладана. Бой получился тяжелый, но с помощью заклинания от полтергейста удалось избавиться.

Возник соблазн остаться в Хендерсоне и как следует выспаться, но он слишком давно не виделся с мальчиками. Он записал их в школу в Южной Дакоте, указав в качестве адреса проживания автосвалку Бобби Сингера. Осенний семестр подходил к концу, и скоро ему уже не придется злоупотреблять гостеприимством Бобби.

Джону и так было неловко, но что поделаешь – надо дать мальчикам возможность проучиться хоть в одной школе подольше. Особенно это касалось шестилетнего Сэмми.

Ладно, дальше будет видно, куда их забросит его работа.

Была и еще одна причина, по которой он должен был увидеться с детьми. Полтергейст выбрал в качестве мишени двух юных девушек, и молния ударила слишком близко к дому. Джон понимал, что рано или поздно его сыновьям придется отражать угрозы извне, и уже начал готовить к этому десятилетнего Дина. Он метко стрелял из винтовки M1911, принадлежавшей Джону, научился заряжать пистолет и вести беглый огонь.

Со временем обучить этому предстоит и Сэмми.

Но не сейчас.

Джон ехал на своей «Импале» всю ночь, и двигатель начал как-то подозрительно постукивать. Сначала нужно выспаться, а потом придется одолжить у Бобби инструменты и разобраться, в чем там дело.

На востоке уже алело, когда он добрался до места, протискиваясь через брошенные легковушки и грузовики, окружавшие дом Бобби. Он выбрался из «Импалы» и, прищурившись, зашагал к крыльцу на негнущихся ногах.

Не успел он подойти к дому, как во двор выскочил Сэм.

– Па! – радостно закричал он, обхватив ручонками его колени.

Джон улыбнулся.

– Привет, малыш!

– Я так рад, что ты вернулся! – Мальчик жалобно посмотрел на отца. – Дин – жадюга.

Подняв голову, Джон увидел, что на порог вышли Бобби и Дин. Бобби был одет как обычно – фланелевая рубашка, джинсы, бейсболка – и явно чем-то раздражен.

– Ничего я не жадина! – вскинулся Дин. – Ну, съел последний пончик. Подумаешь, какое дело.

– Но Бобби сказал, что он мой! – захныкал Сэмми, не выпуская отцовских колен.

– Я сказал, что каждый из вас может съесть по два, – устало сказал Бобби. Он не раз повторял, что готов присматривать за Дином и Сэмом, тем более что своих детей у него нет, но теперь он, кажется, понял, что и в бездетности есть свои преимущества.

Джон зашагал к дому, но Сэмми никак не желал отцепиться, так что идти было не очень-то удобно. Не успел он таким образом пройти и пяти футов, как оба засмеялись – уж больно комично они, должно быть, выглядели. Засмеялись и Бобби с Дином, а несколько минут спустя все четверо, пребывая в наилучшем настроении, расселись вокруг кухонного стола.

Дин и Сэм рассказали отцу, чем занимались в его отсутствие. По субботам и воскресеньям играли в прятки – автомобильная свалка была для мальчишек настоящим раем. По будням ходили в школу, хотя рассказывать об этом было интересно только Сэму. Он ходил в первый класс, и уроков ему задавали меньше, чем Дину.

– Мисс Роуч сказала, что я мог бы учиться в третьем классе, – похвастался он.
– Это потому, что ты такой правильный, – хмыкнул Дин.
– Нет, Дин, это потому что он такой умный, – возразил Джон. – И это здорово. Я горжусь тобой, Сэмми.

Сэм показал брату язык.

– Дин тоже мог бы учиться в третьем!

– Да пошел ты, Сэмми, – отмахнулся Дин, ученик пятого класса.

Джон заговорил тоном, каким всегда говорил с новобранцами его старшина:

– Эй, уймитесь оба! Еще одно слово, и последствия вам вряд ли понравятся.

– Извините, сэр, – сказал Дин.

– Прости, папа, – откликнулся Сэмми.

– Так-то лучше.

Через некоторое время мальчики отправились играть, а Джон последовал за Бобби в гостиную. Они уселись на диван, каждый с бутылкой «Будвайзера», и Джон рассказал про полтергейст.

– Похоже, ты с ним справился, – заметил Бобби.

Джон усмехнулся про себя способности Бобби все преуменьшать.

– Ну да. Кстати, с двигателем «Импалы» что-то опять не в порядке. Сейчас мне надо выспаться, а потом хорошо бы поставить ее на подъемник.

– Нет проблем. – Бобби, входивший в сообщество охотников на несколько лет дольше Джона, давно завоевал репутацию лучшего автомеханика. Но Джон и сам был отличным мастером, а уж «Импалу» свою знал лучше, чем кто другой.

Джон потер глаза. Видно стало лучше, но усталость навалилась еще сильнее. Выброс адреналина, сопутствующий удачной охоте, помог справиться с дорогой, но теперь, когда он вернулся к мальчикам, слабость начала обволакивать его, словно стеганое одеяло.

– Что-нибудь новенькое есть?

Бобби, как никто за пределами «Дома у дороги», держал руку на пульсе и следил за событиями во внешнем мире. Но Джона интересовало только одно: нет ли какой-нибудь информации, которая может вывести на след убийцы Мэри.

– Вообще-то кое-что есть. – Бобби поднялся и начал рыться в бумагах, разбросанных по столу перед камином. – Драгон Кокоро вернулся.

Это имя не произвело на Джона ни малейшего впечатления.

– Это еще кто?

– Призрак, и довольно мерзкий. Двадцать лет назад он уже появлялся в Сан-Франциско и убивал людей. Теперь вот снова явился, но я знаю, как его остановить.

Джон тут же начал прикидывать расстояние до Сан-Франциско.

– Путь неблизкий, особенно учитывая, что двигатель барахлит. Но я бы, наверное, смог туда добраться...

Бобби поднял руку.

– погоди, ты же сам только что сказал, что еле на ногах стоишь. К тому же ты уже столько времени с ребятами не виделся!..

Джон понимал, что он прав, но одно только упоминание о новой охоте, о еще одном убийце, которого нужно устранить, о новой возможности – пусть только возможности – найти того, кто убил Мэри, и усталость как рукой сняло.

– А что, у тебя есть на примете другая кандидатура?

Бобби заколебался, и Джону этого было достаточно.

– Ты же сам сказал, люди гибнут. Все остальное не имеет значения. Впрочем, нет, есть еще месть, но об этом мы лучше говорить не будем. Итак, что нужно сделать?

Перегнувшись через стол, Бобби взял меч. Джон удивился, увидев, что он не в ножнах, но потом увидел на конце клинка крюк. Стало быть, он из Азии. Да, такую штуку засунуть в ножны непросто...

И тут он заметил на лезвии иероглифы кандзи²².

– Это заклинание?

Бобби покачал головой.

– Нет, просто необычное клеймо. Надпись переводится так: «Порази сердце дракона».

– А ты откуда знаешь?

Вместо ответа Бобби произнес несколько фраз, похожих на японские.

– Ага, – неловко пробормотал Джон. Надо же быть таким болваном, чтобы подумать, будто есть что-то, чего Бобби не знает. – Насколько я понимаю, ты только что сказал мне: умри, но с ними разберись.

– Примерно так, – усмехнулся Бобби. – Именно это тебе и предстоит сделать: пронзить этим клинком сердце дракона. И точка. По крайней мере, на некоторое время. – Улыбка на его лице погасла. – А пока тебя не будет, я займусь «Импалой», вернешься – будет как новенькая.

– Да, но как я доберусь до Сан-Франциско? Особенно вот с этим. – Джон указал на меч.

– Самолетом. А меч я отошлю по почте, будет ждать тебя на месте.

– Что ж, ладно. – О такой возможности Джон не подумал. Оно и понятно: у Бобби был законный и постоянный источник дохода. А вот Джон не мог позволить себе купить авиабилет и переправить груз, который на борт не пронесешь. Ему и без того было непросто содержать «Импалу», особенно учитывая, что галлон бензина стоил доллар.

Бобби рассказал, что Драгон Кокоро – это дух ронина, вызванный неким Альбертом Чао, наполовину китайцем, наполовину японцем. Один охотник, Джек Бартоу, сумел изгнать дух на целых двадцать лет. А теперь этот срок подошел к концу.

– А что случилось с тем охотником?

– С Бартоу? Он умер, спасая от мести духа одну супружескую пару. Мы познакомились с ним через несколько лет после того, как я занялся нашим делом. Он оставил мне в наследство кучу всяких вещей, относящихся к его ремеслу, в том числе и это. – Бобби поднял меч.

– А где он его взял? – поинтересовался Джон.

– Получил от какого-то малого из Беркли, с факультета восточных языков. Двадцать лет назад он выручил Бартоу и еще пару охотников, потом нашел этот меч и решил, что он пригодится Бартоу, если Драгон Кокоро снова появится. А теперь в Китайском квартале опять произошло несколько убийств. Людей сожгли и разрезали на куски.

– В Китайском квартале? – Джон потер подбородок, заросший щетиной. – Мне казалось, речь идет о японском духе.

– Я же сказал, Чао – полукровка. А больше мне ничего не известно. – Билли пристально посмотрел на друга. – Ты точно хочешь этим заняться? А то я мог бы съездить к Харвеллам, поискать кого-нибудь еще. Два дня особой роли не играют.

Ответил Джон не сразу. Он посмотрел на Дина и Сэма, гонявшихся друг за другом в столовой.

Скоро Рождество, и, видит бог, он хотел бы провести его с детьми... Но этим мечом нужно, как гласит надпись на клинке, всего лишь пронзить Сердце Дракона, эта работа больше двух дней не отнимет. И он вернется домой задолго до праздника.

– Ты сказал, что тела сожжены?

Джон вспомнил Мэри, распластанную на потолке и охваченную пламенем...

²² Китайские иероглифы, вошедшие в японскую письменность.

С тех пор вся его жизнь была посвящена тому, чтобы отыскать того, кто это сделал. Хотя, конечно, были и другие причины – люди гибли в лапах монстров, в существование которых почти никто не верит.

Когда Джону Винчестеру было восемнадцать лет, его зачислили в морскую пехоту. В армию он пошел добровольно, потому что верил тому, что говорили командиры: быть морским пехотинцем – это значит спасать человеческие жизни. Год, проведенный во Вьетнаме, избавил его от иллюзий, но первоначальный порыв не иссяк.

Правда, спасение чужих жизней было своего рода побочным эффектом его деятельности. Из Вьетнама он вернулся с единственной мыслью: всю оставшуюся жизнь я хочу провести с Мэри Кэмпбелл. И первые десять лет так оно и было, до тех пор, пока демон или монстр, как ни назови эту тварь, не отнял ее у Джона.

Нет, истинной причиной его охоты – стремлением, которое преследовало его день и ночь, – было отыскать того или то, что убило его жену и покончить с этим раз и навсегда.

Возможно, Сердце Дракона наведет его на след, и он наконец осуществит акт возмездия, которого его сердце требовало на протяжении последних шести лет.

Ощувив прилив решимости, Джон повернулся к Бобби:

– Ладно, когда там ближайший рейс?

Глава 12

Томми Шин терпеть не мог иметь дело со Стариком.

Но, увы, выбора у него особого не было. Старик по-прежнему пользовался авторитетом среди тех, с кем вел дела. Без его поддержки у Томми не было ни малейшего шанса сохранить поставщика крэка. В Китайском квартале не было ни одного человека, который не был бы хоть чем-то обязан Старика.

Вот Томми и терпел его – но только потому, что ничего другого не оставалось.

Настанет день, говорил он себе, когда он обретет должное и вполне заслуженное уважение и отправит Старика на свалку. Но пока он ему нужен.

Особенно учитывая происходящее...

Томми пригласил Старика в кабинет, расположенный прямо над рестораном «Восторг» на Пасифик-авеню, в Китайском квартале Сан-Франциско. И кабинет, и ресторан теперь принадлежали ему, Томми. Входя, Старик, как обычно, насмешливо хрюкнул. Когда-то это был его кабинет, и все тут выглядело по-другому: стены были увешаны китайскими картинами, повсюду стояли предметы китайской старины.

Но у Томми были другие вкусы, и когда кабинет достался ему, он заменил картины афишами фильмов «Бэтмен» и «Летальное оружие-2» и постерами групп РЕМ и «Враги народа». Он даже стены перекрасил.

Туристы привыкли, что в китайском ресторане стены должны быть красные с золотом, и отпугивать посетителей нельзя – по крайней мере, пока у них есть деньги. Но кабинет – дело другое, и Томми велел переделать его и оформить в темных тонах. Когда-то он читал статью, в которой говорилось, что темные стены нервируют людей, а Томми нравилось, когда в его присутствии нервничают.

Старик, как всегда, насмешливо обвел взглядом афиши и повернулся к Томми.

Белые, как бумага, волосы Старика были небрежно подстрижены под горшок, а у Томми – напояжены и уложены в модную прическу; на Старике была традиционная китайская одежда, на Томми – светлая трикотажная куртка с подвернутыми до локтя рукавами, а под ней – спортивная рубашка с высоким воротником.

– Смотрю, ты по-прежнему не уважаешь традиции...

Старик говорил это при каждой встрече с Томми – естественно, на мандаринском наречии. И при каждой встрече Томми по-английски отвечал:

– Традиции остались в Китае, а мы живем в Америке и должны следовать здешним правилам.

Усевшись напротив Томми в кресло для гостей, Старик продолжил на мандаринском:

– Надеюсь, ты пригласил меня не за тем, чтобы я опять сказал тебе, какой ты глупец.

Томми улыбнулся и, чтобы уважить Старика, перешел на мандаринский:

– Вообще-то, да, отчасти за этим, и мне это, пожалуй, даже нравится. – Он открыл верхний ящик стола, достал картонную папку и протянул Старика со словами: – Возникла проблема. И вы могли бы помочь мне решить ее.

Старик презрительно фыркнул:

– Теперь тебе понадобился мой совет?

– Мне всегда нужен ваш совет, когда речь идет о серьезных вещах, – улыбаясь, заверил его Томми. Но тут же стер улыбку с лица: дело-то действительно было серьезное. – Трое моих людей мертвы. Это копия полицейского протокола – у меня там свой человек, он раздобыл его для меня.

– Зачем так рисковать? – поморщился Старик. – Разве можно доверять полицейским?

– Я плачу ему хорошие деньги, – хмуро бросил Томми, – и оно того стоит.

– Ничего подобного, напрасная трата денег. Полиция ничего о нас не знает, поэтому и сделать ничего не может. Играя по их правилам, ты позволяешь им вмешиваться в наши дела. Да еще и платишь кому-то и рискуешь попасться на этом.

Томми перегнулся через деревянный стол.

– С тех пор, как я стал во главе дела, доходы постоянно растут, а ловят только мелких продавцов, которым ничего не известно. Я знаю, что делаю.

Старик улыбнулся:

– Зачем же тебе тогда моя помощь?

Томми откинулся на спинку стула.

– Почитайте протокол.

Старик наконец открыл папку, пролистал страницы, недоверчиво поморщился. Примерно такой же была реакция самого Томми, когда он впервые услышал о гибели Тенга, Ли и Лао. Тот, кто это сделал, явно перестарался: сжег тела, да еще и на куски разрезал. Томми сам обнаружил труп Лао в переулке за рестораном, и от увиденного ему сделалось плохо. Его вывернуло наизнанку, и с новыми модными туфлями пришлось попрощаться.

Томми дождался, когда Старик закроет папку, и сказал:

– Кому-то пришлось здорово поработать.

Старик кивнул.

– Это больше, чем просто убийство твоих людей. Будь это пуля в затылок, я бы подумал, что они просто сделали какую-нибудь глупость... – Старик вздохнул. – Но это большая игра, и ведет ее тот, у кого есть огромная власть.

Томми в недоумении развел руки.

– Да что это за власть такая?

– Она не от мира сего, – ответил Старик. – Это дела потусторонние.

– Что за бред! – Томми закатил глаза.

– Неужели? А ты сам-то читал то, что передал тебе твой дружок из полиции?

– О чем это вы?

Старик открыл папку на нужной странице и подтолкнул ее через стол.

– В отчет судмедэксперта заглядывал? На телах ожоги третьей степени, обожжены равномерно, но никаких следов огня рядом не обнаружено. А переместить их было нельзя, они бы тут же рассыпались.

– И что? – Томми явно не понимал, в чем тут дело.

– А то, дурачок, что это не естественная смерть.

– Какая же тогда, сверхъестественная, что ли? – Томми рассмеялся.

– Нечего смеяться, – мрачно сказал Старик. – Ты молод и, конечно, помнить не можешь, но такое уже случалось. Двадцать лет назад несколько человек из Китайского квартала погибли точно таким же образом. Говорили, что это сделал Сердца Дракона. Не исключено, что он вернулся.

Томми снова закатил глаза.

– Но это же просто сказка! Подростком я слышал про этого злого духа. Мне и тогда казалось, что это чушь, кажется и сейчас.

Старик пожал плечами.

– Что ж, смейся и дальше, – сказал он. – Это же твоих людей убили, мне-то что за дело? Но я уверен: кто-то снова призвал Сердца Дракона. Это настолько очевидно, что тебе следует найти его и убить, пока он не убил тебя.

С этими словами Старик поднялся с кресла и направился к двери, но остановился, чтобы еще раз выказать презрение постерам с Мелом Гибсоном и Дэнни Гловером. Потом повернулся и нанес Томми прощальный удар.

– Ты думаешь, что умнее меня, – сказал он, – но на самом деле ты просто везучий дурак.

Томми раздраженно мотнул головой, но отвечать не стал. Он нажал кнопку переговорного устройства, связывающего его с приемной, где сидел в ожидании единственный из оставшихся в живых его людей – Бенни Хао.

– Зайди, – сказал он по-английски.

Хао, широкоплечий, мускулистый, представительный мужчина, шагнул в кабинет.

– Да, босс?

– Скажи Мэй-Линь: пусть отыщет все что можно про Сердце Дракона.

Бенни чуть не прыснул, но увидев, что Томми не шутит, удержался.

– Вы серьезно, босс? – осторожно спросил он. – Я считал, что все это просто сказки.

– Может быть. Но я хочу удостовериться.

– Ладно, сделаем. – Он направился к двери, но на полпути остановился. – Да, там вас Эл дожидается.

– А этому-то что нужно? – буркнул Томми.

– Не знаю, сказал, что вы ему назначили.

Он собрался уже сказать Бенни, чтобы тот послал Эла к черту, но вовремя вспомнил, что действительно обещал принять его и просто забыл во всей этой суматохе.

– Тьфу, – сплюнул он. – Ладно, скажи этому прохвосту, пусть заходит.

Бенни кивнул и вышел из кабинета.

Почти сразу же на пороге появился Эл. На нем были спортивная рубашка, джинсы и туфли той же модели, что и у Томми. Длинные, до плеч, темные волосы были связаны сзади в тонкий конский хвост.

– Ну, что тебе? – нетерпеливо бросил Томми. Он слышал, как Бенни звонит из приемной Мэй-Линь.

– Хотел рассказать, что я надумал про сбор денег за крышу, как наладить дело.

Томми с недоумением посмотрел на него.

– О чем это ты?

– У нас в последнее время с этим делом проблемы, и мне кажется, я понял, в чем дело. Мы всегда собираем деньги в первый день месяца.

Томми ушам своим не верил.

– Эл, не знаю, может, это мимо тебя прошло, но мы потеряли кучу людей.

– Ну да, ну да. Я просто... – Он откашлялся и продолжил: – Понимаете, мы приходим в первый день месяца, а хозяева уже отнесли деньги в банк и клянутся, что в кассе ничего нет. А вот если перенести сбор на первую субботу месяца, дело пойдет живее. По субботам банки закрыты, так что хозяева не смогут сказать, что у них нет наличных.

Томми терпеть не мог, когда его от чего-то отвлекали, но сейчас вынужден был признать, что идея действительно неплоха. Сбор денег за крышевание в первые числа каждого месяца – старая политика Старика, и Томми по привычке следовал ей.

Но вообще-то был бы только рад избавиться от этой отжившей системы.

Вот только сейчас не время.

– Идея хороша, но давай поговорим об этом в другой раз, ладно? Скажем, на следующей неделе.

Эл был явно разочарован, однако кивнул:

– Как скажете, босс.

Он уже сделал шаг к двери, но Томми остановил его.

– Скажи, тебе не приходилось слышать о... Сердце Дракона?

Альберт Чао пожал плечами:

– Нет, впервые слышу.

Глава 13

Джон оглядел номер, который ему дали в «Императоре Нортоне» на Эллис-стрит. Когда-то это, возможно, была симпатичная гостиница, но сейчас, судя по обстановке, казалось, что она застыла в 1960-х годах. Будь он все еще подростком, было бы не страшно, но времена переменялись, и от цветочных обоев и вызывающе яркого ковра становилось как-то не по себе.

Тут даже был телефон с диском; Джон и не подозревал, что кто-то еще такими пользуется. Но стоил номер дешево, и это было главное.

Сперва все шло нормально. Они с Мэри скопили кучу денег (вообще-то они откладывали их на учебу Дина и Сэмми, но сейчас это уже было не главное), так что после ее смерти у него было средства, чтобы охотиться. И мстить.

Но он и понятия не имел, что его охота так затянется. Год, ну, два, но не шесть же лет. И конца не видно.

Поэтому уровень гостиниц, в которых он останавливался, постепенно снижался. Хотя в этом были и свои плюсы: дешевое жилье привлекает меньше внимания, а обслуживающий персонал задает меньше вопросов.

Деньги, сэкономленные на гостиницах, шли на покупку оружия, патронов и всякого снаряжения. А также на еду, бензин и оплату складских помещений в северной части штата Нью-Йорк. Рано или поздно банковский счет, конечно, иссякнет, но Джон уже опробовал несколько фокусов, которые позволят ему продолжить охоту.

Одно из преимуществ этой дыры состояло в ее близости к Китайскому кварталу, где произошли те три убийства.

Посылка от Бобби уже ожидала его. Он поставил коробку на колченогий стол возле стены. Всего день назад Дин помогал ему собирать ее, орудуя пистолетом с липкой лентой так, словно это настоящее оружие. Это показалось Джону и трогательным, и печальным. Он понимал, что мальчики должны научиться защищать себя. Ведь даже когда они найдут то, что убило Мэри, вряд ли на этом все закончится.

Джон слишком хорошо знал, как устроен мир, Дин тоже начинал это понимать, а скоро к нему присоединится и Сэмми, хотя Джон еще лелеял слабую надежду на то, что у его младшего сына, которому сейчас всего шесть лет, жизнь сложится нормально. Но только если ему удастся как можно скорее найти убийцу Мэри.

Но сейчас, сидя в гостинице с тяжелым грузом на плечах, он сомневался, что его поискам когда-нибудь настанет конец.

Открывая коробку, Джон думал о Сердце Дракона, о том, что Бартоу, охотник, которому когда-то удалось остановить его, мертв. А ведь без него Джон никогда бы не узнал того, что ему теперь известно. Быть может, именно поэтому – хотя признаваться в этом было неприятно – он старался пореже думать о нем.

А что, если какой-нибудь другой охотник уничтожил существо, которое убило Мэри? И Джон никогда об этом не узнает... Нет ведь никакого охотничьего бюллетеня или чего-то в этом роде, да и народ в местах вроде «Дома у дороги» не очень-то любит рассказывать об охоте. Хвастаться – да, охотничьи байки – сколько угодно, но настоящей, проверенной информации ты не получишь.

Итак, предположим, кто-то убил существо, отнявшее жизнь у Мэри, и никто об этом не знает. И не узнает. Монстры, как правило, не оставляют отчетов о своих делах. Так что вполне возможно, что охота, которую ведет Джон, бессмысленна.

Но это не важно. Он не откажется от поисков на основании одних лишь предположений. Он должен найти убийцу Мэри и покончить с ним. А до тех пор покоя ему не будет.

Один из наиболее важных уроков, полученных от Дэниэла Элкинса, заключался в том, что первый шаг в любой охоте – сбор информации. Просто чудо, что Джон не погиб в первые же месяцы. Потребовалось бы несколько томов, чтобы только перечислить то, чего он тогда не знал.

Итак, следующим его шагом будет посещение главного здания публичной библиотеки Сан-Франциско. Джон отправился туда на автобусе, ведь машина осталась в Южной Дакоте. Заодно можно будет осмотреть Город-на-Заливе.

Увы, осмотреть удалось в основном строительные площадки, в том числе и на территории самой библиотеки. В октябре тут произошло мощное землетрясение – по иронии судьбы, в самый разгар финальных баталий между «Оклендскими атлетами» и «Гигантами Сан-Франциско». И хоть со знаменитым землетрясением 1906 года его не сравнить, разрушений было немало, и город все еще отстраивался.

Когда произошел основной толчок, Джон находился в «Доме у дороги» и вместе с еще несколькими охотниками собрался посмотреть по телевизору третью игру серии. Хозяева, Эллен и Билл Харвелл, все предусмотрели. Во время финала первенства 1989 года «Дом у дороги» для разнообразия превратится в обычный спортбар, где можно выпить кружку пива и потолковать о Марке Макгуире и Хосе Канеско, Уилле Спарке и Рике Рейшеле²³, и всяких других вещах, о которых у охотников обычно нет времени или желания думать.

И вот, как раз когда игроки разминались перед началом третьей игры, земля содрогнулась, и Эл Микелис, Джим Палмер и Тим Макрарвер из спортивных комментаторов превратились в ведущих новостных программ.

Завсегдатаи «Дома у дороги» тут же стали прикидывать, что это за знамение, что оно предвещает и что они, возможно, пропустили. Но вскоре стало ясно, что просто у Земли приступ икоты – тектонические сдвиги в разломе, известном под названием Сан-Андреас.

И только сейчас, выходя из автобуса, Джон сообразил, что так и не знает, кто же стал в той серии победителем.

Ему повезло: газетный отдел библиотеки был открыт, в отличие от многих других, где все еще шел ремонт после землетрясения. Джон стал листать местные газеты в поисках сообщений о трех убийствах.

Увы, сами по себе статьи и заметки мало что могли дать, хотя репортерам «Кроникл» удалось раздобыть фотографии жертв. Все трое были американцами китайского происхождения, все работали в ресторане Шина «Восторг», и у всех были на предплечьях татуировки.

Плохое качество черно-белых фотографий не позволяло как следует рассмотреть, что на них изображено, но одно Джон мог сказать точно: рисунок – что бы он ни означал – один и тот же, и нанесены татуировки в одном и том же месте. Татуировки были в ту пору в основном привилегией байкеров, морских пехотинцев и гангстеров – у Джона тоже была на предплечье татуировка, какой любили похвастать все парни подразделения, где он служил.

Вот только байкеров-азиатов ему что-то не попадалось.

Джон просмотрел спортивные полосы газет, вышедших в конце октября. «Атлеты» сокрушили «Гигантов» в четырех играх.

Потрясающая команда.

Вернувшись в гостиницу, Джон позвонил своему старому сослуживцу Лукасу Джексону, который, демобилизовавшись из морской пехоты, работал теперь в небольшой авиакомпании. На месте его не оказалось, и Джон оставил сообщение-вопрос: нет ли среди ветеранов морской пехоты людей по имени Джек Тенг, Микаэл Ли и Джонни Лао.

²³ Знаменитые бейсболисты.

В ожидании ответа он пошел в спортивный зал при гостинице. Оборудован он был довольно жалко – гантели да пара тренажеров. Впрочем, сойдет и это.

Дэниел Элкинс, один из величайших охотников на вампиров, был настоящим кладом сведений обо всем сверхъестественном. Он убедил Джона последовать его примеру и завести дневник, чтобы в случае его смерти у Сэма и Дина была дорожная карта и они знали, как продолжить дело отца.

Удивительно, как много Джон уже в детстве знал или хотел узнать о своих предшественниках. Бобби только усилил эту жажду знаний, рассказав ему, как сам пристрастился к охоте. Бобби, как и Джон, потерял жену. И так же Бобби понятия не имел, кто или что отняло ее у него.

Но если Джону хотелось кинуться в бой (это, очевидно, объяснялось его опытом морского пехотинца), то Бобби собирал информацию. Он поклялся себе, что никто и никогда не пострадает из-за его невежества.

Джон наизусть выучил оба эти урока.

Точно так же усвоил он и уроки, полученные во время службы в морской пехоте. Один из них заключался в том, что всегда нужно быть начеку. Как любил повторять сержант Лоренцо: «Ты силен лишь до тех пор, пока кто-нибудь не даст тебе под зад».

Вот он и решил в ожидании звонка от Лукаса поработать с гантелями.

Вернувшись в номер, потный и усталый – по-хорошему потный и усталый, – Джон увидел, что на телефонном аппарате мигает сигнал. Он поднял трубку, набрал «0» и услышал голос администратора:

– Слушаю.

– Я из 220-го. Для меня должно быть сообщение.

– Да-да, сэр. – Джон услышал, как на противоположном конце провода шелестят бумагами. – От Лукаса Джексона. Текст такой, сэр: «Мыла нет».

Джон улыбнулся. Даже сейчас, сидя у себя в деревне, Лукас не избавился от дурацкой привычки повторять эту радиопутку, адресованную в основном новобранцам. Никто ее, естественно, не понимал, тут и понимать было нечего. Зато Джон точно знал, что ответил ему именно Лукас и что никакой информации о трех погибших он не нашел.

Что не удивительно. Но проверить все-таки следовало.

Выходит, эти трое – гангстеры.

Сняв футболку и шорты, в которых занимался в спортзале, Джон наскоро принял душ и оделся потеплее – все же на улице декабрь.

А теперь, подумал он, самое время как следует поужинать в ресторане «Восторг».

Глава 14

Вторая удача в жизни выпала на долю Альберта Чао в тот день, когда Томми Шин стал во главе этого отделения Триады.

Первая и, конечно, самая крупная выпала, когда благодаря усилиям Музыканта Альберт получил возможность призвать Сердце Дракона. Ничто – ни до, ни после – не могло сравниться с чистым восторгом обладания такой властью.

И вот настал момент, когда она ему снова понадобилась.

Покуда раны затягивались, а длилось это долго, самое мощное его оружие, призрак, увы, оставалось недосыгаемым. Пока заклятие, изгнавшее дух, сохраняет силу, подлинной власти у него нет.

Нанести Альберту ущерб, а тем более убить, невозможно – но он, тем не менее, старел. Заклятие служило ему броней, не позволяя нанести смертельный удар, – но чем сильнее он был, тем дольше приходилось оправляться.

К тому же личная неуязвимость – это не то же самое, что способность причинять вред другим. Осознав это, Альберт извлек максимум из возникшей в начале 1970-х годов массовой одержимости кунг-фу, когда центры боевых искусств открывались по всей стране, привлекая студентов, мечтающих о лаврах Брюса Ли. Там способность к стремительному исцелению обеспечила ему преимущество, и он быстро овладел столь необходимыми ему приемами рукопашного боя.

Достигнув в этом искусстве немалых высот, Альберт предложил свои услуги местному отделению Триады. Поначалу они были отвергнуты, но он проявил настойчивость и в конце концов добился своего.

Он вырос в Китайском квартале и с юных лет знал, какой властью обладает в этом районе Триада. Вот он и принялся терпеливо карабкаться по лестнице, целых два десятилетия только этим и занимаясь.

Увы, большую часть этого времени он оставался на самой нижней ступеньке. Серьезное препятствие, как обычно, заключалось в том, что он был полукровкой.

Однако в конце концов ему позволили сделать шаг вверх, он стал «исполнителем» – сопровождал проституток, работал вышибалой в клубах, собирал деньги с тех, кто отказывался от крыши или задерживал выплату долгов.

Но мнения своего ему высказывать не разрешали и чаще всего даже рта открыть не позволяли.

Но когда Старика сменил Томми Шин, все изменилось.

Почему Старик решил уйти в отставку, не знал никто. Известие об этом прозвучало как гром среди ясного неба, в том числе, кажется, и для него самого. Ходили слухи, что большие шишки в Китае недовольны каким-то его решением и дали понять, что требуется свежая кровь.

Томми считал себя скорее американцем, осевшим в Китайском квартале, чем китайцем, осевшим в Америке. И он сделал то, чего не сделал бы никто среди высших лиц Триады, – обратился к Альберту напрямую.

– Это страна больших возможностей, – сказал он. Альберт почти не сомневался, что Томми все равно, с кем он разговаривает, – он просто любил слушать самого себя. Но это неважно – важно то, что сейчас перед ним стоит Альберт.

Работал телевизор, передавали новости. В Восточной Германии люди штурмовали Берлинскую стену, а полиция бездействовала, хотя еще несколько месяцев назад по ним бы открыли огонь при первом же шаге не в ту сторону.

– Мы не можем позволить себе действовать по-старому, – вещал Томми. – Смотри, железного занавеса больше нет. Кто бы поверил, что мы своими глазами увидим, как он рухнет?

Вот поэтому, Альберт, я и хочу услышать то, что тебе есть сказать, и тот факт, что твоя мать – японка, вовсе не повод затыкать тебе рот.

А больше ему пока ничего и не нужно было.

Месяц спустя он поднялся еще на ступеньку выше. Томми с ним разговаривал, и другим, хоть и неохотно, приходилось следовать его примеру.

Это хорошо, первую часть плана можно было считать выполненной.

Второй шаг был сделан 28 ноября, перед самым новолунием, когда заклинание дурочки-блондинки утрачивало силу и Сердце Дракона вновь оказывался в распоряжении Альберта.

Он опять произнес нужные слова, и снова взметнулись языки пламени, не пожирающего ничего вокруг, но распространяющего волны мощной энергии. Альберт купался в них и обдумывал следующий шаг.

Первоначальный план заключался в том, чтобы просто убить всех становившихся у него на пути, а затем подчинить себе Триаду, но он не предполагал, что для проникновения в организацию понадобится так много времени.

Кроме того, годы работы на Старика, а затем на Томми лишь подтвердили тот факт, что одной силы мало. Да, обладание ею позволяет использовать великолепное оружие, но истинному лидеру нужно еще и уважение. А его никакие чары обеспечить не в состоянии.

Уважения-то как раз у Альберта и не было – ни среди равных ему, ни среди руководителей Триады, живущих в Китае. Какие бы чудеса он ни был способен творить, как жоака его пока никто не примет.

Зато в его силах постепенно выдавить ближайшее окружение Томми, чтобы рядом с боссом Триады остался только один человек, на которого он может положиться, – Альберт Чао. И когда час пробьет, между Альбертом и чертогами власти будет стоять только Томми. А там лишь вопрос времени, когда под ним окажется это отделение Триады, а в конце концов и вся организация.

Нужно только сохранять терпение и действовать методично. Тому и другому его научили занятия дзюдо.

Томми вызвал его к себе, и Альберт прошел к нему в кабинет через ресторан. Он надеялся, что речь пойдет о его идее насчет сбора податей. Хозяева магазинов всегда искали возможность не платить за крышу, и способ, предложенный Альбертом, при всей своей простоте решал эту проблему.

Войдя в ресторан, он по привычке, выработанной за годы работы охранником, быстро обежал столики взглядом. Подавляющее большинство посетителей были местными, да еще один-два круглолицых туриста, откопавших в путеводителе место, где можно попробовать настоящую китайскую кухню. И еще один заросший щетиной мужчина с плеером «Сони». Он ел пельмени, с удивительной для американца легкостью орудуя палочками. Приглядевшись, Альберт заметил на шее у него цепочку армейского жетона. Судя по возрасту, мужчина, скорее всего, воевал во Вьетнаме, где и научился обращаться с палочками.

Когда Альберт проходил мимо, мужчина бросил на него острый взгляд, остановил плеер и перемотал пленку. Альберт тут же развернулся и подошел к Линю, метрдотелю.

– Присмотри за седьмым столиком, – прошептал он. – Не нравится мне что-то этот тип. Линь удивленно посмотрел на Альберта.

– А что? Клиент как клиент, платит.

– Да, но похож на копа, – возразил Альберт. Он знал, что в полиции Сан-Франциско работает немало парней, прошедших армейскую службу.

– Да тут их полно, особенно после того как убили Джека, Майка и Джонни, – сказал Линь. – А этот, может, просто любит пельмени.

Альберт хмуро посмотрел на него и направился к Томми, прикидывая по дороге, кого бы выбрать следующей жертвой Дракона, и все больше приходя к заключению, что ею должен стать Линь.

Поднимаясь по деревянным ступеням, ведущим в кабинет Томми, он начал шептать слова заклинания.

Джон выругал себя за несдержанность, но он просто не мог не поднять взгляда, когда его электромагнитный полевой детектор, выглядевший как обыкновенный плеер, начал пищать.

Тип, на которого среагировал прибор, – остроносый мужчина с темными волосами, связанными на затылке в короткий хвост, уже и раньше грозно поглядывал на Джона, а когда тот поднял голову и сам посмотрел на него, и вовсе сделал стойку.

Джон надеялся, что это обычная реакция на появление американца на китайской территории – то же самое ему приходилось испытывать во Вьетнаме, где он узнал, как непросто приходится американским солдатам в предназначенных для них пунктах питания. Но учитывая реакцию детектора, он не мог позволить себе рисковать.

Краем глаза он заметил, как этот тип что-то говорит метрдотелю, указывая в его сторону. Ну, ясно, его засекли.

Значит, что это и есть Альберт Чао – тот, кто вновь призвал Сердце Дракона. Впрочем, до конца уверенным быть нельзя, ведь у Бобби не было ни фотографии, ни даже описания внешности.

Пока нельзя. Но можно все выяснить.

Быстро доев пельмени, Джон накинул куртку, бросил на стол десятидолларовую купюру и, не дожидаясь счета, чтобы не терять времени, зашагал к выходу.

Метрдотель этого даже не заметил.

Глава 15

Линь Сунь любил свою работу.

Работа была простая, не требовала особых усилий, но давала возможность говорить с людьми. Линь был из тех, кого называют «свой парень».

Мальчишкой он приехал в Сан-Франциско с родителями и сразу же начал обзаводиться друзьями. В отличие от старшего брата и младшей сестры – замкнутых и даже болезненно застенчивых, как, между прочим, и мать, отец и дед, – Линь легко мог сойтись с кем угодно.

Достигнув совершеннолетия, он надеялся найти работу, которая позволит общаться с людьми. Стать, допустим, библиотекарем или кем-нибудь еще, лишь бы приносить пользу обществу.

Но он быстро понял, что его планы не имеют никакого значения. Особенно ясно это стало, когда он узнал, почему родителям пришлось уехать из Китая.

Триада помогла матери и отцу, а взамен им пришлось переехать в Сан-Франциско с условием, что их дети, все трое, будут работать на человека, известного только по прозвищу – «Старик».

Сестра Ли-Ин прислуживала в одном из борделей. К счастью, ее не заставили стать проституткой. В обязанности сестры входило разносить напитки и время от времени составлять компанию за столиком кому-нибудь из клиентов.

Брат Кван должен выполнял поручения Старика.

Линь благодарил судьбу, что их показали Старика до того, как он решил, что им предстоит делать в его шайке, потому что при первой же встрече он обнаружил у Линя дар общения с людьми. Вот так, достигнув шестнадцати лет, Линь стал официантом в одном из ресторанов Триады и в конце концов дослужился до метрдотеля.

Это означало, что он получил возможность проводить целые дни, разговаривая с людьми, приветствуя их, провожая за столики, проверяя, что еда им по вкусу и что они вообще всем довольны.

Каждый день он говорил себе, что его жребий мог быть гораздо хуже. Его брата в прошлом году убили в уличной перестрелке. А жизнь Ли-Ин, хоть ее и не заставляли спать с клиентами, была печальной и беспросветной.

О Томми Шине Линь был не слишком высокого мнения. При Старике дела шли гладко, а Томми стремился к переменам ради самих перемен, независимо от того, нужны они или нет. Казалось, что единственная его забота – делать все не так, как делал Старик, а там хоть трава не расти.

Даже хуже – он брал на работу полукровок, вроде Альберта Чао, и всячески продвигал их. Возможно, для американцев, лишенных всяких представлений о национальной принадлежности, это нормально, но в глазах истинных китайцев, таких как Линь и его семья, такой подход не встречал одобрения, и уж конечно, этим ублюдкам никак нельзя было позволять занимать высокие посты.

Поэтому-то Линь и решил не «присматривать» за небритым американцем, который ужинал, слушая плеер. Он решил, что этот человек слушает американскую музыку, казавшуюся Линю слишком громкой, и до того, что творится вокруг, ему и дела нет. А может, он просто дурно воспитан. Среди американцев это не редкость, хотя у себя в ресторане Линь таких почти не встречал.

В большинстве туристических справочников их ресторан не упоминался. Завсегдатаями здесь были в основном местные жители, туристы заходили редко. У тех же, кто сознательно выбрал это место, манеры, как правило, были получше.

В общем, независимо от пожеланий Чао, присматривать за этим человеком явно будет ненужной тратой времени.

Тем более что у Линя были более серьезные темы для размышлений. Люди Томми Шина гибли, и Линь опасался, что Чао поднимется в иерархии Триады еще выше. Ничего хорошего этого не сулило. Но тут уж ничего не поделаешь – Томми не станет слушать какого-то метрдотеля. Так что единственное, что остается, – молча кипеть от злости, сидя у входной двери.

Вдруг Линь почувствовал, что его прошиб пот. Томми раздражал его еще и тем, что требовал увеличивать в помещении температуру, как только на улице становилось хоть на градус холоднее. Поэтому Линь и любил свое рабочее место – там хоть немного обдавало прохладой, когда кто-нибудь входил в ресторан.

Но сейчас было даже жарче, чем нравилось Томми. Не понимая, откуда исходят волны жара, Линь обернулся...

...и увидел нечто совершенно невероятное. Ничего подобного он прежде никогда не видел.

От пола до потолка поднимался столб огня, а в центре его покачивалась какая-то фигура. Она была уже всего в нескольких футах от него и приближалась, занеся над головой пылающий меч.

У Линя перехватило дыхание.

Он не мог дышать. Не мог пошевелиться, глядя на огонь, полыхавший вокруг этого человека.

Взгляд страшных глаз пригвоздил его к месту.

С мечом на изготовку, перепрыгивая через две ступени, Джон ворвался в главный зал ресторана и мгновенно оценил обстановку.

Во-первых, посетители ресторана. Они вопили, орали, указывали на что-то, натыкались на столы и стулья, пытаясь спастись бегством, хотя причина всей этой паники как раз преграждала единственный выход.

Во-вторых, метрдотель. Все вокруг металось по залу, и только он стоял как вкопанный.

И наконец, самурай в кольце огня, размахивающий полыхающей катаной.

Это что-то новое, подумал Джон.

Самурай, который, как решил Джон, и есть Сердце Дракона, двигался в сторону неподвижно стоявшего метрдотеля.

Чтобы добраться хотя бы до середины зала, Джону пришлось расталкивать охваченных паникой посетителей ресторана. Столики стояли слишком тесно, и люди давили друг друга, освобождая ему путь. Их крики смешивались со звоном бьющейся посуды, тарелки и стаканы летели на пол.

Когда Джон добрался до места основного действия, Драгон Кокоро уже почти повалил метрдотеля на пол.

Стоя позади Сердца Дракона, Джон сделал выпад и зацепил ронина крюком на конце меча, словно загнутой ручкой трости, которой стаскивают со сцены плохого актера. Но как следует захватить его крюком не получилось. А дух как будто ничего и не заметил.

Джон вновь взмахнул мечом, старясь теперь поразить противника в шею.

Вдруг демон с полыхающим мечом обернулся. Джон едва успел увернуться, пламя даже опалило ему волосы. Он преследует людей по списку и сжигает их, понял Джон. И меня он поджарит так же легко, как и остальных.

Внимание ронина уже переключилось на его главную цель, но вмешательство Джона, кажется, вывело метрдотеля из ступора. Издав вопль, он бросился к двери.

Джон преградил путь Драгону Кокоро.

– Мимо меня ты не пройдешь! – крикнул он, вставая в боевую стойку.

Сквозь мечущиеся языки пламени Джон видел, как посетители, продолжая вопить по-китайски, пытаются выбраться через кухню в туалеты. Позади них, на нижних ступенях лестницы, по которой он только что спустился, возник Альберт Чао вместе с каким-то молодым человеком, у которого волосы торчали во все стороны.

Выглядел Чао, как пьяный.

Взмахнув катаной, Сердце Дракона бросился вперед.

Джон уклонился – огненный клинок просвистел буквально в сантиметре от его головы. Дух повторил выпад, на сей раз сбоку. Джон отразил удар, мечи со звоном скрестились, он пошатнулся и едва удержал оружие в руках. Сжимая рукоять меча, Джон повторил выпад, целя в то место, где при жизни билось сердце ронина. Бобби говорил, что надпись, выгравированная на клинке, означала «Порази сердце дракона», и, видимо, именно это следовало сделать.

К сожалению, и этот удар не достиг цели. Меч прошел сквозь пустоту, как будто ничего на его пути, кроме огня, не было. А вот удар катаны был весьма чувствителен.

Дорагон Кокоро сделал очередной выпад. И Джон снова поднял меч, чтобы отразить нападение.

Раньше, в бытность морским пехотинцем, Джону приходилось иметь дело с клинком, правда, в основном на всяких парадах. А потом Калев познакомил его с Ларой, средних лет женщиной, потрясающе владевшей холодным оружием. Таких быстрых рук ему ни раньше, ни потом видеть не приходилось. И он навсегда запомнил ее совет: слушайся инстинктов. Не думай о том, что делаешь, просто действуй!

И когда Сердце Дракона бросился на него, он ни о чем не думал.

Он действовал.

С каждым новым выпадом катана мелькала все ближе, а реакция Джона запаздывала.

Атаки становились все настойчивее, и темп их не менялся. А Джон был всего лишь человеком, его силы постепенно иссякали. Поскольку с мечом не очень-то получалось, надо было срочно придумать другой план.

И тут огненный столб, окутывающий Сердце Дракона, начал постепенно опадать. Бросив взгляд в сторону лестницы, Джон заметил, что Чао что-то бормочет про себя.

В следующий момент дух рассеялся. На полу, где он только что стоял, не осталось никаких следов.

Несколько человек все еще метались по залу, и Джон увидел, как, уворачиваясь от них, к нему пробираются Чао и лохматый молодой человек.

Не имея ни малейшего желания объясняться с ними, Джон последовал за метрдотелем к выходу. К счастью, на Пасифик-авеню народу было больше, чем в ресторане. На тротуарах, смешиваясь с местными жителями, толпились туристы всех возрастов и оттенков кожи. Ему удалось затеряться среди прохожих, надежно спрятав под курткой оружие.

Осторожно, чтобы не пораниться, он шел к автобусной остановке и думал о том, что, как только вернется в гостиницу, нужно будет сразу позвонить Бобби и сказать, что меч-то его оказался картонным.

Альберт не мог поверить своим глазам. Просто не мог.

Все шло так хорошо, и вдруг, прямо как та семейка двадцать лет назад, возникает какой-то гайдзин со странным мечом.

Альберт тут же изгнал духа. Слишком много свидетелей вокруг, да и Линь куда-то исчез.

К несчастью, его планам был нанесен сильный удар. Следом за гайдзином на улицу в сопровождении двух официантов выскочил Томми.

Альберт за ним не последовал, остался в ресторане, чтобы оценить масштабы нанесенного ущерба. Он молча выругал себя за то, что не удержался и выплеснул на Линя свое недо-

вольство. А ведь он собирался использовать Сердце Дракона как можно более тонко, убирая его помощью тех, кто встанет на его, Чао, пути.

А Линь на пути Альберта не стоял, он был обычным болваном.

Никогда Альберту не добиться своего, если он будет совершать такие глупые ошибки.

Он вздохнул и, давя подошвами осколки стекла и керамики, зашагал в глубь ресторана. Посетители постепенно оправлялись от шока. Кое-кто ощупывал себя, проверяя, целы ли кости, и все о чем-то невнятно перешептывались.

Вскоре Альберт уловил, о чем именно: двадцать лет спустя Сердце Дракона вернулся.

В первый момент у него возникло искушение прикрикнуть на них, сказать, что все это предрассудки и глупости, но он тут же одернул себя: это будет ошибкой. Людям трудно не верить собственным глазам.

К тому же, коль скоро он открыл ящик Пандоры, можно попробовать использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах.

Грохоча башмаками, в ресторан вернулся Томми и грозно прорычал:

– Что это, черт возьми, было?

– Судя по всему, – ответил Альберт, – это Сердце Дракона. Он хотел убить Линя.

– Да? А вот я, – возразил Томми, – видел нечто иное. Он пытался убить туриста с мечом. –

Тут он улыбнулся. – Не знаю уж почему, но Сердце Дракона хотел защитить нас.

Улыбка погасла.

– Эл, я хочу, чтобы ты узнал об этом существе все, что только возможно: откуда оно, что ему нужно, почему помогает нам.

– Босс, – вмешался один из официантов, чье имя Альберт никак не мог вспомнить, – уж не это ли убило Джонни и...

– Вот именно. – Томми потер подбородок. – Нам нужна информация. Ладно, Эл, ты у нас умник, вот и узнай, что это такое и что оно хочет от меня. Сумеешь?

Альберт почтительно поклонился.

– Не сомневайся, Томми.

Глава 16

Бобби Сингер уже собирался готовить ужин себе и мальчикам, когда зазвонил висевший на стене новый беспроводной телефон. Он схватил трубку:

– Да?

Телефон продолжал звонить.

Бобби со вздохом нажал на кнопку «прием».

– Да?

Звонил Джон Винчестер.

– Бобби, что ты мне втюхал, черт тебя дери?

Бобби насупился, явно ругая себя за то, что купил эту новомодную технику.

Из гостиной до кухни донеслись громкие голоса.

– Ди-и-ин! Это моя ручка!

– Ну так достань себе новую, послушный Сэмми!

Бобби запустил свободную руку в густые волосы.

– Ничего я тебе не втюхивал, Джон, – сдерживаясь изо всех сил, сказал он. – И вообще, о чем это ты?

– Ты прислал мне меч, и вот я размахиваю им, как последний дурак, а эта чертова штука ни на что не годится.

Бобби потянулся потереть глаза и заметил на ладони клочки рыжих волос. Он начинал лысеть, и когда у него было плохое настроение, винил в этом исключительно Джона.

– Слушай, а почему бы тебе не поговорить с тем профессором из Беркли, что передал эту хреновину Бартоу?

Последовало долгое молчание.

– А как его зовут? – спросил, наконец, Джон.

– Маркус Уоллес.

Бобби прошел в гостиную. Дин стоял на цыпочках, высоко, как только мог, подняв руку с зажатой в пальцах ручкой Сэмми. А тот подпрыгивал, старясь вырвать ее из рук старшего и более рослого брата.

Покачав головой, Бобби сел за письменный стол и зашелестел бумагами.

– погоди, не вешай трубку. Ага, вот, нашел. – Он вытащил из отдельно лежавшей связки с пометкой «Бартоу» одно из писем и продиктовал номер телефона университетского городка Беркли.

– Ладно, – сказал Джон, – попробую отыскать его. Но если не выйдет, придется пошевелить мозгами. А иначе все к черту. Попозже перезвоню.

– Между прочим, – поспешно сказал Бобби, прежде чем Джон успел повесить трубку, – с ребятами все в порядке.

Опуская руку, Дин повернулся к Бобби.

– Это папа?

Воспользовавшись тем, что брат отвлекся, Сэм с торжествующим «ура!» вырвал у него ручку, но тот едва обратил на это внимание.

– Я так и думал, – нетерпеливо бросил Джон, – потому что иначе ты бы пожаловался. Ладно, заканчиваем, а тот тут за междугородные звонки дерут втридорога.

И он повесил трубку.

– Можно поговорить с ним? – умоляюще спросил Дин.

Бобби нажал на кнопку «отбой» и опустил руку.

– Извини, Дин, но... видишь ли, он уже на ходу звонил, с порога. Но велел передать, чтобы вы вели себя как следует и что он любит вас.

Мальчик склонил голову набок и посмотрел на Бобби.

– Он действительно это сказал?

– Можешь не сомневаться. А я повторяю, парень, не балуйся и не бери чужих вещей.

Если тебе нужна ручка, просто скажи мне, ладно?

– Ладно, – кивнул Дин. – К тому же я все равно уже сделал все уроки.

– Да ну? – Теперь уже Бобби искоса посмотрел на мальчика.

Дин смутился.

– Ну, почти все.

– Так я и думал. Ладно, я иду готовить ужин, а ты заканчивай.

– Хорошо.

Дин сел на диван рядом с Сэмом. Тот вернулся к своим урокам, которые делал, когда Дин отнял у него ручку.

Дин снова посмотрел на Бобби.

– А можно мне ручку?

– Разумеется. – Бобби широко улыбнулся, выдвинул верхний ящик стола и достал шариковую ручку, которую прихватил в гостинице, возвращаясь с очередной охоты.

Он протянул ее Дину и вернулся на кухню.

– Она не пишет! – захныкал Дин. – Пачкает только!

Доставая из холодильника кусок масла и бросая его на сковородку, Бобби подумал: пожалуй, винить в том, что он лысеет раньше времени, стоит всю семейку Винчестеров.

Джон думал, что кабинет университетского профессора – это просторное помещение с большим письменным столом, кожаным креслом и книжными полками от пола до потолка.

Но, приехав в университетский городок Беркли и отыскав здание на Фултон-стрит, где находился недавно переименованный факультет стран Азии, он испытал некоторое разочарование.

Кабинет Маркуса Уоллеса оказался крохотной квадратной комнаткой без окон и почти без воздуха. У стены стоял простой металлический стол, занимавший столько места, что стул приткнулся у противоположной стены, и место оставалось лишь для небольшого книжного стеллажа в углу кабинета.

Стол был завален бумагами, часть документов была небрежно свалена в две проволочные корзины. Еще на столе стоял телефон – Уоллес как раз разговаривал по нему, когда Джон вошел в кабинет, – и компьютер, хотя клавиатура тоже была погребена под кипами бумаг. По экрану проплывали зеленые буквы, бросая отсвет на лицо Уоллеса и странно контрастируя с лампой дневного света под потолком. Когда-то стены кабинета, вероятно, были выкрашены в желтый цвет, но краска давно поблекла и стала грязно-горчичного оттенка.

Уоллес оказался добродушным мужчиной. Надо сказать, что его курчавые африканские волосы в стенах азиатского факультета выглядели довольно странно. Продолжая говорить по телефону, он жестом предложил Джону сесть на складной стул, втиснутый между столом и дверью.

– Да, да, я все понимаю, но... – Он запнулся и замолчал. – Да, знаю, но... студенты не будут... – Он снова замолчал, постепенно раздражаясь. – Да, сэр. Да, сэр. Хорошо, сэр. Всего доброго.

Швырнув трубку на рычаг, Уоллес что-то сердито пробурчал, потом взял себя в руки.

– Извините, – сказал он. – Нам только что назначили нового заведующего кафедрой, и, похоже, единственное, чего он хочет, так это изменить все, что было за последние двадцать лет, что я здесь работаю, не задумываясь о том, нужно это или нет. Право, образовательная политика сейчас такова, что люди в Вашингтоне ведут себя, как последние скряги. – Он глу-

боко вздохнул и протянул гостю руку. – Прошу прощения, меня зовут Маркус Уоллес. А вы, должно быть, Джон Винчестер?

Джон ответил на крепкое рукопожатие.

– Насколько я понимаю, вы разговаривали с Бобби после моего звонка?

Уоллес кивнул.

– Итак, меч-крюк оказался в деле хуже, чем мы его разрекламировали?

– Это еще слабо сказано, – грустно согласился Джон.

– Ладно, приятель, не расстраивайтесь – Бобби здесь ни при чем. Все эти двадцать лет, что прошли с момента первого появления Драгона Кокоро, я стараюсь разузнать про него все, что возможно. В свое время я выручил Бартоу и с тех пор постоянно возвращаюсь к этой теме. Все это очень и очень непросто... – Не умолкая ни на минуту, он начал рыться в бумагах на столе. – Все же кое-что полезное для вас у меня есть. Да где же это? – Переложив несколько стопок бумаги, Уоллес наконец нашел то, что искал. – Вот оно!

Это оказался буклет примерно в половину дневника самого Джона и по формату, и по толщине. Сначала Джону показалось, что Уоллес протягивает ему буклет вверх ногами, да еще и раскрытым с конца, но потом он вспомнил, что в большинстве азиатских языков читают справа налево.

Листая буклет, Джон, помимо картинок, которые при других обстоятельствах вполне могли бы ему понравиться, увидел иероглифы кандзи²⁴.

– Ну, и что мне с этим делать? – спросил он.

Уоллес энергично затряс головой и выхватил буклет у Джона из рук.

– Извините, приятель, иногда я забываю, что не все владеют японским. – Он пролистал буклет до конца. – Вот, смотрите. – Он вернул буклет Джону и ткнул пальцем в рисунок на последней странице. – Эта картинка стоит тысячи слов.

Джон разглядывал картинку, занимавшую всю нижнюю половину страницы: мужчина с очень знакомым мечом в руках, застывший в боевой стойке напротив другого мужчины, объятый пламенем и размахивающего катаной.

Особенно интересным Джону показались иероглифы кандзи на лезвии меча.

Подняв голову, он увидел, что Уоллес удовлетворенно кивает.

– Вот-вот, если это действительно оригинал – а я долго с этим возился, – то главное тут не сам меч, а то, что на нем написано. – Он отвернулся, смахнул бумаги с клавиатуры и принялся печатать. – Я тут выписал транскрипцию иероглифов, изображенных на клинке. Теперь вы будете знать, как они произносятся. В следующий раз, когда столкнетесь с духом, произнесите начертанное на мече заклинание. Надеюсь, этот поможет избавиться от Драгона Кокоро.

– *Надеетесь?* – Джону не понравилось это слово.

Уоллес пристально посмотрел на него.

– Послушайте, приятель, мы ведь оба понимаем, что к таким вещам не всегда прилагается инструкция.

– Ну, да, конечно, – вздохнул Джон.

Встав со стула, профессор кивком пригласил гостя к двери.

– Идемте, принтер стоит внизу.

Джон вышел за ним из тесного кабинета в такой же тесный коридор, к столу, притулившемуся у шкафа с ячейками для писем, на которые были наклеены полоски бумаги с именем адресата. В одной из них, с именем Уоллеса, белел конверт. Проходя мимо, профессор вытащил его.

Принтер был струйный, работал очень медленно, тем не менее, когда они подошли, все было готово. Из принтера выполз листок, на котором было напечатано всего несколько слов.

²⁴ Китайские иероглифы, используемые также в японском языке.

Профессор потянул на себя рычаг и выхватил лист.

– Ну вот, извольте, мистер Винчестер. Подойдите с мечом к Драгону Кокоро как можно ближе, произнесите это и отступите назад.

– А если не работает? – Джон взял лист с текстом.

Уоллес грустно усмехнулся.

– В таком случае бегите так, чтобы пятки сверкали.

Джон закатил глаза.

– Большое спасибо.

Глава 17

Томми Шину было неприятно признавать, что Старик оказался прав.

Мэй-Линь поручение выполнила – собрала досье на Сердце Дракона. Всего, что хотелось, Томми не узнал, но для того, чтобы начать действовать, этого было достаточно.

Как ни противно, но одним из этих действий должна была стать еще одна встреча со Стариком. Когда тот высказал предположение, что в гибели его людей повинен некий дух, Томми только отмахнулся от него. А теперь ему придется признать, что он неправ.

Но что поделаешь – нельзя не верить тому, что видел своими глазами. А он видел Сердце Дракона в ресторане, видел, как он налетел на Линя, а потом исчез. Значит, нужно признать, что он существует. А из этого следует, что опять придется просить Старика о помощи.

Джокером во всей этой истории был белолицый мужчина с мечом. Что делать с этим джокером, Томми пока не знал, и это его смущало. С одной стороны, гайдзин явился в ресторан Томми с оружием. С другой, он защищал Линя, рискуя жизнью.

Зачем ему это понадобилось? – гадал Томми. Чего он хочет?

Кажется, незнакомец ожидал появления Сердца Дракона. Иначе зачем бы ему было брать с собой меч, отправляясь в ресторан?

В любом случае надо разузнать об этом человеке побольше, без этого его мотивы не понять. А вот другие шаги предпринять можно, и они были предприняты.

Томми вызвал к себе в кабинет Бенни и Эла, и оба явились почти сразу.

– Садитесь. – Он указал на стулья, стоявшие перед его столом. – Мне кое-что сообщили о Сердце Дракона... Ну, об этом огненном воине, что объявился в ресторане.

Эл сразу вскинулся.

– Мне тоже, – сказал он, не дожидаясь вопросов, – и, по-моему этот гай... этот незнакомец и затеял всю свару.

Бенни круто повернулся к нему.

– С чего ты это взял? Все, с кем я говорил, утверждают, что он только защищался.

– Но это же совершенно очевидно! – Эл посмотрел на Бенни, как на идиота. – Незнакомец явился сюда с мечом. Стало быть, собирался пустить его в ход, иначе зачем ему оружие в ресторане? Готов поспорить, он и вызвал демона, чтобы тот помог ему осуществить какой-то хитроумный замысел, не знаю уж, в чем он состоял.

– Но зачем он тогда дрался с демоном? – стоял на своем Бенни.

– Кто знает? – Эл пожал плечами. – Может, демон слетел с катушек? Это объясняет, почему он напал на Линя. Кому нужен такой ничтожный человек, как Линь? – Он повернулся к Томми. – Нет, я думаю, этому типу нужен был ты, а раскрылся он только затем, чтобы демон не убил не того человека. – Эл явно гордился своими выводами.

Обдумывая услышанное, Томми кивнул.

– Что ж, неплохая версия, – признал он.

Снаружи раздался стук. Дверь открылась, и на пороге появился Майк Джанг – один из охранников, дежуривших внизу.

– Извините, босс, мы тут кое-кого взяли.

– Ну, что там у вас? – Томми энергично взмахнул рукой, приглашая Майка войти.

Следом за Майком в кабинет вошли Джек Ву и небритый европеец в спортивной куртке. Рост Ву был шесть футов восемь дюймов, и он отличался могучим телосложением.

В руках у Майка был меч с крюком на конце.

– Так, так, так, – заговорил Томми, обходя стол, чтобы лучше разглядеть незнакомца. – На место преступления потянуло, да?

Джек стиснул чужака своими громадными лапами, но это не мешало тому держаться довольно вызывающе.

– Никакого преступления я не совершал, – заявил он.

– Да ты вообще кто такой? – требовательно спросил Томми.

– Меня зовут Джон Винчестер, и я здесь не для того, чтобы причинить вам вред.

При этих словах Эл встал рядом с боссом.

– Врешь! – бросил он, может, чуть громче, чем следовало. – Ты хочешь разрушить Триаду и для начала покончить с Томми! Скажешь, нет? Думаешь, он слабак? Ошибаешься!

Винчестер только улыбнулся. Это была опасная улыбка, пугающе спокойная. Томми сразу понял, что это улыбка человека, которому случалось заглядывать в бездну. Однажды он уже видел такую улыбку – на лице Старика.

– Разрушить, сынок, я хочу только одно, и того, что мне нужно, в этой комнате нет.

Эл повернулся к Томми.

– Ты должен немедленно убить его, иначе тебе конец!

Теперь настала очередь Томми улыбаться.

– Эл, я, конечно, могу убить его, – спокойно сказал он. – Но не за то, что он вызвал Сердце Дракона.

– О чем это ты? – Эл побледнел.

Томми принялся мерить шагами увешанный афишами кабинет.

– Мэй-Линь много чего накопила про Сердце Дракона, в том числе и то, что ты в своем кратком отчете упустил, – сказал он. – Понимаешь ли, эта тварь – дух старого воина по имени Йосио Накадаи, и Джон Винчестер никак не может призвать его обратно в страну живых. На это способен только кровный родственник, потомок этого ронина. – Томми пристально посмотрел на Эла. – Мэй-Линь добыла исчерпывающие сведения. И если Йосио Накадаи – японец, мне приходит в голову только один кандидат. Тот, кто и сам наполовину японец и едва не назвал чужака гайдзином. Тот, кто хотел бы укрепить свое положение в Триаде. Тот, кто никак не может поладить с Линем.

В первый момент Альберта охватила паника, он позеленел от страха и принялся оглядываться, ища пути к отступлению.

Но потом плечи его поникли, и он повернулся к боссу.

– Ну что ж, Томми, отлично. Твоя взяла!

И не успел никто пошевелиться или сказать что-нибудь, как он сам забормотал что-то.

Томми почувствовал, как его обдало жаром.

Посреди кабинета соткался из пустоты Сердце Дракона – точно как в тот раз, внизу.

– Какого дьявола... – воскликнул Бенни, поднимаясь на ноги. Отшатнувшись назад, он выхватил свою «беретту».

Томми и охранники в ужасе застыли. Винчестер, которого все еще удерживал Джек, единственный сохранял присутствие духа. Он крикнул:

– Наверное, большую часть заклинания он произнес еще до того, как пришел сюда. А сейчас только закончил!

– Очень хорошо! – Эл улыбнулся, как учитель, довольный ответом способного ученика.

Бенни трижды нажал на курок, но пули тут же расплавились в огне.

Сердце Дракона взмахнул катаной.

Бенни хотел снова выстрелить, теперь уже в Эла, но тут уже Винчестер забормотал что-то по-японски.

На мече в руках Майка начали постепенно проступать светящиеся знаки.

Пылающий дух, не опуская катаны, откинул голову назад и вскрикнул. Это был гулкий протяжный звук, лишь отдаленно напоминающий человеческий голос. Огонь разгорелся еще ярче, он слепил, и Томми пришлось прикрыть глаза.

Затем языки пламени опали, и дух исчез.

Эл не сдержал крика ярости.

Томми кивнул Бенни, тот сразу понял босса и направил «беретту» на Эла.

Но Джон Винчестер оказался еще проворнее. Он двинул Джека локтем под дых, затем ударил тыльной стороной ладони по носу. Удар башмаком в пах заставил Джека сложиться пополам, и, пока тот не опомнился, Винчестер метнулся к Майку. Один удар, и охранника вырубил. У него всегда была слабая челюсть, подумал Томми. Майк рухнул на пол, и белолицый выхватил у него меч.

Томми никогда не носил оружия – для этого у него были такие ребята, как Майк и Джек. Бенни продолжал держать на мушке Эла, и, воспользовавшись моментом, Винчестер бросился к двери.

– Босс? – спросил Бенни, не спуская глаз с Эла.

– Пусть идет, – махнул рукой Томми. Самообладание вернулось к нему. – Он нам не враг. Если вернется, тогда и займемся им. – Он запустил руку в волосы и повернулся к Элу. – А вот с тобой будем разбираться прямо сейчас.

Все еще храбрысь, Эл бросил:

– Валяй, Томми, чего ты ждешь? Прикажи Бенни прикончить меня.

– Если ты, несчастный полукровка, не заткнешься, я тебя пристрелю без всякого приказа, – не выдержал Бенни.

– Говорю же, валяй. Мне сказать больше нечего.

– Я так не думаю, Эл. Нет, не думаю. Ты можешь оказаться мне очень полезен. Ты ведь знаешь, как вызвать Сердце Дракона.

– Больше не знаю, – с горечью возразил Эл. – Этот... этот гайдзин изгнал его. Духа больше не существует.

Пожав плечами, Томми кивнул Бенни.

– Ну что ж, тогда пристрели его.

Бенни усмехнулся и, несколько раз нажав на спусковой крючок, выпустил в Эла целую обойму. Тот рухнул, заливая пол кровью.

Томми повернулся к Джеку и Майку.

– Вы как, ребята, в норме?

Джек, красный от смущения, кивнул, но Майк, все еще без чувств, лежал на полу. Бенни, покачав головой, вынул из «беретты» пустую обойму и заменил ее новой, которая со щелчком встала на место.

Томми подумал, что хорошо бы пустить Мэй-Линь по следу этого Джона Винчестера: пусть выяснит, кто он и откуда. Он явно обладает и знаниями, и немалыми возможностями, которые могут пригодиться ему, Томми.

Он посмотрел на Джека, стоявшего на коленях рядом с Майком.

Тот как будто начинал приходить в сознание, во всяком случае, громко застонал.

– Джек, вставай и свяжись с доктором Джангом. Он поможет избавиться от этого. – Томми указал на труп Альберта.

– О-о-ох!

Обернувшись, Томми застыл на месте. Остальные тоже.

Эл поднимался с пола.

Его рубашка была по-прежнему спереди вся в крови, но там, где должны были быть отверстия от пуль, видна была только белая кожа.

Попытавшись привести себя в порядок, Альберт с широкой улыбкой посмотрел на присутствующих.

– Доктор Джанг тебе, Томми, не понадобится. А вот я понадоблюсь. Помнишь, я сказал, что Сердце Дракона изгнали? Но я ведь не сказал, что навсегда.

Не дав ему договорить, Бенни выстрелил снова и попал в плечо.

Эла отбросило к стене, он зарычал и бросился вперед, стараясь отобрать у Бенни «беретту».

– Больно, черт тебя подери!

В тот же момент Джек вскочил на ноги и выстрелил Элу в спину. Пули прошли навывлет, рекламный плакат «Смертельного оружия-2» залило кровью.

На сей раз Эл даже не упал, хотя и согнулся пополам. Вскинув «беретту», отнятую у Бенни, он дважды выстрелил в грудь Джеку.

Джек рухнул на пол и был при этом абсолютно мертв.

Бенни рванулся вперед, чтобы вернуть себе оружие. На рукоятке «беретты» в отчаянной попытке завладеть пистолетом сомкнулись разом четыре руки, пальцы тянулись к спусковому крючку.

Сначала борьба шла на равных. Томми не отваживался приблизиться, боясь поймать пулю. В какой-то момент дуло действительно повернулось в его сторону, и он нырнул под стол.

В конце концов Бенни все же взял верх и приставил ствол к груди Эла.

Прогремел выстрел, Эл вскрикнул.

Бенни улыбнулся и, торжествуя победу, ослабил хватку. Эл тут же выхватил у него «беретту», сунул ствол под подбородок Бенни и выстрелил.

Ошметки мозга вперемешку с осколками черепа заляпали стены и потолок. Эл повернулся к пораженному Томми. Рубаха его была разодрана в клочья, залита кровью, но раны затягивались прямо на глазах.

Улыбка, мелькнувшая на лице Эла, показалась еще более страшной, чем напугавшая его раньше улыбка Винчестера. В ней было безумие, чего в улыбке Джона не было.

– А ведь все, что от тебя требовалось, Томми, – это дать мне побольше возможностей, – угрюмо сказал Эл. – Потому я и убил этих трех идиотов – Тенга, Ли и Лао. И этих двух. – Он повернулся к Майку, все еще лежавшему в полубессознательном состоянии на полу, и дважды выстрелил ему в спину. – И этого. Никто из них, Томми, не мог быть тебе полезен. А я мог. Но теперь мне нужно подумать о себе. К тому времени, когда у меня появится возможность снова вызвать Сердце Дракона, я стану самым могущественным человеком в Китайском квартале.

Томми посмотрел на Эла с таким же презрением, с каким, бывало, Старик смотрел на него самого.

– Тебе кажется, что ты лучше меня, но на самом деле ты просто дурак, которому повезло.

– А сейчас мне повезет еще больше.

И это были последние слова, которые Томми услышал, перед тем как пуля разнесла ему череп.

Глава 18

Испуская дух в смертельных объятиях демона, Накадаи испытывал неопишемые страдания. И все же, хоть пламя, поглощая его плоть и обнажая скелет, ревело все громче, хоть огонь выжигал остатки его жизни, на самом краю сознания мелькала смутная мысль: замысел демона простирается гораздо дальше, нежели просто превратить жителей мирного селения в толпу, жаждущую крови.

В конце концов боль сделалась такой нестерпимой, что Накадаи потерял сознание – в последний раз, взмолился он. Конвульсии прекратились, и наступило ничто, пустота. На краткий миг Накадаи показалось, что он обрел покой, которого жаждал с тех мрачных дней, когда его хозяин был предан позору.

Увы, его надеждам не суждено было сбыться.

Пламя, что уничтожило его, разгорелось вновь. И хоть он не ощущал жгучего прикосновения его языков, его разрушительной силы, каким-то неизъяснимым образом они возвращали его в обитель живых.

Перед ним стояла иссохшая старуха.

– Я – Мико, – сказала она. – Ты мой двоюродный дед. И будешь делать то, что я скажу. – В руках у нее был меч с крюком на конце и иероглифами, означавшими: «Порази сердце дракона».

Накадаи, как ни старался, не мог выговорить ни слова – даже убедиться каким-нибудь образом, что эта старая карга действительно потомок его пухлого двухлетнего племянника, которого он еще помнил. Точно так же не мог он и управлять своими действиями.

Смутно различимая в дыму костра, женщина, назвавшая себя Мико, сказала, что ей известно о заклинании, с помощью которого демон погубил Накадаи, и, обладая силой, дарованной ей по праву рождения, она вернула его на землю живых.

Она говорила о чужестранцах, оказавшихся на их родных берегах вскоре после смерти Накадаи, и о том, как их подлые привычки подорвали дух Японии. Она рассказала Накадаи про его собственную дочь, которая вышла замуж за китайца, пересекла океан, поселилась в Соединенных Штатах и родила там сына.

Это был последний удар, и он побудил Мико к действиям. Отрекшись от дочери и порвав все нити, связывавшие ее с семьей, она погрузилась в изучение семейных преданий в надежде отыскать хоть что-нибудь, что позволит ей обрести силу для борьбы с тлетворным поветрием. Вот тогда она и узнала про заклинание.

Затем она нашла колдунов и стала изучать их искусство. Они помогли ей составить заклинание, которое вернет Накадаи в землю живых и позволит использовать его как оружие мщения. Однако же, зная, какие опасности возникают, когда бросаешь вызов злу, она решила, что не помешает отлить меч вот такой замысловатой формы.

Она будет держать его про запас, на тот случай, если демон вернется и решит вернуть себе власть над духом Накадаи.

– Ты сможешь мне избавить нашу землю от западной чумы, – изрекла старуха, и в этот миг самурай понял, что она давно обезумела. – Вместе мы уничтожим врага и возродим Японию во всей ее благородной славе.

Однако годы подорвали не только ее разум, но и тело, и еще до того, как Накадаи сумел осуществить хоть одну из задач, поставленных перед ним старухой, Мико сдалась на милость времени и умерла.

Когда она испустила последний вздох, наступило благословенное забвение. И длилось оно до тех пор, пока ее внук Альберт Чао не повторил то же самое старое заклинание. Это был тот самый полукровка, чье появление на свет привело некогда в такую ярость старуху

Мико. Используя Накадаи, как кукловод марионетку, он творил свою бессмысленную месть, пока вновь не был изгнан женщиной с Запада.

Когда же восемьдесят лет спустя он вернулся, Альберт Чао вновь завладел им. Он был умнее, чем его предок, но так же одержим тягой к злу, и лишь меч Мико, оказавшийся каким-то образом в руках чужеземца, не позволял Накадаи нанести еще больший ущерб.

Вновь он плавал в пустоте, которая, хотелось ему верить, продлится вечно. Но, как и прежде, он понимал, что демон не оставит его в покое.

Глава 19

Вместе с непоседливым Сэмми и невозмутимым дядей Бобби Дин переминался с ноги на ногу у стойки выдачи багажа аэропорта Сиу-Фоллз.

Всякий раз, как у дверей кто-то появлялся, сердце десятилетнего мальчугана начинало биться сильнее. А когда выяснялось, что это не папа, его плечи опускались. Ему хотелось только одного – чтобы папа вернулся домой целым и невредимым. Главное – живым.

Накануне вечером папа звонил дяде Бобби. В это время Дин уже был, как и положено, в постели, но, в отличие от Сэмми, заснуть не мог, и когда зазвонил телефон, выскользнул из спальни, неслышно пробрался на верхнюю площадку лестницы и стал прислушиваться к доносившемуся из кухни голосу дяди Бобби.

– Хорошо. Ладно. – Он замолчал, слушая, что ему говорит Джон. – Да, я так и думал, Уоллес свое дело знает. Что? А, да, конечно. Это разумно. Ладно, отсылай меч назад, только не вздумай пропустить его через металлодетектор, и уж точно нельзя доверять идиотам, через руки которых проходит уже проверенный багаж. Иначе считай, что тебе повезло, если эту штукину не зашлют по оплошности куда-нибудь во Внешнюю Монголию... Самое лучшее – Федерал Экспресс. Ладно. А я, как только получу его, уберу обратно в ледник, вдруг через двадцать лет опять пригодится. Да, мы встретим тебя в аэропорту, я даже «Импалу» пригоню. Да, в полном порядке, просто надо было масло сменить и подтянуть кое-что. Что? Да, я сказал «мы». Возьму с собой мальчиков. Они соскучились по тебе... А с чего их оставлять дома? Хорошо. Ладно, Джон, до встречи.

Услышав, как дядя Бобби кладет трубку на рычаг, Дин ощутил миг подлинного счастья. Папа жив – и судя по тому, что они с дядей Бобби о чем-то пререкались, как обычно, чем-то недоволен.

А это значит, Дин знал по опыту, что отец в полном порядке.

Ожидая его в аэропорту, Дин говорил себе, как важны для папы эти частые отлучки, он понимал это гораздо лучше, чем Сэмми. Младший брат толком не помнил маму, он был совсем маленьким, когда ее не стало. Трудно представить, что он когда-нибудь по-настоящему поймет, что с ней случилось.

Если быть честным с самим собой, то Дин и сам это не вполне понимал. Бывали дни, хотя в этом он бы никому не признался, когда он не мог даже вспомнить, как она выглядела.

Маму убил какой-то монстр, и папа не успокоится, пока не найдет его и не убьет. А пока он ездит и убивает других монстров, которые хотят убить мам других мальчиков и девочек.

Потому что папа – герой, а герои ведут себя именно так.

Наконец за спинами какой-то ссорившейся пары мелькнула знакомая темноволосая голова. Широко шагая, папа обогнал пару и широко улыбнулся.

Сэмми ни на что вокруг внимания не обращал, но, увидев отца, вскочил и бросился к нему.

– Па-а-ап!

– Совсем еще ребенок! – заметил Дин, делая вид, что возвращение отца – не такое уж большое дело.

– Ну как, ребята, все в порядке?

– Все классно, па! – Сэмми от нетерпения подпрыгивал на месте. – Я побил Дина в шашки, а потом он выиграл у меня в прятки, но это ничего, потому что я снова побил его в ятци²⁵.

²⁵ Популярная детская игра в кости.

Дин собрался было уточнить, что Сэмми выиграл только одну партию, но Бобби положил ладонь ему на плечо и покачал головой. Дин недовольно промолчал. Сэм был счастлив видеть отца, и Бобби не хотел портить ему удовольствие. И Дин ограничился словами:

– Здорово, что ты вернулся, па.

– Я соскучился по вам, ребята. Да, у меня тут кое-что для вас есть. – Он сунул руку в карман куртки, достал два маленьких пластмассовых прямоугольника и один протянул Сэмми, другой Дину.

Это были сувениры из Калифорнии, миниатюрные автомобильные номера, только на одном вместо цифр было выбито «ДИН», а на другом – «СЭМ».

– Вот это да! – завопил младший. – Здорово!

– Такие только в Сан-Франциско найдешь, – улыбнулся Джон. – Хотел, чтобы у вас было что-то особенное.

Сэм не мог сдержать восторга, и Дин решил промолчать. Он-то знал, что такие игрушки в Калифорнии продаются повсюду. А особенно – в сувенирных магазинах аэропортов. Сам он летал только однажды, и ему это очень-очень-очень не понравилось, но магазины он запомнил хорошо.

Торопясь на свой рейс, папа просто схватил то, что подвернулось под руку. Судя по подслушанному Дином разговору, он, кажется, даже не ожидал увидеть сыновей в аэропорту.

Отец взъерошил Сэму волосы и повернулся к Дину. Положил ему руки на плечи, его лицо стало очень серьезным, как всегда, когда он собирался сказать что-то особенно важное.

– Ты ведь присматривал за Сэмми, верно, сынок?

Дин кашлянул и вдруг почувствовал себя очень виноватым. Ему вспомнились слова отца, сказанные в тот вечер, когда не стало мамы. Они всегда хранились у него в памяти, но сейчас зазвучали во весь голос.

– Ступай с братом на улицу, да поживее – не оборачивайся. Ну же, Дин, марш!

Он расправил плечи и посмотрел отцу прямо в глаза.

– Так точно, сэр!

– Ну, вот и молодец. – Джон улыбнулся.

– Ладно, хватит болтаться тут, пошли, – сказал дядя Бобби.

Они направились к стоянке. Дин засопел, когда Сэмми принялся в десятый раз рассказывать о том, как один-единственный раз обыграл Дина в ятци, но вспомнил слова отца и снова промолчал.

Отец дрался с плохими людьми и спасал хороших и в то же время заботился о своих сыновьях.

Потому что отец – герой, а герои ведут себя именно так.

Глава 20

2009 год

В слабом свете убывающей луны Майра Ву бежала через парк «Золотые ворота». Ей грозила смертельная опасность. Никогда еще она не испытывала такого страха. Он сдавливал грудь, ноги стали как ватные. Даже в самых мрачных фантазиях она не могла вообразить подобного ужаса.

До того дня, когда она впервые услышала выстрелы.

Майра родилась в Сан-Франциско. Ее отец был американцем китайского происхождения, мать – немецкого. Майра ходила в государственную начальную школу, затем в среднюю и старшую, затем там же, в Сан-Франциско, поступила в Калифорнийский университет, где изучала театральное искусство и получала средние оценки, ни в чем особо не преуспевая, но и не отставая.

Театр всегда увлекал Майру, и хотя ведущих ролей она не получала, место на сцене ей почти всегда доставалось. А если нет, то она помогала постановке, чем могла. Это позволяло чувствовать свою причастность к спектаклю.

Окончив университет, она осталась дома, с отцом и матерью, которые никогда и не в чем ей не перечили. Их волновало только одно – чтобы у дочери не было проблем с законом. Впрочем, для беспокойства оснований не было. Ни ее саму, ни ее друзей нельзя было назвать людьми, у которых могут возникнуть проблемы с кем бы то ни было, и уж в последнюю очередь с законом. Полицейских она видела только на улице.

До тех пор, пока не устроилась работать в ресторане Томми Шина.

Обожая сцену и обладая истинным талантом, Майра, тем не менее, никогда не стремилась к актерской карьере. Она рассылала свое портфолио и ходила на прослушивания, получая предложения выступать во второсортных клубах, но всерьез ее это не увлекало.

В конце концов, следуя традиционным путем актеров-неудачников, она стала официанткой. Нанимаясь на работу, Майра вспомнила анекдот, который рассказывал один университетский профессор. Мужчина знакомится в баре с женщиной и спрашивает: «Чем занимаетесь?» Та говорит: «Я актриса». А мужчина отвечает: «Да ну? И в каком же ресторане вы выступаете?»

Внешность Майры свидетельствовала о китайском происхождении отца, от матери ей достались только голубые глаза. Это мешало получать хорошие роли в театре, зато увеличивало шансы получить работу в каком-нибудь ресторане в Китайском квартале.

Помимо английского, она бегло говорила по-китайски и по-немецки, что являлось плюсом для хозяев ресторанов, которые по-прежнему, несмотря на наплыв туристов, обслуживали в основном своих.

В ресторане Томми Шина как раз была открыта вакансия, и поначалу все шло хорошо. Майре нравилось общаться с людьми, нравилось обслуживать посетителей и нравились те, с кем она работала. Она ладила со всеми, за одним только исключением. Отношения со странным пожилым управляющим у нее не сложились.

Альберт Чао, востроносый, замкнутый пожилой господин, редко выходил из своего кабинета. А если выходил, то только для того, чтобы устроить кому-нибудь разнос – за дело или просто так. Или для того, чтобы поговорить с полицейскими, которые регулярно навещались в ресторан. Иногда это были люди в форме, но чаще приходилось видеть поднимающегося по лестнице детектива в штатском.

Майра никак не могла понять, что им тут надо. Однажды она попыталась расспросить Йонга, служившего в ресторане менеджером, но тот только отмахнулся.

– Не наше дело, – отрезал он, осматривая зал. Его взгляд остановился на одном из столиков. – Номер четыре. Нужна вода, принеси. – И он хлопнул в ладоши, призывая девушку заниматься своим делом.

Она повиновалась, но на том не успокоилась и втайне от Йонга продолжила задавать вопросы. Но в ответ ей пересказывали только слухи, и они ей совсем не нравились.

И тогда она решила не забивать себе больше голову.

Одно учреждение неподалеку решило отметить приближающееся Рождество, устроив у Шина обед для всех сорока своих работников. Кроме них были и обычные посетители, так что народу в зале было битком, и всем в ресторане приходилось трудиться не покладая рук, не говоря уж о том, что то одно, то другое заканчивалось быстрее, чем предполагалось. Скоро стало не хватать салфеток, и Йонг послал Майру в кладовку, где держал некоторый запас – как раз на такой случай.

Чтобы попасть туда, нужно было пройти мимо кабинета Альберта Чао, и Майра старалась ступать как можно тише, чтобы никого не побеспокоить. И вдруг услышала какой-то звук, похожий на выхлоп автомобиля.

Вот только доносился он из-за закрытой двери кабинета. «Может, там окно открыто, – подумала Майра, – поэтому так громко». Но тут же почувствовала запах гари.

Потом раздался чей-то смех.

И снова тот же странный звук.

Майра застыла, прижимая к груди кипу салфеток. Кто-то вскрикнул.

Крик тут же оборвался, и за ним последовало какое-то всхлипывание. Подумав, что кому-то, возможно, нужна помощь, хотя ее внутренний голос просто надрывался: беги, беги со всех ног! – она постучала в дверь.

– Есть тут кто-нибудь? Все в порядке? Мне показалось, я что-то слышала!..

Тут раздался еще один хлопок, и всхлипы прекратились.

Майра почувствовала, что не может сделать ни шагу, и наступившая тишина показалась ей страшнее недавнего грохота.

Скрипнула половица, дверь медленно открылась.

С гривой белых волос, дыбом стоявших на голове и переходивших в косичку, спускавшуюся чуть ли не до половины спины, Альберт Чао был похож на чокнутого азиатского ученого. Он щурился, злые глаза грозно сверкали над острым носом. Но не это было самым страшным, потому что так Чао выглядел всякий раз, когда Майра его видела.

Нет, испугало ее красное пятно у него на груди. Майра повидала достаточно сценических эффектов, чтобы знать, как выглядят кровавые пятна, и сейчас не сомневалась: это настоящая кровь.

– Что тебе надо? – спросил Чао жутким ровным тоном.

Сердце Майры билось так сильно, что ребрам было больно.

– Я... э-э... За салфетками пришла... там кончились... ну, и услышала...

– Ничего ты не слышала, – твердо заявил мистер Чао. – И ничего не видела, ясно?

Она кивала так энергично, что у нее чуть голова не оторвалась.

– Все, можешь идти. Живо!

Майра опомнилась только внизу, с салфетками в руках, которые она поспешно сунула мистру Йонгу. Как бежала вниз по лестнице, она не помнила.

Йонг сочувственно посмотрел на нее.

– Ты как, в порядке? – спросил он. – Выглядишь так, словно привидение увидела.

– Я... э-э... – Подобрать слова никак не получалось, и Майра молча продолжала стоять на месте. Йонгу в конце концов надоело ждать, когда она заговорит.

– Ладно, оставим это. Обед еще не кончился, люди ждут.

Деликатность никогда не была его сильной стороной.

Несмотря на деловитое поведение Йонга, в ресторане ощущалась некоторая напряженность. Майра была не единственной, кто слышал выстрелы, хотя никто об этом не заговаривал. Больше того, некоторые ее знакомые куда-то исчезли – не кухонный персонал, а те, кто работал наверху, в служебных кабинетах. Наверное, испугались и просто сбежали, подумала она.

Но Майра позволить себе этого не могла, она слишком дорожила работой.

В последующие два дня ситуация сделалась еще более тревожной – полицейских нагрянуло больше, чем обычно, и они начали задавать вопросы работникам. В конце концов Майра узнала, что на площади Джирарделли обнаружили тела людей, предположительно работников ресторана Шина. Предположительно – потому что трупы сильно обгорели.

Когда пришла очередь Майры отвечать на вопросы полицейских, первым ее желанием было рассказать о разговоре с мистером Чао. Но тогда придется поделиться и слухами. А слухам она верить не хотела, во всяком случае до того злополучного дня, когда в ресторане понадобились дополнительные салфетки.

Слухи были такие: поговаривали, что «Восторг» – это прикрытие для банды.

Как именно выглядят гангстеры, Майра не знала. Разумеется, ей приходилось видеть людей, поднимающихся и спускающихся по лестнице. Одни входили через парадную дверь, другие – через заднюю. Но они мало чем отличались от грузчиков, которых нанимали в театре для установки тяжелых декораций. А их она гангстерами никогда не считала, с какой же стати подозревать людей из ресторана?

Так что, когда детектив из местного полицейского участка – полноватый мужчина в мятом черном костюме, – спросил, не видела ли она в последнее время чего-нибудь необычного, Майра сказала, что нет, ничего не видела. В некотором смысле это была чистая правда, убеждала она себя. Она не поняла ничего из того, что видела, так как же она может утверждать, будто что-то «знает»?

После разговора с детективом напряжение только усилилось, и теперь его ощущала и сама Майра. Теперь ей постоянно казалось, что мистер Чао спускается в ресторан, только чтобы посмотреть на нее. Однажды она услышала, как он спрашивает Йонга, доволен ли тот ее работой и не слишком ли много она болтает с другими служащими.

Йонг, дай бог ему здоровья, расхваливал ее – на свой лад, разумеется.

– На воровстве ее ни разу не поймал, – лаконично сказал он.

Однажды вечером в декабре она решила после смены сходить в парк «Золотые ворота». Один знакомый начинающий драматург устраивал «застольную читку» своей новой пьесы и, чтобы убедиться, что диалоги звучат естественно, пригласил группу актеров. Как и большинство писателей-новичков, он не мог позволить себе роскошь снять зал. Сам он жил в скромной квартирке, куда все не поместились бы, и он пригласил добровольцев на Марксов луг послушать, так сказать, «застольную читку без стола».

На Марковом лугу, расположенном на самом краю парка, было много мест для пикника, вполне подходивших для этой цели, народу тут было много, а свет от расположенных поблизости уличных фонарей обеспечивал и безопасность, и возможность чтения даже зимой, когда темнеть начинает так рано. Майра читала роль Джини – лучшей подруги главной героини; в таких ролях она всегда и выступала. Большинство диалогов показались ей довольно тяжело-веселыми, и автору было сделано множество замечаний.

Когда читка закончилась, почти все участники заявили, что не прочь выпить, и позвали Майру с собой, но ей на следующий день с раннего утра предстояло идти на работу.

К тому же она терпеть не могла выпивку.

В общем, Майра пожелала всем спокойной ночи и двинулась в северном направлении. Было светло, и она пошла к Фултон-стрит, где собиралась сесть на автобус.

Вдруг дорогу ей преградил какой-то мужчина, охваченный огнем.

– Господь всемогущий! – воскликнула она. – Стойте! Падайте на землю и катайтесь, только так огонь собьете! Падайте и катайтесь! – Она выхватила из сумочки телефон, чтобы набрать 911.

И только тут до нее дошло, что мужчина не кричит от боли.

И вообще ничего не делает.

Просто стоит на месте.

– Эй, вы меня слышите? – испуганно крикнула она, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Она огляделась, но поблизости не было никого, кто мог бы прийти ей на помощь. Майра вновь повернулась к горящему мужчине.

Он по-прежнему молчал. Только сейчас она заметила, что, хоть их со всех сторон окружают деревья и кусты, огонь на них не перекидывается. Даже траву не задевает.

Она открыла рот, но не сумела выговорить ни слова. Мужчина тем временем вскинул руки, и она увидела большой меч с кривым лезвием.

И тут он, наконец, заговорил. Голос его звучал, словно в испорченном репродукторе, – глухо и невнятно. Но что бы ни означали издаваемые им гортанные звуки, говорил он явно не по-английски, не по-китайски и не по-немецки. Майре показалось, что это японский. Одно слово она, кажется, разобрала – «дракон».

«Дорагон Кокоро» – вот что он сказал.

И хотя, что это значит, она не поняла, смысл до нее каким-то образом дошел.

Сдвинувшись с места, мужчина грозно навис над ней.

Она побежала.

Какого-то определенного направления Майра не выбирала, просто бежала. Она два года работала официанткой, ноги у нее были сильными, и теперь она мчалась между деревьями.

Но в какую бы сторону она ни сворачивала, как бы быстро ни бежала, Дорагон Кокоро не отставал, языки пламени взвивались все выше, меч свистел над ее головой, готовый в любой момент рассечь ее надвое.

Майра потеряла всякое представление о том, где находится. Она и так умирала от страха, а тут еще выяснилось, что парк, в котором даже в холодный декабрьский вечер хоть кто-то да бывал, совершенно пуст. Даже на Кеннеди-плейс – она узнала это место – никого не было.

Ей хотелось позвать на помощь, но из горла вырывался только невнятный хрип, и дыхание становилось еще более неровным. Ноги у нее были сильные, но она уже много лет не бегала, и начинающееся в легких жжение острой болью отдавалось во всем теле.

И все же она продолжала бежать в надежде оторваться от преследователя.

Есть тут хоть кто-нибудь?!

Теперь она больше спотыкалась, чем бежала, и добралась наконец до берега озера Ллойд, где ей пришлось остановиться. И оборачиваясь, она уже знала, что увидит.

И точно – перед ней стоял охваченный пламенем человек с высоко поднятым мечом; огонь отражался в черной озерной воде.

Майра наконец обрела дар речи, но не закричала, а скорее всхлипнула.

– О боже, прошу вас! Я не хочу умирать! Не убивайте меня, пожалуйста! Я не хочу умирать!

Голос ее звучал все громче. Дорагон Кокоро заколебался, и Майра замолчала, надеясь, вопреки всему, что ей удалось умиловить его. На миг ей даже показалось, что в его полыхающих глазах мелькнуло что-то похожее на жалость.

– Я не хочу умирать, – повторила она.

– Я тоже не хотел, – сказал он и обрушил на нее свой меч.

На этот раз все было иначе.

Теперь Накадаи мог общаться с живыми. Действиями его по-прежнему управлял кто-то другой, но чувствовал он себя более сильным, быстрым, умелым.

А вместе с этими переменами пришел и один беспокойный вопрос. Накадаи по-прежнему ощущал присутствие Альберта Чао, но уже не мог утверждать, что действует только по его указке.

Он оказался в роще, освещенной огнями, горящими без пламени. В следующее мгновение перед ним возникла женщина, и сразу стало ясно: кем бы она ни была, она должна умереть.

И он преследовал ее до тех пор, пока ей уже некуда было бежать.

– О боже! Пожалуйста, я не хочу умирать! Не убивайте меня, прошу вас! Я не хочу умирать! – жалобно повторяла она.

Накадаи заколебался. Мольба женщины напомнила ему о том, каково это – быть человеком. О том, что он сам чувствовал, когда умирал. Когда это было?..

Меч взлетел и обрушился на жертву.

Потом он стоял на берегу тихого озера, склонившись над обуглившимся изуродованным телом, и думал, как долго это еще продлится.

– Так-так-так, – услышался голос у него за спиной. – Давненько не виделись, а, Накадаи?

Он обернулся и увидел молодого блондина в укороченных брюках и безрукавке.

– Рад, очень рад новой встрече, – продолжал блондин, широко улыбаясь. – Немного не по плану, конечно, но ведь это только начало.

– Не понимаю, о чем вы говорите, – сказал незнакомцу Накадаи. – Впрочем, это неважно. Я ухожу.

– Не так быстро, приятель. – Блондин поднял руку.

Накадаи вдруг почувствовал, что не может сделать ни шага.

Прищурившись, он присмотрелся к незнакомцу. Это был европеец, значит, потомком Накадаи он быть не может, и, стало быть, не может управлять его действиями, разве что...

– Так это ты.

– Точно. – Голубые глаза и радужная оболочка почернели. – Этот малый мне нравится куда больше посыльного Чо. Тот был просто жалкий червяк.

– Что тебе нужно? – Дар речи ронин не потерял, но пошевелиться по-прежнему не мог.

Демон оскалится, обнажив безупречно белые зубы.

– Что мне нужно? А ты как думаешь? – Голос незнакомца стал похож на голос давно погибшей Акеми. – Не хочешь же ты сказать, что я сжег тебя заживо, просто чтобы поразвлечься?

– Не стану утверждать, будто понимаю, как работает твой разум.

Демон хрипло рассмеялся.

– Ну что ж, ты прав! На тебя, Накадаи, у меня далеко идущие планы. Или правильнее называть тебя Сердце Дракона? Должен признать, меня до сих пор трясет от смеха, как подумую, что эта кличка как прилипла к тебе двести лет назад, так и не отстает. Ты-то ведь ее ненавидел.

– У тебя на меня планы? – с отвращением переспросил Накадаи.

– Разумеется! И наконец настало время осуществить их.

– И что же это за время такое особенное?

Демон откинул голову и снова засмеялся.

– А ты сам разве ничего не заметил? Понимаю, это не совсем по твоей части, но наступил конец света! Помнишь: «смерть приходит на бледном коне»²⁶? Собаки и кошки спят вместе... Массовая истерия... Это и есть конец света, и мне он нравится!

Совершенно не понимая, что там бормочет демон, Накадаи просто смотрел на него.

²⁶ Откр. 6:7–8.

Покачивая головой, демон театрально вздохнул.

– Вы, духи проклятых, никак не можете оценить классику. Видишь ли, – он взмахнул рукой, – я говорю об Апокалипсисе. Демоны сражаются с ангелами, и пусть победит сильнейший из серафимов. А ты, Накадаи-сан, – туз у меня в рукаве.

Накадаи сдвинул брови.

– Ничего не понимаю.

– Наверняка ты заметил, что сейчас у тебя больше возможностей, чем раньше. В тот раз ты только и мог, что размахивать, как дурак, пылающим мечом. А сейчас все по-другому. Печати сорваны, Люцифер на свободе, Бог больше не у себя на небесах. Весь мир перевернулся с ног на голову. А нам с тобой пора дать одному ангелу под зад. – Он снова вздохнул. – К сожалению, это не так просто. Твоя внучатая племянница, конечно, молодец. Сумела проникнуть в тайну заклинания и придумала, как его нейтрализовать. Жаль, что она была такая упертая, а то могла бы стать потрясающей ведьмой. Ну да ладно, что сделано, то сделано. Зато ее внук полностью подчинил тебя себе.

Накадаи покачал головой.

– Ну да, я сразу узнал его руку в этом деле, – сказал он. – Значит, он снова вернул меня, чтобы я совершил ради него еще какую-нибудь гадость.

– Нет, на этот раз ничего не вышло. Благодаря этому ублюдку Джону Винчестеру ты очень уютно устроился в своей тюремной камере.

Накадаи даже вздрогнул – такая злоба прозвучала в словах демона. Интересно, что же сделал этот человек, Джон Винчестер, чтобы заслужить ненависть демона?

– Но в новолуние, – продолжал тот, – твой родственничек даже не удосужился вызвать тебя. Хотя, по правде говоря, ты только ради этого и создан. Ты – наше тайное оружие. Но рано или поздно Альберт все равно призовет тебя и, как только он подцепит тебя на крючок, мне придется дергать тебя за ниточки от его имени. А все из-за его полоумной бабки. И чтобы ты с крючка не сорвался, мы вынуждены оставить его в живых. Но только до тех пор, пока он не позарится на слишком большой кусок. А тогда – пиф-паф, ты тоже исчезнешь в мгновение ока. Эта девчонка, – он указал на тело, лежащее у ног Накадаи, – видела то, чего видеть была не должна. И можешь себе представить, этот кретин собирался оставить ее в живых. Чокнутый! Сам себе проблемы создает. – Демон задумчиво посмотрел на Накадаи. – Ладно, время поджимает. Ангелы сидят у нас на хвосте, и ты нам нужен. Только помни, силач, на сей раз ты будешь играть за хозяев поля. И случится это довольно скоро.

С этими словами блондин откинул голову назад, и изо рта у него вырвался столб черного дыма. А когда дым рассеялся в ночном небе, упал в грязь.

Замертво.

Накадаи тоже начал растворяться в воздухе, чтобы вернуться в забвение и ждать, когда его призовут вновь.

Вот только кто это будет?

Глава 21

Когда Сэму Винчестеру было десять лет, он безумно увлекся дорожными картами.

Все началось с того, что он стал донимать отца вопросами, куда они поедут в следующий раз. Ответы всякий раз звучали по-разному, а Сэм в ту пору был еще очень юн, чтобы сдерживать любопытство. Но ни у Джона, ни и у четырнадцатилетнего Дина не было времени отвечать подробно. И чтобы хоть как-то заткнуть этот фонтан, отец купил ему атлас.

Идея оказалась удачной. У Сэма появилось хобби, и он перестал донимать Джона и Дина вопросами. Неделями он тратил каждую свободную минуту на разглядывание карт, изучение главных и второстепенных дорог и расположение улиц в разных городах. Его интересовали топография, границы, пограничные пункты...

Но больше всего его воображение занимала Система федеральных трасс Соединенных Штатов, или, как он, задыхаясь от волнения, рассказывал отцу и брату, возвращаясь из публичной библиотеки в Иноивне, созданная по инициативе Дуайта Д. Эйзенхауэра «Национальная система федеральных стратегических трасс». Он рассказывал терпеливому отцу и нетерпеливому брату, как тридцать четвертый президент США пробивал в конгрессе Акт 1956 года о государственной поддержке дорожного строительства, в результате которого должна быть создана артериальная система, способствующая процветанию торговли и обеспечивающая безопасность, если начнется ядерная война.

Особенно его восхищал принцип нумерации дорог. Те, что шли с севера на юг, отмечались нечетными цифрами, с востока на запад – четными. Чем больше цифра, тем ближе к северу или востоку расположена дорога.

Дин ничему этому не верил. Он считал, что все это ерунда, Сэм просто фантазирует, но отец встал на защиту младшего сына.

– Многие из этих дорог, – сказал Джон Винчестер, к огромному удовольствию Сэма, – были построены еще в годы в моей молодости. Если на пути попадался холм, строители рыли тоннель, через реки перекидывали мосты. Случалось, они превращали в дороги уже существующие тропы. – Он подмигнул сыновьям. – Конечно, в Канзасе в этом не было нужды – там ведь почти нет домов.

Дин откинулся на спинку стула и сердито обозвал их обоих умниками.

Подобно большинству детских увлечений Сэма, это тоже прошло довольно быстро. Но полученное умение читать карты сохранилось, и вскоре он стал бессменным штурманом, когда семья выезжала на очередную охоту.

Мэпквест и Гугл почти упразднили потребность в атласах. Но Сэм не до конца доверял им. Слишком часто они путали направление движения или предлагали воспользоваться несуществующим мостом. Так что, отправляясь в очередную поездку, Сэм всегда брал с собой старый верный атлас. И неизменно находил более удобный маршрут, чем тот, что подсказывал навигатор.

И Дин, и Сэм оба знали, как быстрее всего добраться от свалки Сингера в Южной Дакоте до почти любой крупной трассы. Федеральное шоссе номер 80, по которому они сейчас ехали, из Нью-Йорка до Сан-Франциско пролегало в основном по сельской местности. Для «Импалы» это была, наверное, самая привычная дорога – прямой путь через Омаху и Небраску – к мосту через залив²⁷.

Прошерстив библиотеку Бобби в поисках всего, что могло иметь отношение к Драгону Кокоро, Сэм и Дин отправились в путь. Дело происходило в середине дня, и сначала за руль сел

²⁷ Висячий мост, соединяющий Сан-Франциско и Окленд.

Сэм. Дин, всю ночь игравший в покер, спал рядом, на пассажирском сиденье. Ближе к закату братья поменялись местами.

Это имело два последствия.

Во-первых, в машине громче зазвучала музыка, для начала металл – «И поровну всем».

Во-вторых, у Сэма появилась возможность перечитать дневник. В книгах и бумагах Бобби отыскать удалось не много, да и в интернете тоже, так что ему захотелось еще раз полистать записи Джона. После того, как он ознакомился с материалами, найденными в библиотеке Бобби, в дневнике отца обнаружилось немало любопытного.

– Так-так, – пробормотал Сэм.

Дин убавил звук.

– Ну, что там?

– Да вот, перечитываю записи отца, – пояснил Сэм. – Есть кое-что интересное про Альберта Чао, ну, того малого, что вызывал духа последние два раза. Отцу он показался типичным шаманом-жуликом. Щуплый, юркий, пронырливый, никак не может найти себе место в мире – по крайней мере, в том мире, каким он, по его мнению, должен быть. Напускает на себя таинственность, чтобы прикрыть собственное ничтожество.

– Лучше бы попробовал голубую таблетку, – насмешливо бросил Дин. – Ладно, неважно. Насколько я понял из дневника, отец считал, что у Чао было не много шансов остаться в живых после изгнания духа.

Сэм покачал головой.

– Я бы так не сказал. Судя по бумагам Бобби, только этот Чао и способен вызвать его. Именно он – потомок ронина, и если верить текстам, дух неотделим от того, кто его вызвал, и охраняет его, что бы ни случилось.

– Ну и что, выходит, нам с этим типом вообще никак не справиться?

Сэм пожал плечами.

– Да нет, справиться-то мы с ним можем, только пользы от этого никакой. Самое лучшее – повторить то, что сделал отец, заговорить меч. Увы, это только позволит прогнать дух самурая на очередные двадцать лет.

Дин помрачнел.

– Придется ждать еще два десятка лет? Черт, да я и двадцати дней не выдержу.

Сэм только вздохнул.

– Вот-вот. Но Кас считает, что Сердце Дракона – это большая проблема, так что придется уж нам постараться.

На это ответить было нечего, и Дин снова включил музыку. Зазвучала «Урожай тоски». А Сэм снова начал разбирать отцовские каракули.

Через некоторое время он заснул, а когда проснулся, на востоке уже поднималось солнце. «Импала» выезжала из Сакраменто.

– Ну, так что, какой у нас план? – спросил Дин.

Сэм потер глаза.

– Кофе?

Дин усмехнулся.

– На ближайшей заправке.

Перелистав отцовский дневник и найдя нужную страницу, Сэм пробежал глазами названия.

Наверное, лучше всего поехать в тот же мотель, где когда-то останавливался отец. «Император Нортон» находился на Эллис-стрит, недалеко от Китайского квартала. А потом – в ресторан, откуда он в последний раз изгнал духа.

Дин искоса посмотрел на брата.

– «Император Нортон»?

Сэм немного помолчал.

– Ты что, ничего не слышал про императора Нортонна?

– Нет, если ты не имеешь в виду героя «Новобрачных», которого играл Арт Карни²⁸, – признался Дин. – Только ему, по-моему, даже Повелителем енотов не удалось стать.

Сэм рассмеялся.

– Неужели ты и правда никогда не слышал эту историю? Был такой неудачливый бизнесмен Джошуа Нортон. В конце концов он полностью обанкротился и в 1859 году провозгласил себя Нортонном Первым, императором Соединенных Штатов и лордом-протектором Мексики. Он распустил конгресс, ввел собственную валюту... да, и еще объявил, что каждый, кто назовет этот город «Фриско», будет оштрафован на двадцать пять долларов.

– Ну что ж, – фыркнул Дин, – если мы его встретим, отдам ему двадцатку и пятерку.

– Никто его всерьез не воспринимал, но все любили. И некоторые из его идей были совсем недурны. Например, он издал указ о строительстве висячего моста через залив и скоростной железной дороги. Кстати, если не ошибаюсь, несколько лет назад кто-то предложил назвать мост его именем.

– Отлично, поселимся в королевском люксе и закажем что-нибудь из китайской кухни. А пока поищем какой-нибудь ресторанчик.

Сэм поднял голову и увидел синее табло с перечнем забегаловок сразу за ближайшим съездом с шоссе. Там был ресторанчик, три киоска с фастфудом и «Старбакс». Ему захотелось зайти туда – карточные выигрыши Дина это позволяли, но он решил не искушать судьбу. В последнее время они снова охотились вместе, и пока все шло хорошо.

Однако раны еще кровоточили. И дело было даже не в том, что Сэм развязал Апокалипсис. «Да, – говорил он себе, – от этого тоже больно, но что по-настоящему ранит Дина, так это что я поверил Руби больше, чем ему. Я солгал ему, предал его. Не следовало этого делать. Никогда нельзя забывать, что вместе нам лучше, чем по отдельности».

И он решил не заходить в «Старбакс», просто кивнул Дину – съезжай направо.

В то утро Альберт проснулся в хорошем настроении.

Предпочитая спускаться всего лишь на один лестничный пролет, он поселился прямо над рестораном Томми Шина.

Едва он вышел из ванной, как зазвонил телефон.

Сначала мобильники Альберту нравились. Они позволяли немедленно связываться со своими людьми, и теперь, когда в его руках сосредоточилась вся власть, которая раньше принадлежала Томми, это было очень удобно. Если Томми намного опередил Старика в использовании новейших технологий, то Альберт в этом смысле был еще искуснее.

К сожалению, то же самое можно было сказать о служителях закона. Если техника позволяла Альберту всегда быть в курсе их деятельности, то и они до смешного легко отслеживали шаги его людей.

Появление сменных сим-карт значительно облегчило жизнь – они продавались в любой лавке, и копам всех звонков не отследить.

Теперь Альберт менял мобильники раз в месяц, регистрируя их на подростков – курьеров Триады, низший персонал, которым, во-первых, ничего не известно и, во-вторых, их в любом случае не потащишь в суд.

Зазвонил мобильник, зарегистрированный на сына мойщика из химчистки, который жил двумя этажами ниже. За разрешение воспользоваться его именем отец мальчишки получал небольшую прибавку к зарплате. Альберт потянулся к телефону и увидел, что ему звонит Хан. Еще на экране появилось сообщение от Оскара.

²⁸ Американский киноактер (1918–2003).

– Это насчет той официантки, Майры Ву, – сказал Хан. – Ее тело нашли в парке «Золотые ворота». В таком же состоянии, что и Роя с Джеком.

Выругавшись вполголоса по-японски, Альберт захлопнул крышку мобильного.

Как это могло случиться?

Альберт вовсе не желал смерти Майры, как не желал он смерти Роя или Джека.

Ну да, произошла небольшая накладка, но он обо всем позаботился, убедился, что Майра ничего не сказала полиции. Вообще-то, он ценил служащих, которые держат рот на замке без всяких угроз с его стороны. Что же касается Роя и Джека, то они просто болваны – сорвали продажу партии оружия банде байкеров, однако же не такой Альберт человек, чтобы напускать на них за это головорезов.

В любом случае никто из них смерти не заслуживал.

Но даже это не самое худшее.

Сердце Дракона вернулось. У Альберта голова пошла кругом. Но этого не может быть! Никто, кроме него...

Прошло двадцать лет с тех пор, как гайдзин по имени Джон Винчестер наложил заклятье, которое изгнало духа на ближайшие восемьдесят смен времен года. Альберту пришлось самому заботиться о себе, и он с этим вполне справился. После смерти Томми Шина Альберт перестал нуждаться в помощи потусторонних сил. У него и так было все, что нужно.

Он уже давно понял, что Дорагон Кокоро – это не пистолет, который в любой момент можно вытащить из кармана. Такое оружие надо держать про запас. И пока нужды в нем не возникало.

По-прежнему ругаясь про себя, Альберт оделся и спустился вниз. У входа в кабинет его ждал Йонг.

– Это правда – насчет Майры? – выпалил он.

– Правда. – Альберт сунул руку в карман брюк и достал ключ от кабинета.

– Только этого не хватало, – проворчал Йонг. – Теперь придется искать новую официантку.

В других обстоятельствах Альберт улыбнулся бы. Йонг никогда не отличался сентиментальностью, это-то и делало его хорошим менеджером.

Йонг шагнул в кабинет вслед за Альбертом.

– Разговоры всякие ходят... – неуверенно начал он.

Альберт удивленно посмотрел на него, он не привык к тому, что Йонг может быть в чем-то не уверен.

– Что за разговоры?

– Про Сердце Дракона. Слушай, меня там не было, и вообще мне наплевать на то, что произошло с Линем. Если тебе захотелось, чтобы все вокруг знали, что ты за ниточки дергаешь какого-то там демона, – твое дело. Тем более что это сработало. Все признали, что главный теперь ты. Но сейчас опять поднялся какой-то ропот, и ситуация выходит из-под контроля. Так продолжается с тех пор, как на Джирарделли наши Роя и Джека.

Сев за стол, Альберт включил компьютер и, дожидаясь, когда тот загрузится, повернулся к Йонгу.

– А что, если все так и есть?

– В смысле?

– Неважно. – Альберт посмотрел на экран.

Лучше с Йонгом особо не откровенничать. А то еще решит, что босс тронулся. Сердце Дракона – просто легенда, и Альберта вполне устраивало, если все и дальше будут так думать. Да, но кто убил Роя, Джека и Майру? И зачем убивать так, чтобы все подумали на духа?

– В общем, Йонг, можешь быть уверен, никаких духов я в последнее время не вызывал. И не натравливал их на тех, кто мне мешает.

– А почему бы и нет? – последовал ответ.

– То есть? – Альберт даже заморгал от удивления.

– Если дух на свободе, – сказал Йонг, – почему бы не использовать его в своих интересах?

– О чем это ты?

Йонг усмехнулся. Это тоже было на него не похоже.

– Я о Драгоне Кокоро, Альберт. О духе, которого ты вызвал к жизни сорок лет назад и мог вызвать снова, но не захотел. Вопрос: почему?

Глаза Йонга постепенно чернели, и с ними, кажется, чернела вся его голова.

– Что тебе нужно, демон? – воскликнул Альберт.

Йонг удивился.

– Ты что, действительно знаешь, кто я такой?

– Когда Сердце Дракона ускользнул от меня во второй раз, я решил побольше разузнать о сверхъестественных силах, – сказал Альберт, крутя в пальцах амулет, который носил на шее. Он даже нанял консультанта – старого гайдзина по имени Оскар, хотя особого толку от него до сих пор не было. – Так что да, демон, я знаю, кто ты такой. Чего я не знаю, так это что тебе нужно.

Существо, присвоившее себе тело Йонга, усмехнулось.

– Все очень просто, – сказала оно. – У тебя есть то, что принадлежит мне. Драгон Кокоро мой. Это я его создал. И по-прежнему управляю его действиями, но сейчас лишь теми, которые совпадают с твоими желаниями.

– Но у меня не было ни малейшего желания убивать этих людей! – возмутился Альберт.

– Еще как было, – возразил демон голосом Йонга. – Может, ты хотел этого бессознательно. А может, это желание таилось где-то глубоко в твоей душе, там, где сидит тот двухлетний малыш, которому во всем отказывали и который никогда не получал того, что хочет. А теперь ему захотелось, чтобы эти трое умерли. Что касается моих желаний, то они очень простые. Я хочу, чтобы мне вернули моего духа. Кукловод годится для двух-трех представлений, но теперь я собираюсь покончить кое с кем из ангелов. Так что придется тебе отдать его мне.

Альберт улыбнулся. И так, демон признается, что обладает над ним некой властью. Альберт продолжал тереть амулет, купленный несколько лет назад у Белы Талбот, приятельницы Оскара. Бела уверяла, что он обладает волшебной силой, оберегающей от одержимости, и так оно и оказалось. Ведь если демону захотелось снова захватить власть над Сердцем Дракона, ему было бы достаточно подчинить себе Альберта.

Но, очевидно, что-то пошло не так.

– В таком случае, демон, – сказал Альберт, – у тебя проблемы, потому что я не собираюсь отпускать на волю дух своего предка. Ни ради тебя, ни ради кого-то или чего-то еще. Придется тебе меня убить. Ах да, как же я упустил? Тебе ведь это не под силу, да? – И он улыбнулся. – Если, конечно, ты не хочешь, чтобы Драгон Кокоро исчез навсегда.

– Верно. Как верно и то, что, пока у тебя на шее болтается эта штука, мне в тебя не вселиться. – Как ни странно, демон тоже улыбнулся. – Только не воображай, Альберт Чао, что мне до тебя не добраться. Еще как добраться, и я уже доказал это.

– Убив моих людей? – Альберт пренебрежительно отмахнулся. – Ерунда. Мне до них вообще дела нет. Уже очень много лет очень многие пытаются одержать надо мной верх, а я все еще стою на ногах.

– До сих пор с тобой мерились силами люди. А теперь за тебя возьмусь я. – Демон вздохнул. – Впрочем, мы могли бы договориться. – Он перегнулся через стол и уставился на Альберта угольно-черными глазами. Тот невольно вздрогнул. – Мне нужно на некоторое время одолжить Накадаи. А потом я найду способ с тобой рассчитаться. Ты не пожалеешь.

Альберт расхохотался.

– Что же ты можешь посулить мне? Проучить тех, кто не давал мне поднять головы? Напакостить моим обидчикам, настоящим и воображаемым? Если бы ты предложил мне это, когда я впервые вызвал своего предка, я бы с удовольствием согласился. Когда я был зеленым юнцом и любую несправедливость считал трагедией, я только для этого Сердце Дракона и использовал. – Упершись ладонями в стол, Альберт наклонился вперед. – Но я уже не ребенок. И именно отсутствие духа позволило мне пожелать то, чего я желаю сейчас. Триада заметила меня благодаря *моим* неустанным трудам, *моим* способностям, позволившим стереть клеймо полукровки. Двадцать лет я жил без помощи духа. Исчезновение Сердца Дракона – лучшее, что со мной случилось!

Йонг заржал, словно жеребец.

– *Твои* способности? Вот это славно! Да если бы не неуязвимость, дарованная тебе Драгоном Кокоро, ты бы уже давно пошел на корм червям.

– Возможно, – сказал Альберт, твердо решивший стоять на своем. – Но дух – мой, и я волен распоряжаться им по своему усмотрению.

Демон приблизил свое лицо к лицу Альберта. На того пахнуло арахисовым соусом, которым Йонг приправлял все, что ел.

– Отдай его мне! – прошипел он.

Альберт выпрямился.

– Я обдумаю твоё предложение, демон. Приходи за ответом завтра.

Несколько секунд черные глаза, не мигая, смотрели на него. Затем голова Йонга откинулась назад и из распахнувшегося рта вырвалась струя черного дыма, взметнувшаяся к потолку, словно столб пепла над вулканом.

Потом дым рассеялся, и Йонг рухнул на пол.

Альберт позвонил вниз, чтобы кто-нибудь пришел и убрал тело, а потом достал из кармана мобильный телефон. Он не ответил на сообщение Оскара сразу, как только получил его, и даже не прослушал, потому что давно решил, что с оккультизмом покончено. Все девяностые годы он провел, погружившись в эту тему с головой, но в последнее время почти утратил к ней интерес. Даже подумывал, не отказаться ли от услуг Оскара. Но сейчас подумал, что тот может ему пригодиться.

Он прослушал сообщение.

«Привет, Альберт, это Оскар. Знаю, сейчас все это тебя не особо интересует... Но помнишь, ты просил меня разузнать насчет заклинания, связанного с тем мечом, у которого крюк на конце? Так вот, ты не поверишь!.. Кто-то его применил! Да, и еще: у меня чуть дом не сгорел. Перезвони, ладно?»

Альберт обругал сам себя: надо же быть таким болваном!

Сорок лет назад тот лысый мужик вместе с женой и дочерью расстроили все его планы и вырвали из рук самое мощное оружие, какое когда-либо у него было. Но он так и не смог выяснить, откуда эта семейка появилась.

Двадцать лет спустя все повторилось – и снова оружие оказалось в руках белого. И на этот раз он узнал имя: Джон Винчестер.

Но кроме имени у него по-прежнему ничего не было.

В 1996 году Альберт разыскал Оскара, у которого был дом в Милл Вэлли, доставшийся ему от отца, врача, погибшего на Корейской войне.

Когда Альберт впервые появился в старом доме на окраине Сан-Франциско, его встретил истрепанный прожитыми годами мужчина европейской внешности, с пышной белой бородой и остатками седых волос. Он был в выцветшей фланелевой рубашке, потертых джинсах и грязных ковбойских сапогах.

– Ну, и какого черта тебе здесь нужно?

– Меня зовут Альберт Чао, и я хочу предложить вам работу.

Старик от души рассмеялся.

– Работу? Мне? Да один твой костюм стоит дороже моего дома. А судя по татуировке, ты из Триады. За каким чертом я тебе понадобился?

– Власть Триады не простирается на мир духов, – сказал Альберт. – В отличие от вашей. Для меня это важно.

– Ах, вот как. – Оскар почесал заросший бородой подбородок. – То есть убивать никого не придется?

– Нет.

– Это плохо.

– То есть как это? – Альберт удивленно поднял брови.

– Я надеялся, мне удастся прикончить кого-нибудь. – Оскар усмехнулся. – Понимаешь, это единственное, чего мне не хватает на охоте. – Улыбка погасла. – Ну, и что тебе понадобилось?

– Мне нужна информация.

– Назови хоть одну причину, почему я должен принять твоё предложение.

– А разве вы хотите умереть от голода? – Альберт слегка улыбнулся. – Наследство вы проели. Вложения не оправдались. Еще полгода, и вы пополните ряды бездомных и станете нищим. Я мог бы избавить вас от этого.

Несколько секунд Оскар молча смотрел на Альберта. Потом заговорил.

– Информация, которая вам нужна... Чтобы добыть ее, придется надрать зад другим охотникам?

– Возможно.

– Годится. – Оскар снова усмехнулся. – Кучка недоумков, все до единого. Из кожи вон лезут, чтобы избавиться от зла, а зла становится все больше. Пустая трата времени. Ату их!

Он протянул руку.

– Я в вашем распоряжении, мистер Чао.

Оскар называл себя охотником, и, судя по его словам, охотником был и Джон Винчестер.

То, что Оскар дожил до пенсионного возраста, произвело на Альберта впечатление. Информация, которую он собирал целых семь лет, была неоднозначной, но одно было ясно: те, кто выбрал своей профессией охоту за сверхъестественными существами, до пенсии не доживали.

Год за годом Оскар снабжал Альберта разнообразными сведениями, хотя того они интересовали все меньше и меньше. Одни сведения были недостоверными, другие противоречивыми, и все же они позволяли заглянуть за те пределы, которые соприкасались с реальным миром всякий раз, когда он вызывал Сердце Дракона.

Год назад Оскар подтвердил, что, по имеющейся у него информации, Джон Винчестер мертв. Причины смерти называли разные: одни говорили, что он погиб в бою с вампиром, другие – что в него вселился демон, третьи – что он застрелен из старинного ружья и сожран вурдалаками. А по одной из версий в его смерти вообще не было ничего сверхъестественного – говорили, что он погиб под колесами грузовика. Однако у Винчестера было двое сыновей, которые тоже стали охотниками, и весьма успешными.

Но Альберт верил далеко не всему, что слышал от Оскара, – слишком уж невероятными были эти истории.

Ставки росли. Если Апокалипсис действительно приближается, для бизнеса это хорошо.

Однако сейчас Оскар сообщил, что способен привести в действие заклинание, которое может пригодиться Альберту, если меч с крюком снова появится в Сан-Франциско или его окрестностях. И поскольку приближается время, когда Альберт вновь сможет призвать Накадаи, он велел старому охотнику действовать.

И совершенно забыл об этом, а вспомнил только сегодня.

Он набрал номер Оскара.

– Да?

– Где меч?

– Рад тебя слышать, Оскар. Как дела, Оскар? Давненько не виделись, Оскар, – ехидно ответил старик.

Но Альберту было не до церемоний.

– У меня только что был демон, хозяин Сердца Дракона. Так что, если меч в Сан-Франциско, он мне нужен. Где он?

– В районе Эллис-стрит, – ответил охотник, которому теперь тоже стало не до насмешек. – Объявился только утром, и я сразу отправился туда, чтобы уточнить место. Это мне не удалось, но я подобрался совсем близко, в этом я уверен. Отправил тебе на мобильный карту с адресом.

Альберт проверил почту и тут же переслал картинку Тини.

– Спасибо, Оскар, – сказал он. – И держи телефон под рукой, скоро ты мне понадобишься.

– Как скажешь. Хочешь, чтобы я соорудил дьявольскую ловушку? А что, может сработать, если идти за демоном на цыпочках.

– Отличная идея, – согласился Альберт. – Тащи ее сегодня же в ресторан.

– Считаю, что она уже у тебя.

Альберт отключился и набрал номер Крошки.

– Я тебе только что отправил карту, там очерчен один квартал. Там находится гостиница, в которой остановились двое парней. Они братья, фамилия у них одна, так что найти будет не трудно. Они привезли с собой кривой меч с иероглифами на клинке. Он мне нужен. Возьми с собой Джека. Если кто-то будет мешать, стреляй.

– Слушаю, босс.

Помимо прочих достоинств, Альберту в Крошке нравилось то, что его словарь ограничивался двумя словами: «Слушаю, босс». По крайней мере, когда он разговаривал с Альбертом, а только это и имело значение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.